

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Институт
гуманитарных
наук и искусств

А. В. ЗАЙКОВ

ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕЙ СПАРТЫ

Основные категории социальной структуры

ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕЙ СПАРТЫ

А. В. ЗАЙКОВ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЫЦИНА

А. В. Зайков

ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕЙ СПАРТЫ: ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Рекомендовано методическим советом УрФУ
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по программе магистратуры
по направлению подготовки 030600 «История»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2013

УДК 94(38)я73-1
ББК ТЗ(0)321–9я73–1
3-172

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории Южного федерального университета (заведующий кафедрой доктор исторических наук, профессор А. А. Егоров);

кафедра прав человека Гуманитарного университета (заведующий кафедрой доктор политических наук, доцент С. И. Глушкова);

В. Н. Земцов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета

Зайков, А. В.

3-172 Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры : [учеб. пособие] / А. В. Зайков ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 196 с.

ISBN 978-5-7996-0886-6

Книга представляет собой учебное пособие по одноименному спецкурсу для студентов магистратуры, обучающихся по специальности 030600 «История». Данное пособие может быть также использовано студентами бакалавриата и преподавателями при подготовке общего курса лекций и семинарских занятий по всеобщей истории (в первую очередь – по истории Древней Греции и Древнего Рима), а также для подготовки различных специальных курсов по другим гуманитарным специальностям и направлениям, освещающим социальную, правовую и политическую историю.

УДК 94(38)я73-1
ББК ТЗ(0)321–9я73–1

На обложке: фрагмент северного фриза сокровищницы сифнийцев в Дельфах (VI в. до н. э. Археологический музей Дельф, Греция). Сцена из Гигантомахии. В центре Арес сражается с двумя Гигантами, один из которых поднимает огромный камень, чтобы поразить им бога. К ногам противников замертво упал обнаженный Гигант. Справа Гермес в островерхом (спартанском) шлеме и с мечом нападает на двух Гигантов. Слева Афина уже поразила упавшего на колени Гиганта и теперь бьется со вторым. Все Гиганты вооружены как гоппиты.

© Уральский федеральный университет, 2013

© Зайков А. В., 2013

ISBN 978-5-7996-0886-6

© Зайков А. В., фото на обложке, 2013

ОТ АВТОРА

Данная книга является учебным пособием к одноименному спецкурсу, читаемому магистрантам исторического факультета Уральского федерального университета. Кроме того, тематически это пособие теснейшим образом связано с такой учебной дисциплиной, как «История Древней Греции и Древнего Рима», поэтому оно может быть полезно как преподавателям при подготовке лекций и семинарских занятий по указанному курсу, так и бакалаврам, его осваивающим. Кроме того, в книге собран богатый фактический материал, весьма полезный для студентов, готовящих курсовые и квалификационные работы по социальной истории древних обществ; в связи с этим книга ценна еще в одном отношении: она поможет сориентироваться в богатейшей библиографии и историографии социальной истории Спарты и Древней Греции вообще.

Три главных элемента социальной структуры Спарты – сословия спартиатов, периеков и илотов – рассмотрены в пособии в аспекте их политико-правового, военного, экономического статуса и основных функций. При этом автор отдает себе отчет в том, что сосредоточение внимания только на данных сословиях, хотя и главных, существенным образом обедняет общую картину лакедемонского общества периода архаики и классики. К сожалению, ограниченный объем книги не позволил представить анализ таких социальных категорий, как мофаки, неодамоды, гипомейоны, ксены, метеки и другие маргинальные группы. Некоторые частные аспекты статуса этих категорий обсуждаются в тех случаях, когда это необходимо для характеристики основных сословий спартанского общества.

Остается добавить, что типология спартанского полиса анализируется в пособии не только исходя из внутренних особенностей его социальной организации, но и с учетом природно-хозяйственных условий существования этого полиса, а также исторических факторов, повлиявших на процесс его становления.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование спартанского общества архаического и классического периодов дает важный материал для изучения общей картины греческого полиса эпохи его становления и расцвета, для понимания его социальной структуры и постижения сути, а также – в более общем плане – для исследования проблем социальной стратификации древнего общества.

Научная литература о Спарте насчитывает сотни солидных монографий, небольших брошюр, статей в изданиях самого разного характера. К исследованию спартанской истории обращались ученые с различными мировоззренческими позициями, политическими симпатиями, научно-методологическими подходами. Что же касается социальных отношений в Лакедемонe, то необходимо отметить сосредоточение внимания большинства исследователей на внутренних особенностях общины спартиатов и на отношениях между ними и илотами. Лишь отдельные работы посвящены таким категориям населения, как перизки, неодамоды, мофаки. Между тем без анализа этих социальных групп невозможно добиться взвешенного и адекватного понимания сущности спартанского общества. Лакедемонский полис предстает в несколько ином свете, если отрешиться от традиционного невнимания к неспартиатским категориям, и прежде всего – от невнимания к сословию перизков. В данном пособии не разделяется весьма распространенный в новейшей историографии подход к перизкам как к некой «прослойке» или промежуточному слою; здесь перизки рассматриваются как вполне сложившееся сословие, обладавшее достаточно четким статусом и исполнявшее хорошо зафиксированные общественные функции.

Источниковая база, на основе которой можно изучать спартанское общество архаической и классической эпох, представлена, главным образом, письменными материалами: нарративными (тру-

ды исторического и географического характера, философские трактаты, поэтические творения), документальными (спартанские ретры и тексты договоров, эпиграфические материалы), лексикографическими источниками. Также могут быть использованы и археологические материалы.

Вся масса письменных источников может быть разделена на несколько групп по степени их значимости.

К первой группе мы относим источники, происходящие из самой Спарты: творения поэтов века архаики; текст «Большой ретры», аутентичность которой сейчас не вызывает особых сомнений; тексты международных договоров, цитируемых Фукидидом; эпиграфический материал, датируемый в основной своей массе поздними периодами, но имеющий определенное значение и для реконструкции социальных отношений в Лаконике классического времени.

Во вторую группу источников мы выделяем произведения историков V в.¹ – Геродота, Фукидида и Ксенофонта. Их сообщения составляют основную базу данных о социальных отношениях в Спарте.

В качестве третьей группы источников следует рассматривать данные, почерпнутые у Платона и Аристотеля. Одной из самых серьезных источниковых лакун для исследователя спартанского общества является утрата «Лакедемонской политики» Аристотеля. В этом смысле особое значение имеет труд А. И. Доватура² по выявлению структуры, содержания, общих оценок этого трактата, проведенный на основе эксцерптов Гераклида, аристотелевской «Политики» и фрагментов из «Лакедемонской политики».

В четвертую группу выделяются фрагменты исторических произведений Эфора и Мирона Приенского. Хотя по поводу качества восходящей к этим авторам информации о ранней спартанской истории и Мессенских войнах в науке сложилось весьма скептическое мнение, справедливость требует отметить, что отдельные сообщения этих писателей по конкретным вопросам социальной структуры Спарты имеют неоценимое значение; реконструкция некоторых аспектов общественных отношений без них была бы просто невозможна (проблема происхождения трех сословий, институт илотии, мофаки и др.).

В пятую группу основных источников мы включаем произведения поздних авторов, в которых сохранились цельные и относительно пространные рассказы по истории и политике Лакедемона. Это «География» Страбона, «спартанские» биографии и «лакедемонские» трактаты Плутарха, III и IV книги в «Описании Эллады» Павсания.

К шестой группе основных источников относятся данные античных лексикографов, позволяющие уточнить определения тех или иных социальных групп, связи между ними, решить иные исследовательские задачи.

Источниковая база не исчерпывается этими основными группами. Для работы могут привлекаться сведения, содержащиеся у Гомера, лирических и трагических поэтов, Аристофана, аттических ораторов, Полибия и Диодора, Тита Ливия, а также и в других текстах. Применительно к нашим целям данные из этих источников носят уточняющий и дополняющий характер.

Античный полис можно рассматривать в аспекте исторически определенного типа социально-политической и социально-экономической организации общества, где всякая политическая активность сосредоточивалась в сравнительно небольшом гражданском коллективе, где само государство выступало в форме гражданского коллектива и где определяющим экономическим фактором являлось принципиальное совпадение гражданского коллектива и коллектива земельных собственников. Гражданский коллектив, в руках которого находились все рычаги политической, военной и экономической власти, самостоятельно осуществлял защиту территории государства (а значит, и своей земельной собственности), самостоятельно решал проблему относительного перенаселения и земельного голода, а также предлагал всему обществу (то есть его различным слоям) условия существования и добивался осуществления этих условий, давая взамен определенные гарантии как в отношении личности, так и в отношении имущества – большие для представителей гражданского коллектива, меньшие для тех, кто не принадлежал к гражданству. При этом сам гражданский коллектив нигде и никогда не выступал как реально цельная и монолитная

община, но являл собой некоторую иерархию, в одних случаях менее строгую, более текучую и демократичную, в других – менее свободную, более замкнутую и олигархичную. Разные сословия – как гражданские, так и негражданские – обладали разным статусом (политико-правовым, административно-территориальным, военным, экономическим) и выполняли различные функции в обществе. Иногда, особенно в обществах с более развитым иерархическим началом, статус и функции разных социальных категорий были четко определены и зачастую сопровождались дополнительными нормами и правилами, имевшими отношение к сословной семантике.

1. ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПАРТАНСКОГО ПОЛИСА

В данной главе анализируются природно-хозяйственные условия, в которых происходило становление социальной структуры Лакедемона. В историографии Античности давно стало правилом хорошего тона при изложении истории Спарты посвящать несколько строк «застойному» и «аграрному» характеру ее экономики¹. Создается впечатление, что одна сакраментальная фраза о заторможенном положении производительных сил, отсталой экономике аграрного типа способна прояснить большинство проблем спартанской социальной истории, от института криптии до юридического статуса гипомейонов. При этом тезис об экономической отсталости Лакедемона исследователи аргументируют отсутствием развитого ремесла, а в качестве основного показателя такого отсутствия часто выдвигается факт деградации в период поздней архаики совершенных художественных промыслов, которыми была знаменита ранняя Спарта². Важное место в тезисе о «застойности» древней Спарты имеет то обстоятельство, что в архаический и классический периоды официальной денежной единицей Лакедемона являлся железный обол, препятствовавший развитию товарно-денежных отношений³.

Посмотрим, насколько убедительны эти аргументы для того, чтобы зачислять Спарту в разряд безнадежно отставших в экономическом отношении государств Античности. Здесь прежде всего необходимо сказать, что тезис об аграрном характере Спарты является крайне непродуктивным, поскольку до периода капитализма экономика подавляющего большинства стран основывалась прежде всего на сельскохозяйственном производстве. Широкое развитие ремесла в Афинах еще не означает, что экономика Атики в основе своей не была аграрной. На ранних этапах культуры для экономи-

ки преобладающее значение имело естественное богатство природы, то есть в первую очередь плодородие почвы.

Природно-географические условия во многом определяли характер спартанской экономики. Лакедемону принадлежали две из немногочисленных плодородных областей материковой Греции: Лаконика и Мессения. Основу хозяйства здесь составляло пашенное земледелие. В этом заключалось наиболее существенное экономическое преимущество Спарты над большинством других греческих полисов, поскольку она не зависела от привозного хлеба. В Аттике не было столь благоприятных условий для пашенного земледелия, что и объясняет широкое развитие здесь специализированных сельскохозяйственных отраслей и ремесла с ориентацией на внешний рынок⁴.

Типологическое различие Спарты и Афин обуславливалось не только причинами исторического и социально-политического характера, но и особенностями их природно-хозяйственных условий. Однако принадлежность к тому или иному экономическому типу не может быть показателем уровня развитости самой экономики. Широкое развитие ремесла в целом, отделившегося от земледелия, а также стабильный региональный рынок являются характерной чертой развитой античной экономики, где основным звеном было мелкое самостоятельное хозяйство. Лишь только в случае, если удастся доказать, что в Спарте ремесло и товарно-денежные отношения в целом в классический период пребывали в зачаточном состоянии, будет вполне правомерно отводить ей то место в экономическом развитии Эллады, на котором она находится до сих пор в общих курсах по греческой истории.

Уже в Античности неоднократно подчеркивалось, что достаточно большие по территории Лаконика и Мессения (карта южного Пелопоннеса помещена в Приложении 1) являлись наиболее плодородными областями Греции (Страбон, VIII.5.6; Платон, *Алкивиад I* 122d; Полибий, V.19.7). Почвы здесь одинаково пригодны для пшеницы и ячменя, оливковых деревьев, виноградников и садовых культур. Благодаря такому разнообразию эти области были в эллинических условиях уникальны⁵. Важно, что условия Южного Пелопоннеса позволили превратить пашенное земледелие в основную отрасль сельскохозяйственного производства⁶.

Очень сложно сказать, каков был уровень плодородия (потенциального и эффективного) почв Южного Пелопоннеса в древности, сколь высокой была урожайность тех или иных культурных растений. Более конкретны данные о выращиваемых культурах и их значении в хозяйстве⁷.

Преобладающим среди зерновых был ячмень, способный давать хорошие урожаи и при неглубоких слоях гумуса⁸. Источниками четко зафиксирован тот факт, что ячмень составлял основную часть апофоры с клера (Плутарх, *Ликург* 8), а ячменный хлеб и ячменная похлебка – основную часть рациона спартиатов. Геродот рассказывает о священном обычае, по которому спартиатская община дважды в месяц приносила царям лаконский медимн ячменной муки и лаконскую четверть вина (VI.57). Если царь не являлся на пиршество, ему посылали также ячменную муку (два хеника) и котилу вина (Там же). Примерно о такой же структуре пищи у лакедемонян говорит Фукидид (VI.26.5) и Ксенофонт (*Лакед. полития* 5.3–4, см. Приложение 3). Из других злаков возделывали пшеницу (*artos*), хотя и в небольших по сравнению с ячменем количествах и не повсеместно. Ксенофонт, во всяком случае, говорит о том, что пшеничный хлеб (*artos* в отличие от *sitos* – просто «хлеб», «пища») иногда прибавляли богатые к своей норме в сисситию (Там же). В одном фрагменте Алкмана упоминается «полбенная каша» (*polton chidron*) (фр. 96 Page). Во времена Алкмана полба (*polton*) занимала очень важное место в рационе жителей Спарты.

Кроме злаков сеяли лен и кунжут (Алкман, фр. 19 Page). Об употреблении в пищу льняного семени упоминает Фукидид (IV.26.8). Интересно, что по данным пиловского архива, как это показал Дж. Чэдуик, выявляется особо важное значение культуры льна для Юго-Западного Пелопоннеса⁹. Греки использовали лен и кунжут как масличные культуры, а льняное волокно, кроме того, для изготовления одежды, нагрудников для воинов, рыболовных сетей, парусов и др.¹⁰ Заслуживает упоминания также культура мака, зафиксированная в том же отрывке Алкмана (фр. 19 Page) и у Фукидида (IV.26.7), а также культура бобов (Алкман, фр. 96 Page). Из плодовых культур назовем смоковницу. О ней упоминает Плутарх, предполагая, что возделывалась она на клере наряду

с ячменем и виноградом (*Ликург* 12). Развитие виноградарства надежно засвидетельствовано не только античными авторами, но и для II тыс. подтверждено археологическими данными¹¹.

Спартанская экономика в своем стремлении к автаркии самостоятельно удовлетворяла потребности и в продуктах животноводства. Разводили преимущественно коз и свиней. Мясо и козий сыр являлись постоянными компонентами пищи спартиатов (Ксенофонт, *Лакед. политика* 2.9; 15.5; Геродот, VI.56–57; Плутарх, *Ликург* 12). Интересно, что Дорион, персонаж «Разговоров гетер» Лукиана, привозит своей любовнице среди прочих заморских подарков и большой сыр из Гития (14.2.4). Следует отметить особо важное значение жертвенных животных (коз и свиней) в культовых обрядах общины (Ксенофонт, *Лакед. политика* 13.3; 14.5; ср. Геродот, VI.56–57). Довольно многочисленны в наших источниках упоминания о лошадях и собаках. Их хозяйственное применение ограничивалось, главным образом, использованием на охоте (Ксенофонт, *Лакед. политика* 6.3; Аристотель, *Политика* II.2.5). Начиная с Пелопоннесской войны лошади использовались для формирования конных отрядов войска (Фукидид, IV.55.2; Ксенофонт, *Греч. история* V.4.39; VI.4.11; *Лакед. политика* 11.2). Кроме того, лошади использовались в конных ристаниях (Ксенофонт, *Греч. история* III.2.22; Полемон, 22; оба сообщения также относятся к периоду Пелопоннесской войны). Как и повсюду в Греции широко использовался рабочий скот – мулы, быки и ослы. Спартанские «пастухи ослов» (*oporphorboi*) упоминаются Геродотом (VI. 68–69).

Повышение удельного веса пастбищ за счет возделываемых земель наблюдалось в Спарте в IV–III вв., что зафиксировано у Платона (*Алкивиад I* 122e) и у Плутарха (*Агис* 9). Вряд ли это было обусловлено, как в свое время пытался доказывать М. М. Хвостов, активным развитием шерстяного промысла¹². Не вдаваясь в подробности, укажем на справедливое замечание по этому поводу Н. И. Голубцовой о том, что скот – очень удобная форма богатства с точки зрения земельного собственника¹³.

Пашенное земледелие явилось основной отраслью хозяйства в Спарте, благодаря чему тенденция к замкнутости, характерная для экономики любого полиса, здесь получила более прочную осно-

ву для реализации. Автаркия предполагает стабильное развитие и других отраслей сельского хозяйства. В спартанской экономике заметную роль играли виноградарство, садоводство и животноводство, но благоприятные условия для развития полеводства делали в тех условиях необязательной ориентацию этих отраслей на внешний рынок, поэтому уровень их развития был обусловлен внутренними потребностями.

Перейдем к характеристике ремесленного производства в Спарте. Как достаточно надежно подтверждено археологическими и письменными источниками, примерно с VII в. начинается постепенное ухудшение лаконской художественной традиции. Исчезли терракотовые маски, золото, янтарь, слоновая кость, но, по словам Плутарха, предметы необходимые и обыкновенные – ложа, кресла, столы – стали изготавливаться у них наилучшим образом (*Ликург* 9). Плутарх далее говорит, что одна из ретр Ликурга требовала, чтобы кровля дома изготавливалась только с помощью топора, а двери – с помощью пилы (Там же, 12). Однако из этого, с нашей точки зрения, вряд ли следует делать вывод об упадке столярного и плотницкого искусства. Напротив, данные сообщения можно истолковать как свидетельства существования в Лаконике особой школы этих ремесел. Наряду с коринфским и сицилийским способами черепичного покрытия кровли в Греции широко использовалась и лаконская архитектурная терракота, отличавшаяся особым типом солен и калиптер¹⁴.

На фоне сокращения производства лаконской расписной керамики¹⁵ интересна оценка Критием – главой Тридцати тиранов – «лаконского котона» как сосуда, незаменимого в походе из-за его практических качеств (Плутарх, *Ликург* 9). В Лаконике находились железные рудники, одни из самых богатых в Греции¹⁶, а «лаконская сталь» по своим качествам не знала в этой стране равных. Лаконика самостоятельно и прекрасно обеспечивала себя предметами кузнечного производства (Ксенофонт, *Греч. история* III.3.7)¹⁷. Превосходство спартанского войска в греческом мире почти до конца периода классики обуславливалось не только жесткой дисциплиной, военной выучкой, тактической организацией, но и качеством «лаконской стали».

В состав вооружения лаконского гоплита входил медный щит (Ксенофонт, *Лакед. полития* 11.3). О существовании в Спарте медного промысла можно сделать вывод на основе свидетельств Геродота (I.70–71) и Фукидида (I.134.4).

Ксенофонт рассказывает, что в войске лакедемонян всегда присутствуют ремесленники, «а какие инструменты вообще могут понадобиться для войска, все это везется ими на повозках или на вьючных животных» (*Лакед. полития* 11.2, пер. Г. А. Янчевецкого). Присутствие таких ремесленников, видимо, предполагается в рассказе Фукидида о лакедемонском отряде в Декелее на исходе восемнадцатого года Пелопоннесской войны (VII.18.4), а также во всех свидетельствах о постройке укреплений спартанским войском во время походов (Геродот, IX.10; Ксенофонт, *Греч. история* VII.5.11).

Необходимо обратить внимание на еще одну связь некоторых видов ремесленного производства с потребностями войска. Ксенофонт сообщает, что у лакедемонян по законам Ликурга одежда тяжеловооруженных должна быть пурпурного цвета (*Лакед. полития* 11.3; ср.: Аристотель, фр. 542 Rose⁽²⁾ = Схолии к Аристофану, *Ахарняне* 320). Понятно, что такая «униформа» могла быть введена только при наличии промысла, производящего пурпур. Условия для этого существовали, так как море у берегов Лаконики было богато раковинами, из которых добывали пурпур. В этом отношении Лаконское побережье можно сравнить только с Евбейским проливом и побережьем Малой Азии (имеются в виду эллинские моря) (см.: Павсаний, III.21.6–7; ср.: Эсхил, *Агамемнон* 900–970).

М. Хвостов, увлеченный идеей капиталистического развития Спарты со второй половины V в., доказывает, что античные свидетельства о спартанском ремесле характеризуют экономику Лакедемона в конце V в. и позднее, так как материал этот связан, главным образом, с данными афинских комедиографов, Ксенофонта и поздних надписей¹⁸. Не вдаваясь в подробности датировки, необходимо отметить очень важную деталь: в сообщениях о спартанском ремесле название ремесленного продукта сопровождалось определением «лаконский/ая»: «лаконский котон», «лакайна» (вид чаши), «лаконские кожи», «лаконские сандалии», «лаконская черепица» и др. Данное обстоятельство не означает, что все перечисленные про-

дукты ремесленного производства изготавливались только лаконскими мастерами и только на территории Лаконики. Однако, с нашей точки зрения, присутствие подобных устойчивых выражений в языке авторов V–IV вв. и позднее может быть объяснено лишь наличием в Лаконике достаточно разнообразной и богатой ремесленной традиции. Одной из характерных особенностей этой традиции был, по видимому, высокий уровень утилитарных качеств.

Заключая обзор спартанского ремесла, остановимся на такой важной отрасли, как судостроение. В наших источниках оно упоминается прежде всего в связи с военным флотом, который стал активно развиваться только со времени Пелопоннесской войны. Решительное обращение лакедемонян к морю произошло после разгрома афинской экспедиции в Сицилии¹⁹. Но спартанский флот, безусловно, не создавался на голом месте. Традиция мореплавания и судостроения в Южном Пелопоннесе (в том числе военного) уходит корнями в глубокую древность и для Пилосского царства надежно зафиксирована текстами линейного письма В²⁰. Согласно гомеровскому «Каталогу кораблей» (Гомер, *Илиада* II.494–759) эскадра, представляющая лаконские города и возглавляемая спартанским царем Менелаем, насчитывала 60 судов (Там же, 581–590)²¹. Она равна аркадийской и уступает лишь микенской (100 кораблей; Там же, 569–580), мессенской (90 кораблей; Там же, 591–602), аргосской (80 кораблей; Там же, 559–568) и критской эскадрам (80 кораблей; Там же, 645–652). В 480 г. спартанские корабли составляли свою, пусть не очень значительную по сравнению с Афинами, но все же заметную долю в общем эллинском флоте (Геродот, VIII.1–2; 43). Лаконские верфи, о которых дважды упоминает Ксенофонт, находились в Гитие (*Греч. история* I.4.11; VI.5.32). Жители Гития были, видимо, опытными моряками и судостроителями. Кроме военных кораблей на побережье, безусловно, строили и мелкие суда, поскольку они необходимы для рыбного промысла и добычи пурпура. Вероятно, о таких судах упоминает Фукидид в рассказе об осаде афинянами спартанского отряда на острове Сфактерия (IV.26.6–7).

Итак, неразвитость спартанского прикладного искусства в рассматриваемый период нельзя переносить на ремесленное производство в целом. Данные источников говорят не только о существ-

вовании в Спарте в этот период разнообразных ремесел, что, в общем-то, ни у кого не вызывает сомнений, но и о существовании лаконской ремесленной школы. Можно сказать, что промыслы здесь были развиты ровно настолько, насколько этого требовала тенденция спартанской экономики к автаркии.

И все же парадоксальный факт упадка лаконского прикладного искусства в течение VI–V вв. требует своего объяснения. Не соглашаясь с мнением тех исследователей, которые видят причину этого «в сфере политических или социально-политических отношений»²², мы в качестве предварительной гипотезы выдвигаем следующий взгляд на проблему. Связь этого феномена с окончательным завоеванием Мессении, видимо, не может вызывать сомнений. Мессения превосходила Лаконику по плодородию почв. До завоевания этой области в Лаконике остро ощущался земельный голод, воспоминания о котором сохранила историческая традиция. Лаконские художественные промыслы периода архаики ориентировались в основном на экспорт. Скорее всего, причиной этого была нехватка собственного хлеба. Последняя проблема оказалась решенной после завоевания плодородной долины в Мессении. С этим исчезла и необходимость ориентации ремесла на внешний рынок. Данная точка зрения не исключает политики ликвидации «бесполезных ремесел» в связи с созданием «общины равных», но предполагает ее, правда, не как основную причину, а как попутно возникшее явление, приведшее к сокращению художественных промыслов до степени их деградации.

Уровень развития обмена в целом может служить показателем уровня социально-экономического развития в античную эпоху, когда господствовало мелкое и среднее самостоятельное производство²³. Но и здесь необходимо учитывать специфику экономико-географических регионов. Возможность более полного осуществления тенденции к автаркии обусловила слабую включенность Лакедемона в систему межполисных торговых отношений²⁴. Однако слабая включенность в международный обмен отнюдь не означает отсутствия внутреннего регионального обмена. Источники не позволяют осветить эту проблему полно, но некоторые данные приводят к вполне определенным выводам.

О спартанском рынке впервые упоминает Геродот, чье сообщение относится ко времени Кира Великого (I.153). В рассказе о спартанском посольстве во главе с Лакрином к Великому Царю в Сарды и о разговоре Кира с глашатаем историк приписывает царю презрительное отношение к эллинам (обратим внимание: речь идет именно о лакедемонянах) по причине существования у них городского рынка, где каждый старается обмануть другого. Конечно, историчность приписываемых персидскому царю слов более чем сомнительна, но здесь важно совсем другое: в наличии городского рынка сам Геродот не видел, очевидно, никакой существенной особенности Спарты по сравнению с другими греческими полисами.

Интересные сведения о спартанской агоре находим в «Греческой истории» Ксенофонта. Согласно этому автору агора была многолюдна, здесь можно было встретить представителей самых разных сословий (III.3.5). Ассортимент товаров был, по-видимому, достаточно разнообразен, причем рынок имел свою организационную структуру. Ксенофонт упоминает железный ряд, где продавались ножи, мечи, вертела, секиры, топоры, серпы (перечислены только те изделия, которые могли использоваться в качестве оружия; III.3.7). О существовании здесь торговли продуктами питания свидетельствует рассказ Плутарха в биографии Ликурга (*Ликург* 12) и сообщение Псевдо-Аристотеля в «Экономике» (II.2.9). Рынок был если не общелакедемонским (то есть объединяющим Лаконику и Мессению), то, во всяком случае, общелаконским центром торговли. Действительно, многие из тех продуктов кузнечного производства, о которых говорит Ксенофонт (*Греч. история* III.3.7), явно были рассчитаны на покупателя с хоры²⁵.

В качестве основного аргумента в пользу тезиса о крайней неразвитости спартанской торговли обычно приводят сведения о лаконской монете – неудобных в обращении железных прутьях, а также о ликвидации золотой и серебряной монеты (Ксенофонт, *Лакед. полития* 7.5–6; Плутарх, *Ликург* 9)²⁶. Согласно античной традиции железный обол был введен законодателем в качестве преграды для обогащения граждан посредством торговли. Причина долгого сохранения в обращении неудобной монеты заключалась в стремлении к сохранению гомогенности «общины равных». Но если та-

кое положение дел не удовлетворяло экономическую систему мелких и средних самостоятельных земледельческих и ремесленных хозяйств, эта система должна была искать выход из положения. По сообщению Геродота после Платейской битвы илоты, собиравшие по приказу Павсания добычу, «похищали много драгоценностей и затем продавали эгинцам... которые покупали у илотов золото и платили за него, как будто это была медь» (IX. 80; пер. Г. А. Стратановского). Вполне вероятно, что в Спарте наряду с официальным оболом имела хождение и другая монета, в частности эгинская. Отметим, что в 20-х гг. III в., во время реформ Клеомена III, по крайней мере шесть тысяч илотов были способны заплатить за свое освобождение по 5 аттических мин (Плутарх, *Клеомен* 23.1). Ксенофонт рассказывает о том, как тщательно разыскивали в Спарте «в прежние времена» золотые и серебряные деньги (*Лакед. политика* 7.5–6). Если бы железный обол господствовал нераздельно, то и разыскивать было бы нечего.

В Спарте существовала собственная система мер. У Геродота упоминаются лаконский медимн и лаконская «четверть» (как мера объема) (*καὶ μέδιμνον ἀλφίτων καὶ οἶνου τετάρτην Λακωνικήν, καὶ ἐν τοῖσι ἄγῳσι πᾶσι προεδρίας ἐξαίρετους* – VI.57).

Все вышеизложенное доказывает, что товарно-денежные отношения в Спарте отнюдь не носили эпизодического характера и не были крайне неразвитыми, но представляли собой вполне сложившуюся систему регионального обмена.

В заключение необходимо отметить, что сама постановка вопроса об «отсталом» и «аграрном» характере спартанской экономики является не вполне корректной с научной точки зрения, поскольку она не учитывает региональных особенностей развития экономики Древней Греции. Специфика спартанской экономики обуславливалась возможностью заниматься пашенным земледелием в масштабах, достаточных для весьма успешного осуществления тенденции полиса к автаркии. Единственным четким критерием уровня развития производительных сил может служить уровень производительности труда, но в условиях отсутствия статистических данных для Античности его применять практически невозможно. По-

казателем состояния производительных сил в древности может служить уровень развитости ремесел, удовлетворяющих жизненно важные потребности, а также общий уровень развития товарно-денежных отношений. Косвенным показателем в некоторых случаях может служить и то политическое значение, которое имело то или иное государство в большом географическом регионе. Данные критерии не позволяют относить спартанский полис к «экономически отсталым» общинам Эллады. Если бы это действительно было так, весьма трудно было бы объяснить стабильный характер гегемонии Лакедемона в греческом мире, победу в изнурительной Пелопоннесской войне, а также то обстоятельство, что политическая активность этого государства оставалась важнейшим фактором не только до периода македонской гегемонии, но и до римской эпохи.

Контрольные вопросы

1. Какие аргументы обычно выдвигаются в поддержку тезиса о «застойном» и «отсталом» характере экономики древней Спарты?
2. Какие аргументы можно привести против тезиса о «застойном» и «отсталом» характере экономики древней Спарты?
3. В чем состояло типологическое различие спартанской и афинской экономик в классический период?
4. Назовите главные характеристики сельского хозяйства древней Спарты.
5. В каком состоянии находилось ремесленное производство в древней Спарте архаического и классического периодов? В каких отраслях ремесла Спарта являлась лидером в греческом мире?
6. Какими особенностями характеризовались товарно-денежные отношения в древней Спарте? (В том числе монетное обращение и система мер и весов.)

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СПАРТАНСКОГО ПОЛИСА

Социальная организация Лакедемона обладала рядом особенных черт, которые выделяют спартанский полис среди большинства других греческих государств. Черты эти появились не случайно и обусловлены были, с одной стороны, природно-хозяйственной спецификой южного Пелопоннеса, а с другой стороны – некоторыми историческими обстоятельствами. Можно выделить три таких основополагающих исторических фактора, непосредственно повлиявших на форму и характер спартанской социальной структуры, а именно: 1) дорийское переселение; 2) особенный характер областной интеграции в Лаконику; 3) перманентная территориальная экспансия дорийской общины Лакедемона как аналог общегреческому колонизационному процессу.

2.1. Дорийское переселение и этносоциальные трансформации в Лаконике (XII–VIII вв.)

Античная традиция воспринимала приход дорийцев на Пелопоннес как несомненный и общеизвестный исторический факт, связывая его с возвращением Гераклидов (Фукидид, I. 12. 1–4; Диодор, IV. 58). Основным интерес представляли, конечно же, героические образы потомков Геракла, так что при изложении мифа участие дорийцев зачастую опускалось (например: Платон, *Законы* 736с; Аполлодор, *Библиотека* II. 8. 2–5; Веллей Патеркул, II. 2). С точки зрения древних дорийское нашествие и обоснование Гераклидов в Мессении, Арголиде и Лаконике являлись событиями, кардиналь-

ным образом повлиявшими на всю последующую греческую историю¹. Современное антиковедение, конечно же, не могло пройти мимо этой «наивной» эллинской убежденности. Впервые весьма категорично против античного предания о дорийском переселении выступил К. Ю. Белох. Это переселение он ставил в контекст передвижений греческих племен на территорию южной Греции в начале II тысячелетия. Лишь позже, приблизительно в VIII–VI вв., возникло предание о дорийском «нашествии»². Эти взгляды нашли признание и развитие в ряде дальнейших исследований у других авторов. Более того, тотальный скептицизм по отношению к античному преданию о дорийском переселении не преодолен и по сей день. Впрочем, интенсивное археологическое изучение Греции эпохи поздней бронзы явственно показывает, что проблема этнических передвижений и социально-политических сдвигов на Балканах этого времени намного глубже простого принятия или отвержения древней традиции. Можно выделить три узловых момента данной проблемы в связи с дорийцами: наличие новых элементов археологической культуры в позднеэладском (ПЭ) III C периоде; наличие (или отсутствие) связи этих элементов с дорийским этносом; характер связи между появлением на Пелопоннесе носителей новых элементов археологической культуры и упадком центров микенской цивилизации. Вещественный материал, которым располагает ныне исследователь, позволяет прийти к некоторым выводам, хотя и не дает окончательных и исчерпывающих ответов на все эти вопросы.

По мнению ряда ученых, новые элементы археологической культуры становятся различимы лишь в ПЭ III C2 периоде³. Элементы эти следующие: «ящичные» могилы, захоронения в урнах и связанный с ними обряд кремации, лунообразные фибулы, железное оружие, протогеометрический стиль вазовой живописи, некоторые виды грубой лепной керамики⁴.

Проблема идентификации этих элементов с дорийской археологической культурой имеет свою историю и теперь решается иначе по сравнению с тем, как она решалась в первой половине XX в. Так, после публикации А. Фуртвенглером материалов из дорийской Олимпии⁵ в науке утвердилось мнение, что одним из основных и несомненных вкладов дорийцев в развитие цивилизации

явилась геометрическая керамика. Но уже в начале 30-х гг. Н. Хэмонд выступил с критикой этой точки зрения, указывая, что элементы геометрической керамики встречаются уже в микенской среде⁶. В дальнейшем археологическое изучение афинского Керамика ясно доказало, что протогеометрический стиль как бы вырастает из субмикенского⁷. Также не подтвердился «патент» дорийцев на железное оружие и урны с пеплом умерших. Основным показателем дорийской культуры с той поры принято было считать «ящичные» могилы⁸. Кроме того, к этим показателям относят фибулы в форме лука и некоторые образцы лепной керамики⁹.

Но в какой зависимости находится появление дорийцев – носителей этих новых элементов археологической культуры – и угасание микенской цивилизации? Археология предоставляет убедительные данные о прогрессирующей депопуляции в микенских центрах в течение ПЭ III С периода¹⁰. Но далеко не все поселения оставили следы разрушений и пожаров. Кроме того, многие области Пелопоннеса, из которых уходило население, оказались не заселенными дорийцами в течение определенного, более или менее длительного, времени. К таким областям относятся северная Лаконика, центральная Мессения, Беотия¹¹. Вместе с тем угасание микенской культуры не носило тотального и одновременного характера, в ряде центров она продолжала существовать вплоть до конца XI в.¹² Все это лишает дорийское переселение хронологической определенности и заставляет прийти к выводу, что, во-первых, переселение это не являлось единовременным «нашествием» вражеского племени, а представляло собой длительное движение¹³, продолжавшееся с некоторыми интервалами¹⁴, и, во-вторых, приход дорийцев и упадок микенской культуры не стоят в прямой причинно-следственной связи. Итак, археология существенным образом скорректировала старую точку зрения на дорийское переселение как на «нашествие», приведшее микенский мир к катастрофе. Дорийцы, вероятно, лишь ускорили угасание микенской цивилизации¹⁵.

Необходимо тем не менее признать, что приход нового этноса в Пелопоннес имел важные последствия в истории этого региона, в частности в истории Лаконики. Объяснение особенностей лаке-

демонского общественного строя следует искать, кроме всего прочего, и в особенностях генезиса полисной организации на территории Лаконики¹⁶. К такой специфике относится и характер взаимоотношений дорийцев с ахейским населением. Если в иных областях дорийского преобладания отношения эти носили достаточно компромиссный характер¹⁷, то в Лаконике и Фессалии ситуация складывалась по-другому. Процесс дорийского завоевания долины реки Еврот носил весьма упорный и длительный характер и, по мнению ряда ученых, завершился лишь к середине VIII в.¹⁸ Впрочем, основываясь на данных античной традиции, можно прийти к выводу, что выражение «дорийское завоевание» вряд ли отражает всю суть происходивших в Лаконике процессов, ибо процессы эти были шире, чем простой территориальный захват с помощью силы, и сопровождались они, в частности, дорийской колонизацией (ср.: Страбон, VIII.5.4)¹⁹. Впрочем, вооруженная борьба с местным населением носила зачастую весьма упорный характер, когда дело касалось важных стратегических пунктов (Павсаний, I.2.5–7). И хотя дорийское утверждение в Лаконике не исключало ассимиляции местного населения и сопровождалось ахейской миграцией (Страбон, VIII.5.4; Павсаний, III.2.2; 2.6; Веллей Патеркул, I.3.1)²⁰, наибольшее значение для последующей истории Лаконики имело все же подчинение пришельцами местного населения, а также сохранение компактного отдельного проживания дорийцев и ахейцев. В самом деле, дорийская Спарта возникла лишь в XI или (скорее) X в. на территории, где прежде не существовало сколько-нибудь значительного микенского центра²¹. Это поселение становится метрополией, и дорийское освоение Лаконики шло как путем прямого завоевания, так и путем отпочкования новых общин²². В случае дорийской колонизации старых ахейских центров местное население либо выселялось за пределы области (Страбон, VIII.4.4; VI.5.4; ср.: Павсаний, III.2.2, 6), либо происходила его ассимиляция с дорийцами. Ахейское (или автохтонное негреческое?) население других поселений, попав в зависимость от Спарты, возможно, сохранило какие-то элементы общинной структуры (Страбон, VIII.5.4; Павсаний, III.2.5), что облегчило процесс создания института илоти²³.

Итак, отметим еще раз, что дорийское переселение сыграло важную роль в процессе становления спартанского полиса. Доризация области привела к первичному противопоставлению пришельцев и подчиненного силой оружия местного населения, что положило начало формированию института илоти²⁴.

2.2. Областная интеграция и начало формирования социальной структуры Лакедемона

Как было уже отмечено, процесс доризации Лаконики продолжался долго и завершился едва ли ранее середины VIII в. Вслед за образованием множества дорийских (с ахейским элементом) общин в долине реки Еврот и в ряде прилегающих к ней районов начались процессы административно-территориальной консолидации и формирования единой социальной структуры населения области, то есть начался генезис полиса. Здесь имелись некоторые отличия от тождественных явлений в других регионах (например, в Аттике), а потому и результаты оказались несколько иными.

Первоначальная консолидация дорийских общин Лаконики вокруг Спарты наметилась уже к рубежу IX–VIII вв.²⁵ Вероятно, именно эта ситуация отражена в свидетельстве Эфора о «политической» деятельности Еврисфена и Прокла (Страбон, VIII.5.4). При всей неясности и сомнительности слов источника проявляется одно обстоятельство: более или менее автономное существование дорийских общин (басилей) при господствующей (метропольной) роли Спарты. Важно и то, что Амиклы в этот период продолжают оставаться ахейскими. Впрочем, точка зрения Н. Хэммонда, доказывающего на основе археологических данных высокую степень политической унификации Лаконики в IX в.²⁶, не нашла поддержки в научной литературе²⁷. Вероятно, правы те авторы, которые считают, что расселение дорийцев не привело сразу к возникновению полноценных городов-государств.

Первоначальная консолидация проходила, в частности, в сфере культа²⁸. Некоторые свидетельства о ранней культовой практике лакедемонян доставляют как письменные источники, так и данные

археологических исследований. Так, идол Аполлона Амиклейского, чье описание мы находим у Павсания (Ш.19.1–2), согласно утверждению Филострата относится к самым древним скульптурам Греции (*Жизнь Аполлония* Ш.14). По свидетельству Павсания, лакедемоняне почитали эту статую как самую славную и прекрасную (Ш.10.8). У них существовала древняя традиция золотить идола (Геродот, I.69; Павсаний, Ш.10.8). Кроме того, ежегодно женщины Лакедемона шили Аполлону Амиклейскому хитон (Павсаний, Ш.16.2)²⁹. Археологический материал из амиклейского святилища, датируемый геометрическим и архаическим периодами, включает в себя некоторое количество (точное число неизвестно) вотивных изображений всадников и несколько мужских фигурок из терракоты, бронзы и свинца³⁰. В храме Афины Меднодомной в Спарте вотивные статуэтки также известны с геометрического периода³¹. Все эти данные показывают, что Спарта вместе с находящимися недалеко от нее Амиклами достаточно рано становится региональным культовым центром.

Своеобразным рубежом в ходе областной интеграции стал конфликт с Амиклами. Консолидирующие устремления Спарты столкнулись с противодействием этого, еще по преимуществу ахейского, поселения (Павсаний, Ш.2.8)³². Победа над Амиклами, состоявшаяся, вероятно, в первой половине VIII в., устранила препятствия на пути процесса объединения всей территории Лаконики – плодородной евротской долины и прилегающих районов³³.

В современной историографии утвердилось мнение о прочной связи, существовавшей между присоединением Амикл и принятием спартанской конституции – «Большой ретры». При этом необязательно предполагать одновременность этих событий³⁴. Скорее всего, присоединение Амикл является *terminus post quem* для «Большой ретры» (вопрос об античной хронографии для Ликурга будет рассмотрен ниже)³⁵. Предполагается, что предписание этого законодательного акта «разделить на филы» и «разделить на обы» (Плутарх, *Ликург* 6.2) связано с включением амиклейцев в состав дорийских фил (Гиллеи, Диманты, Памфилы) и с новым территориальным делением Лаконики³⁶. Основания для этого, как кажется, дают поздние надписи (II–I вв.) с территории Спарты; в этих текстах

наряду с обоими Питаной, Лимнами, Месоей, Кинурой называется и оба амиклейцев (IG 5(1) 26.11; 27.18; 675; 688 и др.). О том, что число об не ограничивалось перечисленными территориями, свидетельствовала одна утерянная ныне надпись из района южнее Амикл, датируемая VI–V вв., в которой читалось название некой «обы Аркалов» (SEG XI.457a4)³⁷. Вполне вероятно, что каждая дорийская община на территории Лаконики в соответствии с «Большой ретрой» образовывала отдельную административную единицу – обу³⁸.

Таким образом, принятие «Большой ретры» знаменовало собой, кроме всего прочего, конституционное оформление процесса областной административно-территориальной организации Лаконики. Процесс этот проходил в иной форме, нежели, например, в Атике, без оседания в один городской центр и с сохранением значительной доли местной автономии у дорийских общин Лаконики³⁹.

Параллельно с процессом областной интеграции шло создание основ социальной организации лакедемонского общества. Первоначальный этап этого процесса зафиксирован Эфором (Страбон, VIII.5.4). Речь идет о статусе перизков. Хотя они были, согласно словупотреблению Эфора, «послушны», «подчинялись» (*ὑπακούοντες*) спартиатам⁴⁰, однако являлись «равноправными» (*ἰσονόμους*), разделяя с ними «гражданство» и «управление» (*μετέχοντες καὶ πολιτείας καὶ ἀρχείων*). Вскоре, согласно Эфору, произошло изменение их статуса. Агис лишил их «равенства в ранге» (*ἰσότητιαν*)⁴¹ и постановил «вносить подать» (*συντελεῖν*) в Спарту. Весь отрывок, вероятно, можно интерпретировать как свидетельство начала сословной (ранговой) организации лакедемонского общества. Дорийцы, населявшие Спарту, и дорийцы, населявшие (вместе с некоторым ахейским элементом) дочерние по отношению к Спарте-метрополии общины в Лаконике, постепенно стали обладать неравноценной «честью». В чем заключались сословные ограничения для перизков на раннем этапе, определить трудно. Во всяком случае, указание на какую-то подать мало что проясняет в данном вопросе. Здесь можно сделать лишь самые общие выводы: доля перизков в «гражданских правах» и в «управлении» оказалась меньшей, чем у спартиатов.

Далее в том же отрывке Эфор приписывает царю Агису введение института илотии. Если в основе данного сообщения лежит

хоть какая-то историческая реальность, то это может свидетельствовать об очень раннем опыте отношений господства-подчинения между дорийцами и ахейским населением, сохранившим компактное проживание на прежней территории⁴².

Следующий этап в формировании социального организма Лакедемона связан с именем Ликурга, чью деятельность необходимо датировать, вероятно, первой половиной VIII в. (Евсевий, *Хроника* II.180 Karst – под 796 г.; свидетельства о Ликурге как современнике Ифита со ссылкой на олимпийский диск с надписью, содержащей имена этих двух учредителей Олимпийского перемирия (776 г.) см. у следующих авторов: Плутарх, *Ликург* 1.1 = Аристотель, фр. 533 Rose⁽³⁾; Флегон, *FgrHist* 257 F1; Павсаний, V.20.1)⁴³.

Разделение на клеры земель Лаконики между перизками и земель, относящихся к самому городу Спарта, между спартиатами (этот акт также приписывают Ликургу – Плутарх, *Ликург* 8) заложило основы экономического статуса граждан лакедемонского полиса⁴⁴. Вероятно, именно эти распределенные во времена Ликурга клеры и были теми «древними участками», которые у лакедемонян, согласно эксцерптам Гераклида, было запрещено продавать: πωλεῖν δὲ γῆν Λακεδαιμονίοις αἰσχρὸν νενόμισται· τῆς ἀρχαίας μοίρας οὐδὲ ἕξεσθιν – «у лакедемонян считается постыдным продавать землю, а продажа из старого надела не допускается законом» (Аристотель, фр. 611.12 Rose⁽³⁾, пер. А. И. Доватура)⁴⁵. Ближайшими аналогиями для данного сообщения являются свидетельство Аристотеля о существовании во многих полисах закона, запрещающего продажу первоначальных клеров (*Политика* VI.2.5, р. 1319a10–15), и показание Плутарха о том, что издревле поделенные наделы не подлежат продаже «вовне» (*Моралии* 238e)⁴⁶.

Вполне вероятно, что однажды использованное Полибием словосочетание πολιτικὴ χώρα применительно к Лакедемону (VI.45.3) тождественно «Ликурговым» клерам, или, иначе, «издревле поделенным участкам». Мы вслед за рядом исследователей считаем возможным интерпретировать это выражение Полибия в связи с терминологией Ксенофонта, обозначающей гражданские вооруженные формирования Лакедемона – πολιτικὰ μέρη (*Лакед. поли-*

тия 11.4)⁴⁷. Известно, что в составе этих мор – конных и пеших – были как спартиаты, так и периеки. Следует задуматься: не является ли это дополнительным аргументом в пользу того, чтобы рассматривать πολιτικὴ χώρα Полибия в качестве земель, издревле разделенных на клеры, распределенных между спартиатами и периеками, то есть в качестве экономической основы народного ополчения лакедемонского государства?

В Плутарховом сообщении о перераспределении земли Ликургом обращает на себя внимание четкая дифференциация периекской и спартиатской земельной собственности (*Ликург* 8). Очевидно, таким образом прогрессировала отмеченная выше тенденция к сословной исключительности спартиатов по отношению к периекам. Вместе с тем так называемое Ликургово распределение земли сыграло огромную роль в развитии этой тенденции, заложив один из краеугольных камней в фундамент будущей корпорации «общины равных» – монопольное право на обладание клерами, расположенными на лучших, культивируемых с микенской эпохи землях⁴⁸ с компактно проживающим земледельческим населением. Эти ахейские общины, попавшие первоначально в данническую зависимость по отношению к основному дорийскому «гнезду», в конце концов – по мере утверждения спартиатской собственности на землю – должны были приобрести черты эксплуатируемого класса.

Итак, рассмотренные нами особенности областной интеграции и начального процесса формирования социальной структуры во многом определили специфику создающегося лакедемонского полиса. Дорийцы Лаконики не урбанизировали свой центр, Спарта так и осталась «несиноикизированным» полисом (Фукидид, I.10.2; ср.: I.5.1)⁴⁹. Контроль Спарты над территорией своей области осуществлялся при помощи небольших форпостов, многие из которых, вероятно, были ее дочерними поселениями⁵⁰.

При решении вопроса о том, насколько была развита тенденция к областной консолидации в Лаконике уже в период ранней архаики, следует учитывать концепцию Дж. Н. Колдстрима, рассматривающего степень творческой оригинальности региональных стилей греческой керамики в качестве критерия «продвинутой» той

или иной общины в процессе становления полиса. Автор делит все стили на две большие группы: творческие и вторичные. Последние не отличаются оригинальностью и по сути не представляют самостоятельного керамического стиля (речь идет о времени второй половины VIII в.). Они характерны для так называемой зоны этносов (Фессалия, Беотия, Ахайя, Элида, Акарнания, Аркадия). Первые, напротив, уже во второй половине VIII в. отличает развитый и самобытный стиль. Эти оригинальные школы группируются вокруг того или иного центра. Творческие стили характерны для «полисных зон» (Аттика, Евбея, Аργοлида, Коринф, Лаконика, побережье Малой Азии, Сикион и др.)⁵¹. Как видим, Лаконика, несмотря на отсутствие таких явлений, как синойкизм и урбанизация в афинском духе, попадает в наиболее перспективный список – в число «полисных зон».

Уже в раннее время наметились специфические черты социальной организации Лакедемона: некоторая автономия перизекских общин⁵², члены которых, обладая дорийским гражданством, находились в неравном по отношению к спартиатам «ранге» (ограничения касались, вероятно, экономических и политических прав); наметившаяся тенденция к четкому правовому выделению сословия спартиатов, что экономически было закреплено монопольным правом на лучшие земли в долине Еврота, обрабатывавшиеся потомками древнего земледельческого населения микенской эпохи. В последующий период спартанской истории все эти особенности получили дальнейшее развитие.

2.3. Перманентная территориальная экспансия дорийской общины Лакедемона

Период с середины VIII в. до середины VI в. в истории Лакедемона выделяется в качестве самостоятельного – заключительного – этапа в процессе формирования полиса, когда получили развитие наметившиеся прежде тенденции и окончательно закрепились специфические черты в политическом строе и социальной организации.

Основополагающим историческим фактором, повлиявшим в эту эпоху на становление спартанского полиса, явилась экспансия Лакедемона в соседние области.

Хронология. Спартанскую военную агрессию можно разделить на три этапа:

1) ранний (до царя Лабота включительно, приблизительно конец IX в.);

2) этап перманентной экспансии, собственно нас интересующий (начиная с царствования Харилла, приблизительно с первой половины VIII в., и до Анаксандрида, около 550 г.);

3) этап спартанских гегемонистских претензий в Элладе, прежде всего связанный с вмешательством царя Клеомена во внутренние дела Аргоса и Афин (эти кампании уже не были направлены на территориальные приобретения, а потому мы не станем их здесь рассматривать).

Если говорить о втором этапе, то бросается в глаза именно непрерывный характер военных столкновений Лакедемона. Все представители рода Агиадов, от Архелая до Анаксандрида, принимали участие в военных кампаниях. То же можно сказать и об Еврипонтидах от Харилая до Анаксидама, за исключением Архелая, умершего раньше своего отца Феопомпа (Павсаний, III.7.5–6; IV.15.3), и его сына Зевксидама, об участии которого в походах нам не известно (Там же). Начиная с Архидама, сына Анаксидама, род Еврипонтидов, вероятно, устраняется от руководства военными операциями (Павсаний, III.7.6)⁵³. На непрерывный характер территориальных захватов лакедемонян в период архаики неоднократно обращает внимание Павсаний. Так, согласно мессенской версии причин столкновений со Спартой «лакедемоняне начали войну не из-за этого (версия лакедемонян: отказ мессенцев выдать Полихара, IV.4.5–8. – А. 3.), но замыслили против их страны из-за жадности, как они поступали и в других случаях: они ставили им на вид их поступки с аркадянами, их отношение к аргосцам; их страсть к захватам была ненасытна, и то и дело они отбирали земли у тех и других» – ὥς οἵποτε ἐσχήρασι χώραν ἀποτεμνόμενοι τῆς χώρας αἰεὶ τι ἐκατέρων (IV.5.3; пер. С. П. Кондратьева). Почти то же самое говорит Павсаний в другом месте, но уже с опорой на аркадскую традицию:

аркадяне знали, «что кроме них и аргосцы еще в более древние времена чуть не каждый день подвергались опасности войны и опустошения со стороны лакедемонян» (VIII.27.1; ср.: II.20.1; пер. С. П. Кондратьева).

Территориальный (земельный) характер агрессии непосредственно из источников определяется для шести кампаний, относящихся к рассматриваемому этапу (Геродот, I.66; Павсаний, III.3.1–2, 3.5, 7.3, 7.5–6). Для шести случаев можно с достаточной степенью вероятности предполагать такую направленность (Страбон, VIII.4.4; Павсаний, III.2.5, 2.6, 2.7, 7.3; IV.4.4). Три из этих кампаний велись против ахейских городов Лаконики. В одном случае территориальный характер экспансии сомнителен (поход в Арголиду совместно с асинейцами – Павсаний, III.7.4; ср.: II.36.4–5)⁵⁴.

Субъектом агрессивных действий в наших источниках являются:

«лакедемоняне» – 15 раз (Геродот, I.65; Павсаний, III.2.2, 2.3, 2.5, 2.6, 2.7, 3.1–2, 3.4 – дважды; 3.5, 7.2 – дважды; 7.3, 7.5; IV.4.4);

«царь» – 5 раз (Страбон, VIII.5.4, р. 365 – Агис с помощниками; Павсаний, III.2.4 – Харилл; III.7.3 – Харилл, предводительствующий спартиатами; здесь же в качестве субъекта агрессии выступают «лакедемоняне»; VIII.4.4, р. 360 – Телекл; Павсаний, III.7.4; ср.: II.36.4–5 – Никандр с войском лакедемонян);

«спартиаты» – 3 раза (Павсаний, III.2.2, 7.5, 7.6);

«дорийцы» – 1 раз (Павсаний, III.2.6 – здесь же «лакедемоняне»; дорийцы противопоставлены ахейскому населению Фариса, Геронтр и Амикл).

Ранее всего территориальная экспансия Спарты проявилась в отношении лаконских общин. Эти захваты необходимо рассматривать в качестве одного из аспектов процесса областной интеграции и доризации Лаконики⁵⁵. Их хронология чрезвычайно затруднена⁵⁶. Если исходить из данных Павсания и Страбона, можно предположить, что утверждение дорийцев в Лаконике не означало еще перехода всей территории в их руки. Борьба за землю в этой области продолжалась долго и завершилась непосредственно перед началом завоевания Мессении, после разрушения Гелоса (Павсаний, III.2.7).

Гелос уже давно был захвачен Спартой (Страбон, VIII.5.4). Следует думать, что главным противником лакедемонян в деле повторного покорения Гелоса были именно аргосцы, победа над которыми привела к окончательному утверждению Спарты в Лаконике, с одной стороны, и положила начало вытеснению Аргоса из Кинурии – с другой. Вообще, эту битву при Гелосе необходимо рассматривать в контексте долгой и трудной борьбы Лакедемона с Аргосом за землю и политическое преобладание в юго-восточной части Пелопоннеса.

Экспансия Спарты в восточном направлении началась весьма рано. Ее открытие источники приписывают тому же неутомимому в подвигах Агису (Павсаний, III.2.2). Земли Фиреатиды отличались плодородием (особенно хорошо здесь росли маслины); но, главное, контроль над Кинурией имел большое стратегическое значение как для Аргоса, так и – особенно – для Спарты⁵⁷. Борьба за эти территории оказалась очень трудной; это яркая страница в истории спартанских войн, которая завершилась только в середине VI в.⁵⁸ после победы над аргосцами в битве при Фиреях (Геродот, I.82; Страбон, VIII.6.17; Павсаний, III.38.5)⁵⁹. С окончательным утверждением лакедемонян в этой области заканчивается процесс территориального расширения спартанского полиса.

Аргосское направление военной политики Лакедемона теснейшим образом связано с борьбой за Кинурию⁶⁰, а также против претензий сильного соседа в самой Лаконике (ср. Павсаний, III.2.3, 2.7). Соперники были достойны друг друга во всех отношениях, и все же действия Спарты носили более агрессивный характер, хотя и не привели к земельным захватам в самой Арголиде⁶¹. Наши источники первые спартанские вторжения в АргOLIDу относят к очень раннему времени, связывая их с царями Пританидом (Павсаний, III.7.2), Хариллом (Там же, III.7.3) и его сыном Никандром (Там же, III.7.4)⁶². Томас Келли – один из главных авторитетов по архаическому Аргосу – весьма скептически относится к возможности таких ранних вооруженных конфликтов, полагая, что два государства вряд ли вступили бы в борьбу до окончательного утверждения в собственных областях⁶³. В частности, разрушение Асины, состоявшееся, согласно археологическому материалу, около 715–710 гг.⁶⁴, он объяс-

няет не наказанием жителей этого поселения, помогших де лакедемонянам во время их гипотетического вторжения в Арголиду⁶⁵, а религиозной политикой Аргоса. В последней трети VIII в. здесь строится храм Геры, призванный сыграть важную консолидирующую роль для всей Аргивской долины⁶⁶. Что же касается Асины, то ее жители были дриопами (Геродот, VIII.73; Павсаний, IV.34.9, 11; Страбон, VIII.6.13); именно борьба дорийской Геры против дриопского Аполлона (Павсаний, II.36.5; IV.34.11) и была – по мнению Т. Келли – причиной разрушения этого поселения⁶⁷. Принимая во внимание данную интерпретацию, мы считаем, однако, слишком рискованным отвергать античную традицию, так уверенно фиксируемую Павсанием и Страбоном. Первый из них прямо говорит о вторжении лакедемонян под предводительством Никандра в Арголиду и о помощи асинеяцев (II.36.4; III.7.4). Это подтверждает и тот факт, что после разрушения поселка жители попросили помощи именно у Спарты, и им была предоставлена возможность основать колонию на побережье Мессенского залива (Павсаний, IV.8.3, 14.3, 34.9; Страбон, VIII.6.11; кроме того, см.: VIII.41).

В 669 г. во время одного из очередных вторжений в Арголиду лакедемоняне потерпели сокрушительное поражение. Эта неудача надолго отодвинула окончательное закрепление Спарты в Кинурии (Павсаний, II.24.7)⁶⁸. Более того, успешная внешняя политика Фидона подтолкнула, с нашей точки зрения, Спарту к более решительным действиям в западном направлении. Что касается Аркадии, то основным противником лакедемонян здесь долгое время оставалась Тегея (Геродот, I.65; Павсаний, III.2.5, 3.5, 7.3). О территориальном характере претензий по отношению к ней говорит сообщение Геродота (I.66). Борьба закончилась лишь к середине VI в. спартанской победой. Но, как и в случае с Арголидой, экспансия в северном направлении не увенчалась сколько-нибудь значительными земельными приобретениями. Вероятно, к этому времени перед внешней политикой Лакедемона стояли уже иные задачи, и прежде всего – создание Пелопоннесского союза⁶⁹, который должен был обеспечить спартанскую гегемонию. Необходимость территориального роста для спартанского полиса была теперь удовлетворена за счет присоединения Мессении.

Завоевание этой западной области оказалось для Лакедемона особенно трудной и долго решаемой задачей. Мы склонны рассматривать это завоевание как два больших периода в перманентном процессе территориального расширения полиса. Параллельно завоеванию шла лаконская колонизация этих территорий⁷⁰.

Раннее спартанское проникновение в Мессению позволяют датировать находки лаконской керамики в Дентелиатиде. Это проникновение подтверждается и письменными источниками⁷¹. По Страбону царь Телекл вывел в этот регион три колонии (VIII.4.4). В историографии утвердился взгляд, согласно которому именно создание этого пояса перизекских поселений явилось основной причиной первого крупного спартано-мессенского столкновения⁷². Убийство Телекла, как следует из лаконской версии, входило в состав иска, неудовлетворение которого мессенцами привело к вооруженному конфликту (Павсаний, IV.4.8).

Не касаясь всего многообразия проблем, связанных с Мессенскими войнами периода архаики⁷³, отметим, что для понимания процессов формирования социальной структуры Лакедемона особое значение имеет вопрос о результатах первого и второго этапов завоевания Мессении. Мы склонны видеть существенные различия между этими результатами. Павсаний говорит, что Мессения при Полидоре и Феопомпе стала добычей лакедемонян: καὶ ἡδὴ Λακεδαιμονίοις δорυχτήτου τῆς Μεσσηνίας οὐσῆς (III.3.2). Тиртей сообщает, что мессенцы отныне должны были отдавать новым господам половину урожая (Тиртей, фр. 5 G. – P.). Это существенно разнится с системой апофоры, характерной для института илотии, описанной Плутархом в биографии Ликурга (8; ср. к тому: 24). Вероятно, первоначальное завоевание Мессении позволило Спарте укрепить прежние и вывести новые колонии в эту область и предоставить место для жительства здесь дружественным общинам, прибегшим к ее помощи (ср.: Страбон, VIII.6.11), но также и положить начало формированию института илотии на мессенской почве⁷⁴. Механизм этого формирования был, с нашей точки зрения, следующим. После I Мессенской войны некоторая часть мессенских земель оказалась в собственности спартиатов. Последние,

таким образом, становились как бы колонистами, но, не теряя принадлежности к спартиатской общине, могли продолжать жить в Спарте. Сельскохозяйственное производство на новых участках организовывалось путем сдачи земли в аренду. Близкой аналогией такому процессу является выведение афинской клерухии на Лесбос в V в. (Фукидид, I.50.2)⁷⁵. Для превращения таких арендаторов в илотов необходимо было ликвидировать правовой суверенитет местных общин, остановить процесс формирования местного полиса, распространив на завоеванное население и территорию полную юрисдикцию Спарты, и на этой основе четко определить правовой статус местных пахарей, работавших на поделенных между спартиатами землях. Павсаний описывает сложившуюся здесь ситуацию по окончании I Мессенской войны следующим образом: «Прежде всего они клятвой обязали их никогда не отпадать от них и не задумывать какого-либо другого государственного переворота (ἐργάσασθαι νεώτερον); во-вторых, они не назначили им никакого определенного оброка, но обязали их доставлять в Спарту половину всего, что они получают с земли. Было также предписано, чтобы при погребении царей и других важных лиц мужчины и женщины из Мессении провожали их в черных одеждах. На тех, кто нарушал это постановление, налагалась пеня» (IV.14.4; пер. С. П. Кондратьева). Такое подчинение похоже на неравный союз и даннические отношения. Только после II Мессенской войны произошло действительно широкое распределение мессенских земель между лакедемонянами и превращение местных земледельцев в илотов. Об этом прямо говорит Павсаний (IV.24.4, 5)⁷⁶. Вместе с тем окончательное подчинение плодородной области на западе решило в основном земельную проблему лакедемонского полиса, а также позволило вскоре лакедемонянам сосредоточиться на восточном направлении, поведя решительную борьбу за обладание Кинурией.

Рассматривая непрерывную территориальную экспансию Лакедемона в архаическую эпоху в качестве основополагающего исторического фактора, повлиявшего на становление полиса, необходимо ответить на два главных вопроса.

1. Каковы были причины, вызвавшие к жизни эту агрессию и придавшие ей непрерывный, расширяющийся характер? Или, если сформулировать вопрос иначе, – в каком общегреческом контексте находилось данное явление?

2. К каким последствиям привел рассматриваемый фактор, каким образом он повлиял на процесс становления спартанского полиса в области политической и социальной?

Относительно первого из названных вопросов в науке уже давно утвердилось мнение, что территориальные завоевания Спарты в архаическое время явились аналогом общегреческому колониационному процессу, и вызваны они были теми же причинами⁷⁷. Действительно, лаконское общество в этот период истории развивалось в общем с остальной Элладой в направлении и сталкивалось с одинаковыми для всей Греции трудностями. Однако в процессе преодоления этих трудностей явственно проявилась специфика молодого спартанского полиса. «Лаконский ренессанс» – так П. Картледж назвал одну из глав своей книги – начинается приблизительно со второй четверти VIII в.⁷⁸, когда вся Эллада вступила в свою новую эпоху. Несомненный экономический рост, фиксируемый как письменными (Геродот, I.66: после Ликурга лакедемоняне «быстро поднялись и достигли процветания» – ἀνὰ τε ἔδραμον αὐτίκα καὶ εὐθενήθησαν), так и материальными источниками (археологические данные о широкой «керамической экспансии» Лаконики⁷⁹), сопровождался трудностями социального роста. Характерная черта архаической поэзии – тема противопоставления богатства и бедности – отражена, в частности, в стихах Алкея (фр. 360 Lobel, Page)⁸⁰:

Так молвил Аристодам
Разумное в Спарте слово:
«В богатстве – весь человек;
Кто добр, но убог, – ничтожен».

Пер. М. Гаспарова

(Примечательно, что согласно поэту это крылатое выражение имеет именно лаконское происхождение.) Но самая главная проблема состояла в том, что экономический рост полиса, сопровождав-

шийся ростом демографическим, приводил к острому земельному голоду. Избыточное население должно было искать «лучшую долю», уходя в колонии или завоеывая соседние территории. О том, что именно нехватка земли являлась основной причиной агрессивных устремлений молодого спартанского полиса, красноречиво свидетельствуют наши источники. Согласно «Лаконским изречениям» Плутарха царь Полидор перед походом в Мессению говорит, что идет на «неподеленные земли» (63.2, 231e). Павсаний утверждает, что лакедемоняне во время набегов на Мессению не опустошали страну, считая ее уже своей собственностью (IV.7.1). Согласно мессенской традиции, также приведенной у Павсания, страсть лакедемонян к земельным захватам была ненасытна, и они постоянно отбирали земли у аргосцев и аркадян (IV.5.3).

Спарта принимала участие в заморской колонизации (самые яркие примеры – Фера и Тарент), но для нее гораздо более важным способом выхода из надвигающегося аграрного кризиса явилась колонизация внутренняя⁸¹, вылившаяся в процесс постепенного завоевания Мессении, Кинурии и других смежных районов, в нескончаемые попытки территориальных захватов в Арголиде и Аркадии.

Перейдем ко второму вопросу: каким образом рассматриваемый исторический фактор повлиял на процесс становления спартанского полиса в области политической и социальной?

Одними из главных функций любого архаического полиса являлись завоевание территории и ее оборона⁸². Повсюду становление полиса было связано с реорганизацией военного дела; любой полис выступает, кроме всего прочего, как особым образом устроенное военное сообщество. В Элладе приблизительно с конца VIII в. начинается время так называемых гоплитских реформ. Пальма первенства в этом деле принадлежала, вероятно, аргивянам, которые – судя по археологическим материалам⁸³ и данным письменных источников (дельфийский оракул около 750 г. – Parke and Wormell. Vol. 2, № 1; Павсаний, II.25.7; VIII.50.1) – первыми приняли на вооружение паноплию нового типа и новый строй – фалангу⁸⁴. Уже к концу VII в. «гоплитский переворот» в военном деле состоялся в Греции повсеместно.

Судя по «Эмбатерию» и другим стихам Тиртея (фр. 6, 8, 9), Спарта весьма рано — уже к середине VII в. — восприняла технические и тактические новшества в военном деле⁸⁵. Но отличие от остальных греков — и весьма существенное — здесь все же было. В обычном, «среднестатистическом», полисе воинские контингенты формировались — если применять современную терминологию — на основе принципа «кадрированных полков». Каждый гражданин являлся воином, и в случае необходимости он откладывал рало и брал меч, становясь в строй в том подразделении, бойцом которого являлся. Вне экстремальной ситуации подразделение это, обладая достаточно четкой структурой, существовало тем не менее лишь в потенциале. Такой принцип был оптимален для обычного полиса, лишенного возможности содержать профессиональные армейские формирования, отделенные от гражданского коллектива. Но для спартанского полиса, одной из важнейших функций которого в архаическую эпоху было осуществление перманентной территориальной экспансии по отношению к соседям, принцип «кадрированных полков» был явно недостаточен. Постоянные походы, отвлекая граждан, большая часть которых являлась землевладельцами, самостоятельно ведущими производство в своем хозяйстве, должны были неизбежно вызвать серьезные внутренние конфликты.

Существование таких беспорядков в Спарте в VII в. несомненно доказывают фрагменты Тиртея⁸⁶. В античной традиции существует память, что Терпандр подавил или как-то иначе повлиял на стабильность в Спарте. Приводимую Аристотелем пословицу «вслед за лесбосским певцом» — μετὰ Λέσβιον ᾠδόν (фр. 545 Rose⁽³⁾ = Евстафий, *Комментарии к Илиаде* IX.129, van der Valk) Зенобий объясняет следующим образом: Терпандр, посланный богом к враждующим лакедемонянам, гармонизировал их души и усмирил распрю — ἤρμωσεν αὐτῶν τὰς ψυχὰς καὶ τὴν στάσιν ἔπαυσεν (Зенобий, *Поговорки* 5.9). Подобным же образом объясняет происхождение этого выражения и Гесихий (Гесихий, s. v. μετὰ Λέσβιον ᾠδόν). О Терпандре, способствовавшем своей музыкой прекращению раздоров среди спартиатов, сообщает и Плутарх (*О музыке* 42)⁸⁷. Аналогичные свидетельства имеются и относительно другого архаического поэта —

Стесихора. Филодем сообщает, что Стесихор выступил в Спарте в качестве арбитра во внутреннем конфликте (Филодем, *О музыке* 18)⁸⁸.

Признаки социального стресса в лаконском обществе в раннее время фиксирует Плутарх в биографии Ликурга (2.2–3, 5, 13). Также и Фукидид, похоже, связывает стасис только со временем до Ликурга (I.18; ср.: Геродот, I.65–66). С нашей точки зрения это место у Фукидида следует понимать в том смысле, что спартанская «евномия» явилась примером надежных гарантий против тиранической власти. Историк в данном случае не столько противопоставляет «евномию» и «стасис», сколько постулирует антитезу «спартанская евномия» – «афинская (или любая другая) тирания»⁸⁹.

Мы склонны связывать период внутренних смут в Лакедемонне, занявших собой, вероятно, все седьмое столетие, с процессом территориального расширения полиса и со сложностями его осуществления на основе «кадрового» устройства вооруженных сил. Нашу гипотезу подтверждают два важных свидетельства. Аристотель, развивая теорию государственных переворотов, говорит, что смуты часто происходят, «когда одна часть населения оказывается слишком бедной, а другая, напротив, слишком благоденствует; это бывает чаще всего во время войн; и это случилось в Лакедемонне во время Мессенской войны, что ясно видно из стихотворения Тиртея под названием «Благозаконие»; некоторые, терпя бедствия из-за войны, требовали передела земли» (*Политика* 1306b36–1307a2; пер. С. А. Жебелёва – А. И. Доватура). С этим согласуется сообщение Павсания, по которому во время II Мессенской войны «лакедемоняне постановили оставить, пока идет война, Мессению и прилегающую часть Лаконики без обработки; ведь все равно они возделывали их, скорее, для тех, кто на Гире (то есть для восставших мессенцев, имевших своим центром гору Гиру. – А. З.), чем для самих себя. Но вследствие этого в Спарте возник недостаток в хлебе, а вместе с недостатком поднялось возмущение: те, которые имели там свои поместья, не желали мириться с тем, что их земли останутся пустовать, однако эти распри успокоил Тиртей» (IV.18.2–3; пер. С. П. Кондратьева).

Чаще всего данные сообщения понимаются так, что источником стасиса являлись те спартиаты, которые получили наделы в Мессении⁹⁰. Это, безусловно, так, но с нашей точки зрения в числе недовольных были и периеки. Участие лакедемонских периеков в боевых действиях в составе спартанского войска в ходе завоевания Мессении зафиксировано Павсанием (IV.8.3). О том, что среди недовольных значительную часть занимали периеки, свидетельствует то обстоятельство, что во время борьбы с мессенцами в Лаконике страдали прежде всего прибрежные местности и те обрабатываемые поля, которые лежали по Тайгету (Павсаний, IV.7.2; ср.: 18.1). Плутарх в биографии Агиса (8) и Страбон (VIII.5.1) примерно определяют границы хоры, относящейся к самому городу Спарта (ср.: Гомер, *Одиссея* IV.1). Сравнивая эти данные, мы приходим к выводу, что страдавшие во время Мессенских войн, а потому часто не возделывавшиеся лаконские поля принадлежали, главным образом, периекской хоре. Также следует обратить внимание на то, что Павсаний по отношению к этим полям употребляет глагол *γεωργέω* (IV.18.2). Не исключено, что он опирается здесь именно на тиртеевский корпус. Данные словаря Лидделя – Скотта в целом подтверждают, что применение этого глагола и его форм к кому-либо предполагает участие самого человека в той или иной форме в обработке земли⁹¹. Это в большей степени соответствует периекам, чем спартиатам.

Для успешного осуществления территориальной экспансии и решения тем самым острой демографической и аграрной проблемы необходимо было четкое распределение основных социальных функций между различными сословиями лаконского общества, что позволило бы снять с плеч земледельцев бремя регулярных военных кампаний и снизить уровень социальной напряженности. Перед Спартой стояла задача найти новые начала в организации вооруженных сил. И начала эти были найдены, существенным образом повлияв на саму социальную организацию лакедемонян. Принцип «кадрированных полков», формируемых из гоплитов-пахарей, был дополнен принципом профессионального войска. Между прочим, нашу гипотезу подтверждает и тот факт, что в Аргосе приближи-

тельно в то же самое время и по тем же самым причинам (а именно из-за неизбежности постоянных столкновений с Лакедемоном) формируется отряд в 1000 человек на принципах профессионального войска (Павсаний, II.20.1–2). Спартанский опыт был более решительным и заключался он не в создании профессионального военного отряда, а в создании профессионального военного сословия.

Исторические, а отчасти и природно-географические условия, а именно: неполная политическая унификация Лаконики и сохранение относительной самостоятельности дорийских общин Лакедемона (перизков); давно наметившаяся монополизация основных функций управления спартиатской общиной, занимавшей наиболее важное стратегическое положение в Лаконике; возможность широкого применения эксплуатируемого труда в хозяйствах представителей высшего сословия, когда эксплуатируемый земледелец самостоятельно осуществляет весь цикл сельскохозяйственного производства, – все это повлияло на формирование особых, ярких черт социальной организации классической Спарты. В качестве такой специфики мы рассматриваем корпоративный характер «общины равных» – сословия воинов-профессионалов. Создавая это сословие, «отцы» лакедемонской политики не преминули воспользоваться – как, впрочем, и создатели демократических Афин⁹² – старыми аристократическими принципами. Принцип элитарного эгалитаризма – полное равенство (*ἰσότης*), но для избранных – является исконно аристократической установкой. Далеко не во всех постаристократических обществах⁹³ принятие данного принципа означало создание правильного корпоративно организованного сословия⁹⁴. В силу объективных причин в Лакедемоне такое сословие было создано.

Во многих древних обществах помимо норм, обязательных для исполнения всеми членами данного социума, существовали правила для некоторых лиц, обладавших более высоким статусом. Повсеместным являлось представление о том, что соблюдение подобных дополнительных правил, обязанностей, запретов ведет к достижению (сохранению) высокого общественного ранга. Аскеза – или тренинг – должна была развивать способности, отличающие представителей высшего сословия и недоступные для социальных

низов. Наиболее характерен феномен аскезы для обществ со строгой иерархией. Суровые предписания, составившие вторичный комплекс так называемого Ликургова законодательства («малые ретры»), регламентировавшие общественную жизнь спартиата и его быт, систему ἀγωγή – все это необходимо рассматривать именно в качестве аскезы, тренинга⁹⁵, имевшего целью предельно развивать качества, необходимые представителю высшего военного и управляющего сословия, и одновременно являвшегося критерием принадлежности к этому сословию. Вряд ли следует предавать спартиатской системе ценностей значение большее, чем обычная корпоративная аскеза, усматривая здесь какую-то специфическую для Эллады основу лакедемонской политики⁹⁶.

При такой постановке вопроса находит свое объяснение и так называемый переворот VII (в других формулировках – VI) века, открытие которого так сильно повлияло на спартановедение в XX в.⁹⁷ Этот переворот отнюдь не был выражением создания в высшей степени специфического полиса, «самого уродливого – по выражению С. Я. Лурье – явления античности»⁹⁸. Мы склонны рассматривать его (то есть создание аскетической «общины равных») как осуществление одной из тенденций, определивших развитие социальной структуры Лакедемона с очень раннего времени, а именно тенденции к корпоративной организации спартиатского сословия.

Итак, завершая обзор исторических условий формирования социальной организации Лакедемона, отметим еще раз, что основополагающими историческими факторами здесь в архаический период являлись: доризация Лаконики, приведшая к первичному противопоставлению пришельцев и подчиненного местного населения, что положило начало формированию института илотии; областная консолидация под эгидой Спарты, протекавшая несколько особым образом (в частности, без синойкизма) и не повлекшая абсолютной политической интеграции перизкских общин; перманентная территориальная экспансия Лакедемона, ставшая ближайшим аналогом общегреческого колонизационного процесса и окончательно оформившая социальную структуру полиса, усилив при этом некоторые особенные черты, наметившиеся много раньше: корпо-

ративный характер сословия спартиатов, являвшихся сословием профессиональных воинов, экономической основой которого была земельная собственность, предполагавшая эксплуатацию илотов.

Контрольные вопросы

1. Какие элементы новой археологической культуры фиксируются для позднеэлладского (ПЭ) III C2 периода? Какова их связь с дорийской культурой?
2. Как проходил процесс утверждения дорийцев в Лаконике? Чем этот процесс отличался от «доризации» некоторых других областей Греции?
3. Каковы были особенности первоначальной консолидации дорийских общин Лаконики вокруг Спарты (IX–VIII вв. до н. э.)?
4. В чем суть теории, связывающей судьбу ахейских Амикл с принятием «Большой ретры»?
5. Охарактеризуйте основные этапы формирования социальной структуры спартанского полиса в архаический период.
6. Каковы были основные направления спартанской территориальной агрессии на Пелопоннесе с первой половины VIII в. до середины VI в. до н. э.? Назовите главных соперников и главных конкурентов древней Спарты в это время.
7. Что сообщает античная традиция о первой и второй Мессенских войнах?
8. Каковы были причины, вызвавшие к жизни спартанскую территориальную экспансию в VIII–VI вв. до н. э.? В каком общегреческом контексте находилось данное явление?
9. К каким последствиям привела территориальная экспансия древней Спарты VIII–VI вв. до н. э. и каким образом она повлияла на процесс становления спартанского полиса в области политической и социальной?
10. Как исторически можно объяснить появление принципа элитарного эгалитаризма, характерного для спартанской «общины равных» классического периода?

3. СПАРТИАТЫ

3.1. Политические функции и правовой статус

Высшим сословием лакедемонского общества являлась социальная группа, выступающая у античных авторов под именем «спартиаты» (Σπαρτιάται). Их место в общественной структуре обуславливалось прежде всего основными политическими функциями, возлагавшимися на данное сословие, а также тем, что они обладали наиболее полной совокупностью прав, закрепленных юридически, экономически и в обычаях. В греческом политическом сознании спартиаты воспринимались как граждане по преимуществу. Не случайно наши источники часто называют их «сами спартиаты», подчеркивая их отличие от всех остальных лакедемонян (αὐτοὶ Σπαρτιάται; характерные примеры: Ксенофонт, *Греч. история* VI.4.15; *Агесилай* 2.24)¹.

В политико-правовом аспекте основополагающим фактором, определявшим статус спартиатов, являлось их исключительное право принимать участие в апелле – спартанском народном собрании. Данное право носило конституционный характер: оно было зафиксировано в «Большой ретре» (Плутарх, *Ликург* 6; Тиртей, фр. 1.14 G. – Р.; Элий Аристид, *Панафинейкая речь* 192)². Нигде в имеющихся у нас источниках прямо не зафиксировано отсутствие у периеков права принимать участие в спартиатском народном собрании, однако ряд обстоятельств заставляет прийти именно к такому выводу³. «Большая ретра» была обращена прежде всего к политически активному населению Спарты⁴ – именно к тем, кто населяет этот город, было обращено «вещное слово» Аполлона, принесенное в Спарту Ликургом. Вероятно, лакедемоняне-периеки принимали участие в народных собраниях по своим городам, участвуя тем самым в организации местного самоуправления. Наличие таких мест-

ных апелл зафиксировано эпиграфически (IG 5(1).1144.21, 1146.41; ср.: Гесихий, s. v. ἀπέλλαι). Надписи относятся к I в., когда Гитий, откуда они происходят, уже входил в число «свободных лаконцев» (Павсаний, III.21.6). Однако не исключено, что подобные органы самоуправления существовали и в более ранние времена, что обеспечивало, с одной стороны, определенный уровень политической активности для лакедемонян – не спартиатов, а с другой – гарантировало верховный суверенитет спартиатской общине, чье народное собрание было полномочным органом как на территории государства, так и во внешнеполитических вопросах.

Участие в работе апеллы обеспечивало и другое политическое преимущество спартиатов – активное избирательное право в отношении таких органов государственной власти, как герусия (Аристотель, *Политика* 1270b35–1271a18), эфоры (Там же, 1270b6–10) и другие магистратуры.

Вместе с тем не все спартиаты в равной мере обладали пассивным избирательным правом⁵. Согласно Аристотелю на должность эфора мог претендовать любой представитель демоса (подразумеваются спартиаты) (1270b8–10, 18–19, 25–26; 1272a30), однако геронтом мог стать представитель «мужей прекрасных и добрых» – явное указание на аристократический ценз для спартанского совета старейшин (1270b24–25)⁶.

В нашем распоряжении имеется одно очень важное свидетельство того, что некоторые судебные функции на местах исполнялись в лакедемонском государстве исключительно спартиатами. Это сообщение Фукидида о должности киферодика (κυθηροδίκης ἀρχή), который присылался «в течение года» из Спарты (ἐκ τῆς Σπάρτης) лакедемонянам, имевшим статус перизков и населявшим остров Киферу (IV.53.2)⁷. Само название магистрата подразумевает, что его основная функция – вершить суд на Кифере. Выражение «в течение года» (κατὰ ἔτος) означает, вероятно, ежегодную сменяемость киферодика⁸. Юрисдикцию над всем населением государства спартиаты осуществляли также через эфоров и их эмиссаров. Через них же осуществлялись и следственные функции. При этом следственная власть должностных лиц из Спарты была настолько обширна,

что, как сообщает Исократ, эфоры могли казнить без суда столько перизков, сколько они пожелают (XII.181; ср.: Ксенофонт, *Греч. история* III.3.8; о судебной специализации в Спарте см.: Аристотель, *Политика* 1275b слл.)⁹.

Здесь необходимо остановиться на проблеме, связанной с институтом гармостов. Существует распространенное мнение, что Спарта посылала в перизкские города своих представителей – гармостов (ἄρμωσται)¹⁰. Свидетельством, вызвавшим к жизни такую точку зрения, является следующее сообщение схолиаста: ἦσαν δὲ ἄρμωσται Λακεδαιμονίων εἴκοσι (Схолии к Пиндару, *Олимпийские оды* 6.145). Однако фразу эту можно перевести двояко: как «имелось 20 гармостов у лакедемонян», но также и как «имелось 20 лакедемонских гармостов». Если верна последняя версия, то замечание схолиаста вполне могло относиться к спартанским правителям, поставленным в заграничные города в конце Пелопоннесской войны. Что касается начальников гарнизонов, расположенных в самой Лаконике и упоминаемых Фукидидом, Ксенофонтом и Диодором, то никто из них не назван в источниках обладателем этой должности (Фукидид, II.25.2; IV.57.3; Ксенофонт, *Греч. история* III.3.10; VII.1.25; Диодор, XII.65.9). Ни один известный нам случай употребления данного термина не связан явно с должностью спартанского наместника лаконского или мессенского поселения. Таким образом, нет достаточно веских оснований для определения гармостов как спартиатских правителей на перизкской территории¹¹. Важно другое: в любом случае должность гармоста занимали представители сословия спартиатов (прямые свидетельства: Фукидид, IV.132; Ксенофонт, *Греч. история* V.1.11)¹².

Дипломатические миссии также осуществлялись спартиатами, причем данная служба возлагалась на представителей аристократии, имевших широкие связи в других полисах, а потому обладавших возможностью блюсти интересы Лакедемона наилучшим образом. Исполнение подобных функций связано с необходимостью иметь особые навыки, которые могли передаваться только от отца к сыну. Самый яркий пример наследственного характера института государственных посланников Спарты дает семья Талфибиев,

возводивших свой род к вестнику Агамемнона Талфибию (Геродот, VII.134; о Талфибии см.: Гомер, *Илиада* I.320; III.118; IV.192 и др.). Другой замечательный пример аристократического характера спартанской дипломатической службы дает история Лиха, сына Аркесилая, имевшего контакты со знатью Аргоса и Фив и угощавшего однажды всех иностранцев, прибывших на праздник Гимнопедий. В 418 г. он способствовал заключению 50-летнего мира между Спартой и Аргосом, а в 412/411 г. участвовал в переговорах с персами (о Лихе см.: Фукидид, V.22.2, 50.4, 76.3; VIII.39.2, 43.3, 52.2, 84.4, 87.1; Ксенофонт, *Греч. история* III.2.21; Павсаний, VI.2.2–4)¹³. Необходимо отметить, что под именем Лих нам известен еще один знаменитый спартиат, живший в VI в. и также исполнявший посольские обязанности (Геродот, I.67.5)¹⁴.

Политические обязанности спартиата не исчерпывались только участием в апелле и исполнением той или иной должности. В этом смысле интересны два известных нам спартанских закона (обычая?). Агесилай указывает властям, обсуждающим поступок Фебида, захватившего в 382 г. Кадмею без санкции из Спарты, что если действия гражданина принесли Лакедемону пользу, то «древний закон» (*ἄρχαῖον νόμον*) разрешает в таких случаях поступать на собственный страх и риск (*αὐτοσχεδιάζειν*) (Ксенофонт, *Греч. история* V.2.32). Второй закон связан с требованием от спартиата личной инициативы в деле надзора за илотами: тех илотов, которые физическим развитием превосходят определенные слугам рамки, подвергают смерти, на владельцев же, если кто не укротил (*μὴ ἐπιχοπτοίειν*) усиливающих илотов, налагается наказание (*ἐπιτίμιον*) (Мирон у Афиня, 657d = FgrHist 106 F 2).

Остановимся на административно-территориальном статусе спартиатов. Населять город Спарту было несомненной привилегией тех, кто принадлежал к высшему гражданскому сословию: для исполняющих законы законодатель сделал город своим (*τὴν πόλιν οἴκειαν ἐποίησε* – Ксенофонт, *Лакед. полития* 10.7). Возникает вопрос: спартиаты жили исключительно в Спарте или же имели возможность удаляться в свои усадьбы, наличие которых хорошо засвидетельствовано письменными источниками?¹⁵ С этим свя-

зан и вопрос об административно-территориальном делении спартиатской общины: касались ли основы деления, зафиксированные в «Большой ретре» («разделить на обы» – Плутарх, *Ликург* 6), только территории Спарты или распространялись на более широкий регион.

У. Карштедт утверждает, что для спартиатской семьи нормой было ведение двух хозяйств – одного в городе и второго в усадьбе на клере¹⁶. Соглашаясь в целом с этой точкой зрения, мы хотели бы отметить, что и спартиаты, и члены их семей были по преимуществу городскими жителями¹⁷. Демарат называет Спарту городом с 8000 мужчинами (подразумеваются спартиаты; Геродот, VII.234.2). Геродот, говоря о спартиатских потерях при Платеях, применяет выражение «лакедемоняне, которые из Спарты» (IX.70.5). Агоге и сисситии, несмотря на вероятную связь с древнейшими институтами¹⁸, по сути своей являлись элементами городской культуры¹⁹.

Вопрос об административно-территориальном устройстве спартиатской общины связан прежде всего с проблемой об, на которые был разделен народ Спарты по «Большой ретре» (Плутарх, *Ликург* 6.2)²⁰.

Обы просуществовали в течение веков. Некоторые надписи из поздней Спарты говорят о группах молодежи из различных об (или фил, утративших к этому времени гентильный характер и в названиях городских кварталов использовавшихся как синоним об)²¹, которые оказываются тождественными известным из более ранних источников спартанским комам (IG, 5(1).26, 27, 564, 675, 680, 688 и др.)²². Однако одна надпись (SEG XI.475a4, рубеж VI–V вв., ныне утеряна)²³, происходящая из района южнее Амикл и содержащая название некой «обы Аркалов», вызвала к жизни предположение, что обы являлись единицами административного деления как Спарты, так и всей Лаконики включая перизкские территории²⁴. Не отвергая совсем такую постановку вопроса, мы хотели бы отметить, что у спартиатов, скорее всего, все же существовала некая административно-территориальная организация, выделяющая их из всего состава лакедемонян. Об этом заставляет думать любопытная фраза Плутарха, согласно которой Ликург, надеясь спартиатов земель, разделил для этой цели на клеры Лаконику,

«относящуюся к городу Спарте» (*Ликург* 8.5). Вероятно, термин *συντελέω* следует здесь понимать в том смысле, который зафиксирован для него в словаре Лидделя – Скотта под номером I.2 (стр. 1726), то есть фраза у Плутарха означает, что земля относилась к городу в *административном* смысле²⁵.

В заключение данного параграфа остановимся на такой проблеме политико-правового статуса, как возможность выездов за границу государства. Некоторые современные исследователи склонны, с нашей точки зрения, к преувеличенной и заостренной трактовке известных свидетельств о том, что в Спарте существовали запреты на выезд для граждан (Ксенофонт, *Лакед. полития* 14.4; Аристотель, фр. 543 Rose⁽³⁾; Плутарх, *Ликург* 27)²⁶. Так, Ю. В. Андреев пишет, что все имеющиеся сведения о выезде спартиатов относятся к небольшой группе людей: к военачальникам, послам и проксемам, которые имели официальные полномочия. Однако в качестве противоположного аргумента можно было бы привести историю Павсания, победителя персов под Платеями, рассказанную Фукидидом. И хотя такую яркую личность трудно отнести к рядовым спартиатам, все же наш автор прямо говорит, что вторично Павсаний отправился на Геллеспонт частным образом (*ἰδίᾳ* – I.128.3), «при том, что они не приказали» (I.131.1). О возможности зарубежных поездок по частному делу говорят и слова Полистратида, сказанные им во время посольства к персам (Плутарх, *Ликург* 25). Кроме того, сообщение Ксенофонта относит существование запретов на выезд к стародавним временам (*Лакед. полития* 14.4), а Плутарх связывает их непосредственно с Ликургом (*Ликург* 27). Согласно одной из версий запреты эти касались только военнообязанных (Гарпократион, καὶ γὰρ τὸ μὴδὲν τῶν μαχέμενων)²⁷. Когда Перикл у Фукидида говорит о более свободном образе жизни афинян и рассуждает о спартанских ксенеласиях, он тем не менее не упоминает законов, запрещающих спартиатам пересекать границу государства (Фукидид, II.39.1). Вероятно, в исторической Спарте V в. подобные запреты не действовали так жестко, как это описывает Плутарх (если они вообще когда-нибудь действовали по-настоящему жестко)^{27a}.

И все же вопреки знаменитому афоризму Крития о том, что в Лакедемоне и рабы в высшей степени рабы, и свободные более всего свободны (фр. 37 Diels = Плутарх, *Ликург* 28), несомненным остается факт, что сам характер спартанской политики накладывал на членов высшего сословия, спартиатов, дополнительные ограничения и запреты, в том числе и в политико-правовой области. Однако это — основная тема одного из следующих параграфов данной главы.

3.2. Военные функции и статус

Для гражданина полиса личное участие в ополчении с собственным оружием являлось и одной из самых главных обязанностей, напрямую связанных с его политическими функциями, и важнейшей привилегией, во многом определявшей его гражданский статус и сословную принадлежность²⁸.

О том, что в Спарте возможность ношения боевого оружия являлась исключительным правом тех, кто был зачислен в боевые формирования войска (то есть военнообязанных спартиатов, периеков и неодамонов), можно сделать вывод из рассказа Ксенофонта о том, каким образом были вооружены сообщники в заговоре Кинадона (399 г.; *Греч. история* III.3.7).

В сухопутном войске спартиаты являлись гоплитами. По всей видимости, их нельзя было использовать в непрестижных военных профессиях (легковооруженные, военные ремесленники и т. п.). Со времен Пелопоннесской войны они могли входить также в состав конных отрядов. Во флоте не могло быть и речи об использовании спартиатов в качестве матросов или гребцов. Афинский стратег Кефисодот, выступая в 369/368 г. в народном собрании, говорит своим согражданам, что если Спарта пошлет флот для совместных действий с Афинами, то лакедемоняне на кораблях будут либо триерархами, либо эпибатами, матросами же — илоты или наемники (Ксенофонт, *Греч. история* VII.1.12).

Во всех перечисленных аспектах военный статус спартиатов совпадает со статусом периеков. Однако различия были, и существенные. Наши источники рисуют спартиатов как истинных мас-

теров войны, как воинов-профессионалов, регулярно занимающихся военной подготовкой (Фукидид, II.39.1; Полиен, II.1.7; Плутарх, *Агесилай* 26.5–6). Исторические условия, в которых происходило становление спартанского полиса, обусловили одну из главных особенностей сословия спартиатов – это было военное сословие (*στρατιῶται* в наших источниках)²⁹. Спартанские формирования составляли, безусловно, ядро гражданского ополчения, наиболее ценную его часть, к которой добавлялись перизкские контингенты по специальному призыву (Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.25). Иногда в экстренных ситуациях, когда власти не успевали произвести призыв среди перизков, войско выходило только в составе спартиатского ополчения (так, вероятно, было в 418 г. в битве при Мантинее – Фукидид, V.64)³⁰. С другой стороны, в длительных и нередко далеких военных походах, которые стали необыкновенно частыми в последней трети V в. и в первой четверти IV в., перизки принимали участие как добровольцы. (Иногда или как правило? Однозначно ответить на этот вопрос трудно.) Именно такой порядок формирования зафиксирован Ксенофонтом для контингентов перизков, ксенов, незаконнорожденных от спартиатов, входивших в состав войска Агесиполида (Ксенофонт, *Греч. история* V.3.9), тогда как спартиатов государство могло отправить в такие походы в порядке призыва, основанного на законе, по которому спартиат обязан участвовать в заграничных кампаниях в течение 43 лет пребывания в войске (Там же, V.4.13). И хотя Спарта могла посылать в дальние походы и в гарнизоны в иноземных городах весьма ограниченное число представителей высшего сословия (по причине удручающего сокращения его численности), последние принимали в них участие именно как исполнители своих военно-политических обязанностей перед полисом (например, 8 спартиатов в войске гармоста Эгины в 388 г. – Там же, V.1.11; спартиаты в составе гарнизона в Кадмее в 378 г. – Диодор, XV.27.1–4).

Что касается командных должностей, то главные из них всегда занимали спартиаты. Относительно среднего и низшего звена следует остерегаться от подобного категоричного утверждения, хотя на важные посты ставили, очевидно, представителей этого сословия. Спар-

тиатами были, во всяком случае, начальники гарнизонов по охране Лаконики (Геронар в Асине – Ксенофонт, *Греч. история* VII.1.25; Александр на границе с Тегеатидой – Диодор, XV.64.1; их командование относится к зиме 370/69 г.) и эпистолеи навархов (Ксенофонт, *Греч. история* V.1.11).

3.3. Экономические функции и статус

Спартиаты, являясь профессиональным военным сословием, были освобождены от непосредственного материального производства. Источники совершенно определенно говорят о том, что согласно спартанской конституции представители высшего сословия обязаны были знать одну науку – подчиняться командирам и побеждать врагов, всякий же производительный труд, труд в сфере услуг и коммерческая деятельность были переданы в руки метеков и илотов, рабов и слуг (Геродот, II.166–167; Ксенофонт, *Лакед. политика* 7.2; Аристотель, *Политика* 1264a9–11; Полиен, II.1.7; Плутарх, *Ликург* 24–25; *Сравн. Ликурга с Нумой* 24; *Агесилай* 26). Эти ограничения, воспринимавшиеся древними как условия для обретения истинной свободы (в античном гражданском ее понимании; см.: Критий, фр. 37 Diels = Плутарх, *Ликург* 28; *Сравн. Ликурга с Нумой* 24), существенным образом отличали статус спартиатов от статуса высших сословий в иных полисах, где если собственно ремесло (*βαναυσία*) или торговля в лавчонке (*καπηλεία*) унижали достоинство гражданина, то, по крайней мере, крупные операции (*ἐμπορία*) и земледельческий труд (*γεωργία*) считались занятиями вполне уважаемыми³¹. Однако мы и здесь не склонны преувеличивать значение подобных ограничений личности в реальных условиях спартанского быта. У нас есть все основания предполагать, что спартиаты в той или иной степени были заняты в материальном производстве и обмене, но, конечно же, не в качестве непосредственных работников, а как организаторы производства и субъекты торговых сделок.

Прежде всего, неоспоримым фактом является как наличие домашнего хозяйства у спартиатов, которым обычно руководила жена (о домашнем хозяйстве в Спарте см.: Геродот, V.40; Аристотель, *Экономика* II.2.9; Плутарх, *Ликург* 17; о ведущей роли жен в домашнем хозяйстве: Ксенофонт, *Лакед. политика* 1.9; 9.5; Аристотель, *Политика* 1269b31–34; Плутарх, *Ликург* 14; *Сравн. Ликурга с Нумой* 3.3)³², так и зафиксированное письменными источниками наличие господских домов на клерах³³. Рассказывая о древних обычаях, Ксенофонт пишет, что в случае необходимости во время охоты можно пользоваться чужими продуктами на хоре, вскрывая печати (σφίμακτρα), после чего вновь опечатывать (очевидно, имеются в виду кладовые) (*Лакед. политика* 6.4). Это сообщение повторяет Аристотель, когда говорит о возможности для лакедемонян пользоваться чужими продуктами в поместьях на хоре (*Политика* 1267a57) и Плутарх в «Лаконских установлениях» (23, 238f)³⁴. Ксенофонт в рассказе о походе фиванцев в Лаконику (зима 370/69 г.) упоминает о домах на левом берегу Еврота возле Спарты, переполненных всяким добром (*Греч. история* VI.5.27), и о домах в районе Амикл (VI.5.30). Известно также и об огромной добыче фиванцев и их союзников, часть которой, по крайней мере, была награблена в спартиатских усадьбах (Диодор, XV.64.6; 65.3; Плутарх, *Агесилай* 31.2–3; 32.13; *Пелопид* 24.4; Павсаний, IX.14.6; все приведенные здесь свидетельства относятся к событиям зимы 370/69 г.). В свете вышесказанного небезынтересно отметить, что вообще для эллинов «наличие ойкопедонов на клерах засвидетельствовано как археологически, так и письменными источниками... Усадьба на сельскохозяйственном наделе является практической необходимостью»³⁵. Если даже верно предположение Д. Лотце, что спартиатское поместье имело лишь несколько кладовых в комплексе илотских строений³⁶, фактом остается то, что спартиаты периодически посещали эти усадьбы лично (Ксенофонт, *Греч. история* III.3.5), а илоты – и это особенно важно – не были свободны в выборе сельскохозяйственных культур и их количественного соотношения, так как апофора определялась не только по объему, но и по пропорциям различных продуктов (Плутарх, *Ликург* 8.7; 24.3), что связано с необходимостью

для спартиата приносить в сисситии назначенное количество строго определенных продуктов (Ксенофонт, *Лакед. полития* V.3; Плутарх, *Ликург* 12).

Предположение, что спартиаты участвовали в организации производства, распределяя обязанности оброка между семьями илотов, сидевших на клере³⁷, подтверждается тем известным фактом, что состоятельные люди прибавляли пшеничный хлеб к своей доле в сисситии (Ксенофонт, *Лакед. полития* 5.3). Пшеница не входила в число регламентированных продуктов, составлявших апофору, а следовательно, ее культивирование требовало хозяйственной инициативы со стороны спартиатов. Следует также заметить, что не все принадлежавшие спартиатам земли отводились под пашню, сады или виноградники. Многие владения в Мессении (а по мере развития процесса концентрации земли – и в Лаконике) использовались, вероятно, под пастбища (о многочисленных табунах и прочих стадах, пасущихся в Мессении: Платон, *Алкивиад I* 122e; о Мессении, богатой пастбищами для быков и мелкого рогатого скота: Еврипид, фр. 452 Nauk = Страбон, VIII.5.6; о земледельческих угодьях и пастбищах в имении Агиса IV: Плутарх, *Агис* 9)³⁸.

Интересно сравнить словоупотребление Аристотеля и Страбона, с помощью которого они характеризуют отношения спартиатов с илотами. Стагирит, говоря о контроле первых над вторыми, применяет слова ἐπιμέλεια и δμῖλέω (*Политика* 1269b8–9)³⁹. Страбон, комментируя сообщение Эфора об илотах, говорит, что лакедемоняне определили им индивидуальные литургии (VIII.5.4). Все это, на наш взгляд, также свидетельствует в пользу того, что спартиаты в некотором смысле участвовали в организации производства.

Нет серьезных оснований считать, что в классический период спартиаты были совершенно исключены из торговых отношений (в том числе и с целью наживы) в соответствии с каким-то древним законом или обычаем. Во всяком случае, в 70-х гг. V в. Павсаний беспрепятственно снарядил частным образом гермионскую триеру (Фукидид, I.128.3; 131,1). Более того, можно предполагать наличие в Спарте особого торгового права, субъектом которого выступал любой спартиат, не умаленный в своем юридическом статусе.

Так, Фукидид, рассказывая о последствиях поражения на Сфактерии, говорит, что вернувшихся пленников из числа спартиатов лишили на время помимо прочих прав и права что-либо покупать или продавать (V.34.2). Вероятно, подвергнувшийся атимии в случае возникновения спорной ситуации в связи с какой-либо сделкой не имел полноценной судебной защиты (например, не мог защищаться с помощью свидетелей)⁴⁰. Особенностью спартанской юрисдикции, как известно, была специализация судов по характеру рассматриваемых дел. Дела, связанные с гражданскими сделками, согласно одному свидетельству в «Политике» Аристотеля, распределялись между эфорами (III.1.7, 1275b9–10)⁴¹. Ясно, что дела эти относились прежде всего к сословию спартиатов, ибо в периэксских городах существовали собственные судебные органы (ср.: Плутарх, *Ликург* 25).

Наиболее сложной проблемой при анализе экономического статуса спартиатов является вопрос о собственности. Отношения собственности – важнейшая характеристика социально-экономической системы.

Плутарх, рассказывая в биографии Ликурга о перераспределении земли, заложившем основу всей социально-экономической системы Спарты, пишет, что Лаконику, относящуюся к городу Спарте, законодатель разделил на 9000 клеров (8.5; ср.: Эфор у Страбона, 365 сл. = FgrHist 70 F 118). Другие источники также подтверждают очень древний и стабильный характер спартанской земельной конституции (Эфор, там же; Платон, *Законы* 736c; Исократ, XII.259). В основе этой конституции лежало, вероятно, наделение членов общины клерами из основного земельного фонда, обладание которым служило цензом, открывавшим доступ к политическому полноправию. Клеры эти были неделимы, не могли продаваться и наследоваться иначе, как от отца к старшему сыну⁴². Указания на эту систему «издревле поделенных участков», которые не подлежат продаже, мы находим у Аристотеля и Плутарха (Аристотель, фр. 611.12 Rose⁽³⁾ – из эксцерптов Гераклида; Плутарх, *Моралии* 238e; ср.: Аристотель, *Политика* VI.2.5, 1319a10–15). Остатки этой системы сохранялись чрезвычайно долго, пережив, очевидно, закон Эпитадея, по которому спартиату предоставлялось право

распоряжения земель через дарение или завещание (Плутарх, *Агис* 5)⁴³. Вероятно, наблюдаемое здесь у Плутарха различие земли вообще и каких-то особых клеров указывает именно на эту древнюю систему⁴⁴. Кроме того, закон Эпитадея не давал права прямой продажи старых родовых участков.

Мы считаем возможным, во-первых, отождествить эти «древние участки» с тем, что Полибий называет *πολιτικὴ χώρα* (Полибий, VI.45.3), а во-вторых – интерпретировать данное словосочетание в связи с терминологией Ксенофонта, обозначающей отряды гражданского ополчения лакедемонян – *πολιτικαὶ μῦραι* (Ксенофонт, *Лакед. полития* II.4), которые включали в себя и спартиатов, и перизков. Это позволяет согласиться с предположением Ф. Хампля о том, что *πολιτικὴ χώρα* представляла собой издревле поделенный земельный фонд Лакедемона, включая в себя и спартиатские, и перизкские клеры⁴⁵. В юридическом аспекте земельная собственность и спартиатов, и перизков опосредована верховной собственностью полиса (именно об этом, с нашей точки зрения, и свидетельствует выражение Полибия). Но в социально-экономическом аспекте два вида этой собственности отличались кардинально – и не только по качеству земли, отводимой под клеры спартиатов и перизков. Суть отличия состоит в том, что спартиатское землевладение было основано на эксплуатации труда илотов, полисом к этой земле прикрепленных⁴⁶, тогда как собственность перизкская в основе своей была трудовой.

Завершая характеристику экономического статуса, необходимо остановиться на проблеме имущественной дифференциации среди высшего сословия Лакедемона.

«Община равных» постоянно осуществляла процесс перераспределения присвоенного продукта⁴⁷. Проистекал этот процесс, во-первых, из аристократического принципа эгалитарности, а во-вторых, из стремления противостоять тенденции к олигандрии (малоллюдству), которая должна была возникнуть как реальная опасность с самого момента конституирования высшего сословия полиса в замкнутую корпорацию. В качестве основного механизма перераспределения выступал институт сискении (общих застолий, сис-

ситий), чему сопутствовал институт так называемой общности имуществ (возможности использовать чужую собственность в случае крайней необходимости: Ксенофонт, *Лакед. полития* 7.3; Аристотель, *Политика* II.2.5, 1263a; Плутарх, *Лаконские установления* 10)⁴⁸. Однако в реальности никакое выравнивание уровня жизни спартиатов не могло помешать, с одной стороны, созданию больших состояний (Геродот, VI.61–62; VII.134; Платон, *Алкивиад I* 122e – 123a; Фукидид, I.6.4; Ксенофонт, *Греч. история* VI.4.10 сл.; *Лакед. полития* 14.3; Аристотель, *Политика* II.6.5; 9; 10 и др.; Диодор, XV.64.6; 65.3; Афиней, VI.24; Плутарх, *Агесилай* 31.2 сл.; *Пелопид* 24.4; Павсаний, IX.14.6; и др.)⁴⁹, а с другой – крайне ограниченному в материальном отношении существованию массы граждан (Ксенофонт, *Лакед. полития* 6.4; 10.7; Аристотель, *Политика* 1271a30; 35)⁵⁰.

3.4. Сословная семантика и образ жизни

В античной культуре распространенным явлением был институт аскезы – тренировки, развивающей особые способности и навыки путем строгого исполнения каких-либо предписаний и запретов⁵¹. Формы такого тренинга могли быть самыми разнообразными и зависели от целей, стоявших перед человеком, исполняющим аскезу: архаическая аскеза возрастных классов (суровое обучение и инициация мальчиков перед переходом в класс мужчин); атлетическая аскеза (Милон Кротонский, ежедневно переносивший на спине подрастающего бычка); философская аскеза (Анаксагор, отказывающийся от наследства и политической карьеры ради созерцания природы; пифагореизм); религиозная аскеза (обет безбрачия римских весталок; монашество). К особому типу следует отнести аскезу представителей высшего социального слоя. Строгое исполнение неких суровых предписаний было связано с обладанием высоким общественным статусом. Такая аскеза помимо практических задач выполняла и важнейшую с точки зрения древнего человека семантическую функцию – она проводила грань между «избранными» и

«толшой», между гражданами по преимуществу (которые предлагали социуму формы существования и обеспечивали принятие этих форм) и низами (которые были обязаны принимать предлагаемые им условия, получая взамен определенные гарантии в отношении их личности и имущества). Переход из низших слоев в высший хотя и допускался теоретически, но в обществах с четкой иерархией практически был весьма затруднен, в частности, наличием аскезы, исполнение которой представителями низших социальных групп считалось делом неслыханным и часто подвергалось наказанию. Одним из ярких примеров данного типа аскезы были определенные нормы в образе жизни представителей сенаторского и всаднического сословий в Риме⁵². Именно к этому феномену следует относить вторичный комплекс Ликурговых законов – систему суровых предписаний, регламентировавших общественную жизнь спартиата и его быт. Спартиатская аскеза проявлялась главным образом в трех аспектах: как институт общественного воспитания (агоге); как институт общественных обедов (сискения); как нормативный образ жизни, включавший в себя спартиатский кодекс чести.

Механизм обретения прав члена «общины равных» начинался с того, что отец-спартиат признавал ребенка своим законнорожденным сыном. Важное значение данного акта показывают рассказ Геродота о последствиях, которые имела для Демарата ошибочная клятва царя Аристона в том, что Демарат не является его сыном (VI.63.2), и рассказ Плутарха в биографии Агесилая о том, что царь Агис II не признал собственным сыном ребенка, родившегося у его жены Тимеи (3). Согласно Плутарху акт признания спартиатом своего сына происходил перед старейшинами филы в месте, называемом «лесха»⁵³. Здесь старцы проводили экспертизу физических качеств младенцев. В случае обнаружения какого-либо серьезного уродства ребенок умертвлялся (сбрасывался с обрыва Апофеты на Тайгете), если же он был здоров, отдавался родителям на воспитание⁵⁴. При благоприятном решении мальчику назначался земельный надел (очевидно, имелся в виду клер отца; этим актом старейшины признавали гражданство ребенка) (Плутарх, *Ликург* 16)⁵⁵. После семилетнего воспитания в домашних условиях, также регла-

ментированного различными обычаями и правилами, ребенок попадал в систему общественного воспитания – агоге, прохождение которого самым существенным образом отличало спартиатов не только от других представителей лакедемонского общества (кроме мофаков), но и от всех эллинов вообще⁵⁶.

Период агоге до 20-летнего возраста делился на несколько этапов. В возрасте 17–19 лет (старший этап эфебии) осуществлялась собственно военная подготовка. Одним из важных моментов была клятва, приносившаяся эфебами в спартанском пританее перед эфорами⁵⁷. В 20-летнем возрасте юноша становился иренем. Этот период длился до 30 лет, когда молодой человек спартиатского происхождения получал всю совокупность гражданских и политических прав⁵⁸. Участие в сисситии, полноправным членом которой он также становился с этого времени, – неперенный элемент спартиатской семантической модели. Главное, что нам здесь необходимо отметить, – это императив равенства, пронизывавший всю систему спартиатской агоге. Сыновья всех спартиатов должны были пройти это воспитание как равные, и это была первая и главная предпосылка того, чтобы они в будущем рассматривались в качестве членов «общины равных».

Оригинальные точки зрения на раннюю историю спартанских сисситий высказаны в работах К. М. Т. Краймс и Ф. Кихле. Оба автора отталкиваются от сообщения Аристотеля о том, что первоначально спартанские сисситии назывались не фидитиями, а, как и у критян, андриями (*Политика* 1272a2–4). Согласно Краймс первоначально они носили феодальный характер и являлись пирами аристократов и членов их дружин⁵⁹. По Кихле ранние сисситии – андрии отличались от позднейших фидитий не только названием, но и источником расходов. Источником для андрий были мессенские земли, завоеванные после I Мессенской войны, но не поделенные между спартиатами и оставшиеся в государственной собственности. А источником для фидитий были мессенские земли, поделенные между спартиатами на наделы в конце VII в.⁶⁰ Как бы ни решался вопрос о ранней истории сисситий, важно то, что в классической спартанской политике этот институт выступал как

механизм эгалитаризма в среде высшего управляющего и военного сословия⁶¹, в котором аскеза (знаковый образ сословия) нашла свои наиболее институализированные формы. Действительно, причастность к аскезе в случае с сисситиями была закреплена юридически, ибо вхождение в ту или иную «палатку», принадлежность к товариществу по застолью являлась, по сути, официальным цензом спартиатского статуса (Аристотель, *Политика* 1271a26–37). Именно цензовый характер сисситий предполагался и по ретре Лисандра 243 г. (Плутарх, *Агис* 8). В данном случае знак принадлежности к «равным» сливается с критерием политико-правовой принадлежности к высшему сословию. В сисситии были регламентированы меню и общие нормы потребления (Плутарх, *Ликург* 10; 12; *Моралии* 218с, № 3), утварь и обстановка (Афиней, IV.140), поведение участников застолья. Здесь спартиатская аскеза – как и в случае с агоге – носила публичный и часто состязательный характер⁶².

Императив равенства, понятый как одна из форм тренировки гражданской добродетели, распространялся не только на общественное воспитание и общественные трапезы, но и на многие аспекты повседневного быта.

Внешний вид, вероятно, имел в спартиатской общине важное семантическое значение. Представитель «общины равных» обязан был выглядеть аккуратно, следить за чистотой одежды (Плутарх, *Агесилай* 30.3–4). Плащ, даже если он немало послужил своему хозяину и был изрядно потерт, не мог быть залатан яркими заплатами, недопустимо было ходить в плаще, имевшем цветистую расцветку (Там же; *Лаконские изречения* 53.18, 228b)⁶³. Привилегией спартиатского сословия считалось применение масла для растирания тела для гимнастических упражнений (Ксенофонт, *Лакед. политика* 9.5; ср.: Фукидид, I.6.5; однако ср.: Плутарх, *Лаконские изречения* 53.18, 228b). Согласно Аристотелю эфоры, вступая в должность, объявляли, что граждане должны брить усы и повиноваться законам (Аристотель, фр. 539 Rose⁽³⁾ = Плутарх, *Клеомен* 91; ср.: Плутарх, *Агесилай* 30.3–4)⁶⁴.

Каждый спартиат должен был состоять в браке. При этом если мужчина не женился вовремя (вероятно, вскоре по достижении 30 лет), он подвергался различным наказаниям и штрафу (Ксенофонт,

Лакед. полития 1.6; 9.5; Плутарх, *Ликург* 15; *Лаконские изречения* 53.16–17, 228а – в). Брак должен был быть равным. Достойным считалось брать девушку из не подвергшейся атимии спартиатской семьи (Плутарх, *Агесилай* 30.3).

В общественном поведении принадлежность к «общине равных» предполагала равное общение с представителями этого сословия. Спартиат имел свое место в апелле, на равных сидел с достойными товарищами в сисситии, получал положенное ему место в команде при игре в мяч, участвовал в праздничном хоре, имел возможность общественного воспитания дочерей⁶⁵, что являлось знаком правовой полноценности семьи и поэтому имело значение для успешной выдачи дочерей замуж (Ксенофонт, *Лакед. полития* 9.4–6)⁶⁶.

В Спарте особую силу имела этика возрастных классов. Каждый спартиат мог рассчитывать на внешние проявления уважения со стороны младших, если только он не был каким-то образом умышлен в своих правах, то есть был достойным и равным соучастником общественной жизни (Ксенофонт, *Лакед. полития* 9.5; Перикл высоко ценил традиционное уважение младшими старших у спартиатов: Ксенофонт, *Воспоминания о Сократе* III.5.15). Особые правила поведения, как следует из «Лакедемонской политии» Ксенофонта, налагались на эфэбов (3.4–5). Вместе с тем необходимо отметить, что спартиат не должен был выглядеть униженным (Плутарх, *Агесилай* 30.3–4). Спартиатский кодекс чести не допускал рукоприкладства по отношению к «равному» (Там же; Ксенофонт, *Лакед. полития* 9.5)⁶⁷. Здесь необходимо затронуть такую проблему, как юридические гарантии личности спартиата. Когда Ксенофонт в указанном выше месте упоминает о том, что подвергшийся атимии спартиат мог получать удары от «лучших», не имея права ответить на них, то под «лучшими» подразумеваются, безусловно, члены «общины равных», по отношению к которым «трус» становился «худшим». Он не мог отвечать на оскорбления ни физически, ни при помощи судебной защиты⁶⁸. У эфэров имелись обширные права по привлечению любого лица к следствию и большие карательные полномочия. В частности, им было позволено даже царей подвергать предварительному аресту (Ксенофонт, *Лакед.*

полития 8.4; Фукидид, I.131.2). Однако известно, что подобный радикальный образ действий не только против царя, но и вообще против любого спартиата должен был быть обеспечен более чем вескими доводами (об этой процессуальной норме прямо говорит Фукидид в I.132.5). Плутарх, рассказывая о заговоре спартиатов, раскрытом Агесилаем во время обороны Лаконики от Эпаминонда, говорит, что на совете царя с эфорами было решено, учитывая чрезвычайную ситуацию, убить заговорщиков, хотя прежде ни один спартиат не подвергался смертной казни без судебного разбирательства (*Агесилай* 32). Эта последняя реплика весьма показательна. Она характеризует систему правовой защищенности «равных» – граждан по преимуществу, – которой в полном объеме не обладало ни одно другое сословие лакедемонского общества. Намек на длительный (несколько дней) характер судебной процедуры над спартиатом, когда в качестве наказания могла применяться смертная казнь, содержится у Платона. Сократ в «Апологии» советует членам гелиэи рассматривать подобные вопросы не поспешно, а в течение нескольких дней, как это бывает у других людей (Платон, *Апология Сократа* 37a – b; о симпатиях Сократа к законодательству Лакедемона см. также: Платон, *Критон* 52d)⁶⁹.

Если спартиат имел явные правовые привилегии по сравнению с неспартиатом, претендовал на особое место в полисе по сравнению с представителем другого сословия, то и полис требовал от спартиата гораздо большей отдачи. Возвращаясь к основной теме данного параграфа – сословной семантике, необходимо отметить, что кодекс чести «равных» очерчивал границы сословия спартиатов в аспекте системы ценностей и этической направленности личности. Этот кодекс зафиксирован в основных чертах уже в стихах Тиртея, которые в течение веков оставались в Спарте неким кредо господствующей системы ценностей (Тиртей, фр. 6, 8, 9 и др. Gentili, Prato; ср.: Дион Хрисостом, *Речи* 36.10; Максим Тирский, 37.5f; Peek, GV, 794.7 – Акарнания, III в. н. э.). Характерной чертой этой системы была ее подчеркнутая направленность на гражданскую и воинскую доблесть, а фокусной точкой – тезис о том, что для спартиата (то есть для гражданина по преимуществу) смерть

предпочтительнее бесчестия. История спартанских войн помимо самого яркого примера с гибелью отряда Леонида под Фермопилами (Геродот, VII.219–233) представляет немало других случаев, когда данный принцип действовал на практике (Офриад – единственный спартиат, оставшийся в живых после битвы с аргосцами за Фиреатиду, VI в. – Геродот, I.82; радость родственников тех амиклейцев, которые пали в бою доблестно, Пелопоннесская война – Ксенофонт, *Греч. история* IV.5.10; спартиаты, входившие в состав гарнизона в Кадмее, полагали своим долгом держаться до самой смерти, 378 г. – Диодор, XV.27.1–4; правда, в последнем случае из-за большого численного превосходства союзников в составе гарнизона спартиаты были вынуждены согласиться выйти вместе с ними из Акрополя; это пример того, как традиционные ценности теряют смысл в условиях войны не за рубежи полиса).

Хороший спартиат – это настоящий мастер военного искусства, независимо от того, находится ли он на посту командира или подчиненного (Платон, *Законы* 630e; Аристотель, *Политика* II.6.22, 1271a41 – b6; Диодор, XV.64; Плутарх, *Ликург* 24–25; *Агесилай* 26)⁷⁰.

В соответствии со спартиатской системой ценностей единственно достойной для истинного гражданина признавалась жизнь в соответствии с «прекрасным» (Ксенофонт, *Лакед. политика* 3.3; *Греч. история* V.3.9; Плутарх, *Агис* 5.5). Этот «прекрасный образ жизни» предполагал причастность к функциям, правам и привилегиям, относящимся только к высшему сословию. Причастность к ним обуславливалась, согласно Ксенофону, жесткой аскезой, тренировкой каждой гражданской добродетели (Ксенофонт, *Лакед. политика* 10.7). Аскеза, исполнение обычаев, ведение «установленного образа жизни» (Фукидид, I.130; 132.2) являлись одновременно и цензом для вхождения в спартиатское сословие, и публично реализуемой семантической системой этого сословия.

В спартиатской аскезе, в «установленном образе жизни» бросается в глаза императив эгалитаризма. В связи с этим мы склонны рассматривать и само наименование «равные» (ἰσμοιοί) не как строгий юридический термин для обозначения данного сословия, а, скорее, как знак, символ, относящийся к сословной семантике и теснейшим образом связанный с аскезой⁷¹.

Однако идеал культуры и его реализация в реальной жизни очень часто не совпадают. Иногда даже несовпадение это приобретает форму типологического несоответствия⁷². В лакедемонском полисе, вероятно, «спартанский идеал» никогда не был претворен в жизнь в полном объеме⁷³. Не вызывает сомнения, что многие элементы системы ценностей реально действовали и определяли жизнь спартиата, однако настоящего равенства среди «равных» никогда не было. Имущественный аспект данной проблемы был обсужден выше, теперь остановимся на проблеме существования в Спарте аристократии.

Аристотель в «Политике» (1270b24) и Плутарх в биографии Ликурга (17.2) упоминают о неких *καλοὶ καὶ ἀγαθοὶ* среди спартиатов. Однако ряд исследователей отвергает предположение, что данная фраза в названных пассажах имела отношение к некому официально привилегированному слою внутри сословия спартиатов, настаивая при этом на идентичности употребления слов «равные» и «спартиаты» (Ксенофонт, *Лакед. политика* 10.7; 13.1; *Греч. история* III.3.5–6 и др.)⁷⁴, или на том, что статус эфоров как представителей демоса был далеко не формальным (Ксенофонт, *Лакед. политика* 15.7; Аристотель, *Политика* 1270b25; Плутарх, *Агесилай* 4)⁷⁵.

Помимо двух указанных случаев употребления выражения «прекрасные и добрые» по отношению к части спартиатов в нашем распоряжении имеются и другие свидетельства существования в среде «равных» знатных родов. Геродот говорит о спартиатской семье Талфибиадов, возводившей свой род к Талфибию, герольду Агамемнона (VII.134). Не столь важно, существовала ли такая связь реально. Согласно некоторым данным того же автора можно прийти к выводу, что существовали тесные контакты – в том числе брачные – между отдельными родами, близкими царским, и, возможно, многие кланы выводили свою родословную от Геракла. Не исключено, что слово «Гераклиды» являлось групповым обозначением спартанской знати⁷⁶. Так, некий спартиат Демармен имел двух внушек, одна из которых вышла замуж за Анаксандрида (Агиад) (Геродот, V.41), а вторая – по имени Перкала – была обручена с Леотихидом (Еврипонтид), но ее похитили, и она вышла замуж за Демарата (Еврипонтид) (Геродот, VI.65). Третья жена царя Арис-

тона (Еврипонтид) также происходила из знатной семьи (Геродот, VI.62). Представители знати – как и повсюду в Элладе – имели обычай обмениваться дорогими подарками по особым случаям. Об этом свидетельствует история женитьбы упомянутого Аристона.

Сведения о «первых людях в государстве», о «влиятельных людях» в Спарте, о «высшем сословии города», а также о спартиатах, «связанных с ними родством», мы находим не только у Геродота, но и у Фукидида (V.15.1) и Ксенофонта (*Лакед. полития* 8.1; 8.2).

Еще один аргумент в пользу тезиса о существовании в Спарте аристократического слоя – спартиаты, владевшие конными упряжками, побеждавшими в Олимпии. К таким олимпийщикам могли относиться лишь представители весьма богатых семейств. О том, что эти семейства были еще и родовитыми, свидетельствует уже то, что победа в конных ристаниях часто являлась семейной традицией: у Александра, победителя 428 г., уже дед был олимпийщиком на 5-х играх; иконография скульптуры, изображавшей победителя игр 440 г. Поликла, рисует характерный аристократический образ – он изображен с двумя сыновьями, один из которых дотрагивается до повязки победителя, а другой держит колесо повозки (Павсаний, VI.1.7). Одной из привилегий олимпийщиков было право стоять рядом с царем в сражении и защищать его (Плутарх, *Ликург* 22.7 слл.; *Застольные беседы* 639e)⁷⁷.

О представителях спартанских знатных родов можно судить, например, по очень яркой личности Лиха. Сын олимпийского победителя Аркесилая, Лих сам победил с четверной упряжкой в Олимпии в 420 г. (Фукидид, V.50.4; ср.: Ксенофонт, *Греч. история* III.2.21). Он был проксеном аргосцев (Фукидид, V.76.3), имел связи с фиванцами (Там же, V.50.4; Ксенофонт, *Греч. история* III.2.21). Оскорбление, нанесенное ему элейцами, стало поводом для Элейской войны, которую вели лакедемоняне во главе с царем Агисом в 401–399 гг. (Павсаний, VI.2.2–4). Известно, что однажды он один угощал всех иностранцев, приехавших на праздник Гимнопедий. Лих входил в число самых активных известных нам дипломатов Спарты (Фукидид, V.22, 76.3; VIII.39.2, 43.3, 52.2, 84.4, 87.1). Приведем список спартиатов, чьи колесничные упряжки победили в ристаниях в Олимпии в период с 548 г. по 388 г.⁷⁸

Евагор	олимпионик в	548, 544, 540 гг.
Демарат	—	504 г.
Полипейт	—	484 г.
Аркесилай	—	448, 444 гг.
Поликл	—	440 г.
Ликон	—	432 г.
Александр	—	428 г.
Лев	—	424 г.
Лих	—	420 г.
Киниска	—	396, 392 гг.
Ксенарх	—	388 г.

Если признать, что участие в колесничных бегах являлось признаком богатого и знатного рода, то существование этого слоя в среде спартиатов, по крайней мере, в период с середины VI в. до начала IV в., надежно подтверждается этими данными.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Для знатных родов, проживавших в различных городах, были характерны тесные контакты друг с другом. Характерна и частая апелляция к подобным связям, существовавшим в героические времена. Проведя выборку всех упоминаний о Лакедемоне и героях, с ним связанных, которые содержатся у такого аристократического поэта, как Пиндар, мы обнаружили, что автор очень часто либо прямо говорит о таких связях, либо намекает на них, либо, возможно, конструирует эти мифологические контакты: *Олимпийские оды* VI.22–30 – связь жреческого рода Иамидов из Сиракуз со Спартой (ср.: Геродот, IX.35); *Пифийские оды* X.1–3 – связь Гераклидов Фессалии и Лакедемона; *Пифийские оды* XI.15–16 – связь Пилада и Ореста Лаконского; там же повсюду – устойчивые ассоциации имен Иолая и Кастора, Пилада и Ореста, призванные закрепить связь Дельфы и Фив со Спартой; *Немейские оды* VIII.11–12 – связь потомков Пелопидов из Спарты с афинскими героями; *Немейские оды* XI.33–34 – в Аристагоре Тенедосском видна кровь Писандра, спартанского соратника Ореста; *Истмийские оды* I – сочетание имен Иолая и Кастора – символ союза Фив со Спартой; *Истмийские оды* VII.12–15 – связь фиванского рода Эгеедов⁷⁹ с лаконскими дорийцами⁸⁰.

С другой стороны, социальная динамика в Спарте характеризовалась устойчивой тенденцией к сокращению численности «общины равных» (Аристотель, *Политика* 1270a34), особенно усилившейся в период Пелопоннесской войны. Четкие границы сословия, его корпоративный характер делали практически невозможным пополнение извне (примеры натурализации в архаический и классический период крайне редки; см.: Геродот, IV.145.5; Платон, *Законы* 629a; Аристотель, *Политика* 1270a34–35)⁸¹. Вместе с тем условия обладания спартиатским статусом в сочетании с характером землевладения не только не позволяли увеличивать численность сословия за счет естественного воспроизводства, но в чрезвычайных ситуациях (землетрясение, войны V в. и особенно ужасная по людским потерям Пелопоннесская война) приводили к резкому сокращению численности «равных»⁸². Никакие законы о деторождении в Спарте не могли воспрепятствовать этим процессам (отец двух сыновей освобождался от военной службы, отец трех сыновей освобождался вообще от всех повинностей⁸³: Аристотель, *Политика* 1270b3–4). Однако, несмотря на эти процессы⁸⁴, гражданское общество Лакедемона не прекратило своего существования. Спартиатская олигандрия лишней раз показывает, что «общину равных» невозможно отождествлять со всем гражданским корпусом. Эта община была искусственно созданным сословием, организованным на жестких корпоративных началах, являлась сословием «граждан по преимуществу».

Контрольные вопросы

1. В чем состояли политические функции спартиатов во внутригосударственной жизни?
2. Назовите внешнеполитические функции представителей сословия спартиатов.
3. Охарактеризуйте административно-территориальное устройство спартиатской общины.
4. Каковы были функции и статус представителей спартиатского сословия в войске?

5. В чем заключались экономические функции спартиатов?
6. Какие экономические отношения существовали между спартиатами и илотами?
7. Охарактеризуйте систему спартанских клеров с точки зрения вопроса о праве собственности. Существуют ли данные в пользу тезиса об имущественном расслоении спартиатской общины?
8. Какова была роль сословной семантики в жизни спартиатской общины?
9. В чем состоял социальный смысл спартанских сисситий?
10. Опишите особенности брачно-семейных отношений в спартиатской общине.
11. Какие аргументы можно привести в пользу тезиса о существовании внутри спартиатской общины аристократии?

4. ПЕРИЭКИ

4.1. Общие проблемы определения статуса

В современном антиковедении существует несколько различных мнений относительно того, какое место в социальной стратификации спартанского общества занимало сословие перизков. Остановимся на наиболее важных точках зрения.

У. Карштедт, исходя из взгляда о едином этническом происхождении спартиатов и перизков, пытается определить характер подчинения последних с помощью концепции «личной унии». Согласно этой концепции перизки были подчинены не общине спартиатов, а царям. В царских теменах, находившихся на перизкской земле, Карштедт видит своеобразный домен, раздававшийся в аренду перизкам и являвшийся экономической основой «личной унии»¹. Позднее эту точку зрения развил Х. Рудольф. По его мнению, в ранней Спарте существовало нечто вроде двоевластия – власть общины и власть царей, опиравшихся на «личную унию» с перизками. Позднее, когда господство царской власти было подорвано, перизки перешли в подчинение к общине².

Дж. Ларсен, высказывая вслед за В. Эренбергом более осторожную позицию относительно этнического происхождения перизков (несмотря на то, что дорийский элемент среди перизков преобладал, имелся также и значительный додорийский элемент), характеризовал положение этого сословия как нечто среднее между поработанным населением и союзниками. По его мнению, первоначально связи Спарты с перизкскими общинами ничем не отличались от связей с соседями за пределами Лаконики и Мессении. Позднее, в конце VI в., после создания Пелопоннесского союза, перизки вошли в ее состав как члены с меньшими правами. Спартанское государство Ларсен рассматривает как симмахию и симполитию одновременно³.

Ф. Хампль рассматривал периеков как потомков той части до-рийского этноса, которая должна была удовольствоваться в Лако-нике более худшей землей. Он не отрицает наличия и ахейского элемента в среде периеков. С течением времени данная часть насе-ления была лишена многих прав и превратилась в демос по отно-шению к спартиатам-аристократам⁴. Одним из элементов его тео-рии является положение о том, что периеки эксплуатировали на своих клерах илотов⁵.

Взгляд П. Оливы на эту проблему отличается двойственностью. С одной стороны, глава, посвященная периекам в его книге «Спарта и ее социальные проблемы», начинается с тезиса о том, что данное сословие, уже в эпоху архаики принадлежавшее вместе с илотами к неполноправному населению, «находилось между свободными спартиатами и порабощенными илотами не только по своему обще-ственному положению, но и по количеству»⁶. Заканчивает же он эту главу утверждением, что с точки зрения спартанского госу-дарства периеки представляли собой нечто среднее «между граж-данами и чужеземцами, или, скорее, между гражданами и союз-никами»⁷.

К этому мнению присоединяется и П. Картледж. Он приводит свои доводы в пользу того, что статус периеков должен рассматри-ваться как промежуточный между спартиатами-гражданами и союз-никами. Одним из основных признаков статуса периеков Картледж считает обязанность последних «следовать за спартиатами, куда бы те ни повели», безоговорочное подчинение спартиатскому руко-водству во внешней политике⁸.

Уже этот выборочный обзор ясно показывает наличие различ-ных, иногда диаметрально противоположных подходов к проблеме сословного статуса периеков. Амплитуду мнений можно наметить следующими главными пунктами:

- 1) периеки – это некая группа населения, по своему общественно-му положению стоящая между гражданами-спартиатами и илотами;
- 2) периеки – это группа населения, находящаяся в особой, по су-ти – феодальной связи со спартанскими царями и противостоящая общине спартиатов;

3) перизки – это чужаки или союзники Спарты;

4) перизки – это дорийский демос в спартанском полисе, противостоящий дорийской аристократии – спартиатам.

Такая разница в оценках неудивительна. Фрагментарный, иногда противоречивый характер свидетельств не способствует формированию единого, всех убеждающего взгляда на проблему социального положения перизков. Неудачными, на наш взгляд, являются и те основные критерии, на основе которых чаще всего происходит определение политико-правового статуса исследуемой категории населения, а именно критерий этнического происхождения и критерий характера отношений господства-подчинения между спартиатами и перизками. Почти все попытки сформулировать общее определение данной социальной категории осуществляются в контексте анализа этнического состава населения Лаконики и в контексте ответа на вопрос: «В чем заключается... подчиненность перизков?»⁹. Хотя этнический фактор, безусловно, имеет большое значение в процессе становления социальной структуры, его нельзя рассматривать в качестве определяющего уже потому, что для перизков, вероятно, был характерен разнородный этнический состав¹⁰. Что касается характера отношений господства-подчинения, то такая постановка вопроса уже заранее предполагает определенный ответ, а потому она не вполне корректна. Возможно, к более надежным результатам можно прийти посредством анализа, нацеленного на фиксацию лица или целого сословия в системе прав, обязанностей и общественных функций по отношению к полису. Критериями могут быть место и роль в органах управления, характер участия в вооруженных формированиях полиса, экономические функции и статус.

Необходимо сделать еще одно весьма важное замечание. Объединение спартиатов и перизков под одним именем «лакедемоняне» повсеместно в античных источниках (некоторые примеры: Геродот, VI.58; VII.234; IX.11, 28–29; Фукидид, IV.8.11, 55.1; Ксенофонт, *Греч. история* VI.4.15 и др.). Вместе с тем это название указывает не на место проживания, так как илоты очень четко отделяются от лакедемонян (Геродот, IX.28; Фукидид, IV.8.9; V.57.2; [Ксенофонт], *Афинская полития* 3.11), а на принадлежность к граждан-

ской общине: источники, когда речь идет о межполисных отношениях, употребляют данный термин в смысле «государство лакедемонян»¹¹.

4.2. Политические функции и правовой статус

Носителями государственного суверенитета, распространявшегося на территорию Лаконики и Мессении (на территорию последней – до 371 г.), выступали апелла, собиравшаяся в городе Спарте, герусия, комплектовавшаяся из представителей наиболее почтенных спартиатских семей, и коллегия эфоров, избиравшаяся из спартиатов. Основные политические функции спартиатов были связаны с возможностью и необходимостью участия в работе и избрании этих органов. Известно, что перизки не могли быть избраны ни в герусию, ни в эфорат. Вероятно, они не имели права голоса и в апелле¹². Тем не менее опрометчивыми являются утверждения, что перизки были совершенно лишены всяких политических функций и прав. В возможности иной постановки вопроса (а именно: каков был политический статус перизков?) убеждают нас имеющиеся свидетельства о поручении представителям этого сословия важных дипломатических заданий (перизк Фринис – Фукидид, VIII.6.4; ср.: Исократ, XII.180), но особенно *характер* участия перизков в войске (далее этому будет посвящен отдельный параграф). Поздние надписи (II–I вв.), происходящие из Лаконики, говорят о том, что в перизкских городах существовали органы власти, аналогичные спартиатским (для апелл: IG 5(1) 1144.21; 1146.41; ср.: Гесихий, s. v. ἀπέλλα; для эфоров у Свободных лаконцев: IG 5(1) 1110 и др.). П. Картледж полагает, что эти данные не могут характеризовать ситуацию до 196 г.¹³ Со своей стороны, отметим: эти надписи, конечно, не могут свидетельствовать о наличии государственного суверенитета у перизкских городов в классическую эпоху. Но у перизков, вероятно, имелись какие-то органы с функциями местного самоуправления. Возможно, апеллы, эфораты, другие магистратуры всегда существовали у них в качестве муниципальных органов.

Периэки жили в населенных пунктах Лаконики, Мессении и на островах. Немногие из периэских поселений могли быть отнесены к городам в физическом смысле этого слова. Наши источники, однако, настойчиво называют их поселения термином «полис» (например: Геродот, VII.234.2; Фукидид, I.74.3; V.54.1; Ксенофонт, *Лакед. полития* 15.3; *Агесилай* 2.24; Скилак, 46; Диодор, XV.65.5). Киферийцы, которые согласно Фукидиду являлись периэками (IV.53.2), также имели свой полис (Ксенофонт, *Греч. история* IV.8.8; Диодор, XIV.84.3–6)¹⁴.

Такое словоупотребление – факт весьма примечательный, он может свидетельствовать о том, что поселения эти были формально самоуправляемыми¹⁵. Очевидно, периэские полисы являлись либо низшими административно-территориальными единицами Лакедемона, либо центрами этих единиц, если предположить, что деление на обы распространялось и на периэское население.

Следует иметь также в виду, что население ряда территорий, свободное по статусу, но подпадающее под юрисдикцию Спарты, в источниках как будто не отождествляется с периэками. Речь идет прежде всего о Скиритиде и Кариатиде – северных пограничных с Аркадией районах, не всегда входивших в состав спартанского государства¹⁶. В «Греческой истории» Ксенофонт явно отличает периэков и жителей Карий (VI.5.25), а также периэков и скиритов (V.2.24). Античные лексикографы дружно называют Скир аркадским поселением (Стефан Византийский, s. v. Σκῖρος), а скиритов, составлявших отдельный лох в лакедемонском войске, – аркадским лохом (Гесихий, s. v. Σχερίτης; Свида, s. v. Σκῖορῖται = Тимей)¹⁷. Карийцы очень легко отпадали от Спарты, за что лакедемоняне не раз им мстили и, вероятно, возвращали их под свою опеку (Фукидид, V.55.3; Ксенофонт, *Греч. история* VI.28). Здесь особенно важно то, как источники определяют их административно-территориальный статус. Так, Ой в Скиритиде назван деревней *κώμη* (Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.26), местечком – *πολίχμιον* (Стефан Византийский, s. v. Οἶος; ср.: Эсхил, фр. 143), а его жители – демом тегеатов (Павсаний, VIII.45.1; данное свидетельство относится, вероятно, к более позднему времени); Скир назван селением *κατοικία*

(Стефан Византийский, s. v. Σκῆρος); Карию – местностью – χωρίον (Павсаний, III.10.7), а его жители – демом тегеатов (Там же, VIII.45.1). Нигде эти поселения полисами не названы. Это обстоятельство в совокупности с отмеченным выше явным отсутствием отождествления скиритов и карийцев с перизками, а также и с тем, что поселения лакедемонских перизков источники, как правило, именуют полисами, позволяет выдвинуть предположение, что перизкское сословие в Лакедемонии обладало четким административно-территориальным статусом¹⁸. Иными словами, их поселения отличались достаточно высокой степенью развития муниципального начала, что и заставляло древних авторов применять в отношении их поселений термин «полис»¹⁹.

Вместе с тем свободные жители северных районов Лаконики, являвшиеся частью аркадского этноса, жили по деревням, местечкам, поселкам и т. п. и хотя были близки перизкам, но, не обладая статусом жителей муниципального центра (полиса), de jure к перизкам не относились. Их положение напоминает, скорее, статус подчиненных младших союзников. Это подтверждает и словоупотребление Ксенофонта, из рассказа которого следует, что Исколай, командир гарнизона в Скиритиде (зима 370/69 г.) надеялся на жителей Ойя именно как на военных союзников – σύμμαχοι (*Греч. история* VI.5.26).

Исократ замечает, что у лакедемонян полисы имеют меньше власти, чем демы в Аттике (XII.179). Это следует понимать в том смысле, что представители перизков не могли входить ни в эфрат, ни в герусию, ни принимать участия в апелле²⁰, тогда как афинские граждане, живущие в демах вне городской стены, имели право, а иногда были обязаны принимать участие в работе или избрании центральных органов власти. В этом, на наш взгляд, и состоит самое главное отличие демократического полиса от олигархического. Сравнение с аттическими демами еще более усиливается тем, что Исократ определяет перизков как δῆμος и как πλῆθος по отношению к спартиатам-аристократам²¹. Согласно Исократу перизки-демос были порабощены спартиатами-аристократами (XII.177–181). Конечно, Исократ здесь понимает «порабощение», «порабощать»

в широком смысле, для указания на общую зависимость периежков от Спарты²². Более точно определяют отношение периежков к Спарте Эфор и Павсаний. Первый говорит, что они «подчинялись» (ὑπακούω) Агису и Еврисфену и «уплачивали подати» (συντελέω) (Эфор, FgrHist 70 T 117 = Страбон, VIII.5.4, 364–365), второй – что они были «подданными» (ὑπακοί) лакедемонян (Павсаний, III.2.3). Это еще раз свидетельствует о значительном умалении политических прав периежков по отношению к спартиатам. Однако в этом же месте Эфор сообщает, что изначально периежки обладали «равноправием» (ισονομией) и «равенством по сословию» (ισοτιμией). Лишение их того и другого произошло в ходе усиления Спарты, превращения ее в единственный центр, доминирующий в большом регионе, и по мере развития тенденции к корпоративной организации спартиатов, сконцентрировавших в своих руках основную часть политических функций. Однако все это не должно было уничтожить муниципальную жизнь периежских поселений.

Можно предположить, что периежские полисы были наследниками такого типа административно-территориальных единиц, как местные коллективы Пилосского государства микенской эпохи – *da-mo* табличек линейного письма В²³.

Интересен и тот факт, что численность аттических демов (174 в классический период) вполне сопоставима с численностью периежских поселений. Как передает Страбон, в древности Лаконика называлась «стоградой» (VIII.4.11; ср.: Евстафий, *Комментарий к Илиаде* II.581 293.36). Стефан Византийский по отношению к лаконским периежским поселениям иногда употребляет такую фразу: «лаконский полис, один из ста» (Стефан Византийский, s. v. Αἰθαια; Ἀνθάνα; Αὐλών; Τῆνος)²⁴. Перечень П. Картледжа фиксирует более 120 поселений, известных по археологическим источникам в Лаконике (со Спартой и с Амиклами), и более 70 в Мессении²⁵. Хотя не все из них имели статус периежского поселения, важно, что сопоставимые по территории Аттика и Лаконика дают вполне сопоставимые цифры для своих административно-территориальных единиц.

«Подданство» периежков выражалось, в частности, и в том, что они находились под судебной и следственной юрисдикцией Спарты. Для острова Киферы зафиксирован особый магистрат – посы-

лавшийся из Спарты *киферодик*, наделенный какими-то судебными полномочиями (Фукидид, IV.53.2)²⁶. Полная следственная юрисдикция эфоров над перизками подтверждается историей раскрытия и ликвидации заговора Кинадона, которому эфоры поручили арестовать нескольких жителей Авлона (Ксенофонт, *Греч. история* III.3.8). Ордер на арест (скитала) был выдан Кинадону после совещаний эфоров с геронтами в рабочем порядке. Более того, Исократ утверждает, что эфоры могли казнить перизков без суда в каком угодно количестве (XII.181). Вполне вероятно, что в случае совершения преступления в самой Спарте действительно так и было; но сомнительно, чтобы эфоры или их эмиссары вопреки всякому здравому смыслу «заботились» таким образом об интересах государства в перизкских полисах²⁷.

Но «подданство» предполагало, без сомнения, и юридическую защиту лица, давало ему статус лакедемонского гражданина, находящегося под защитой спартанского государства. В этом отношении интересно перемирие между киферийцами, жившими в «полисе» и имевшими статус перизков согласно Фукидиду (IV.53.2), и Фарнабазом, захватившим остров в 393 г. По этому перемирию киферийцы могли беспрепятственно переправиться в Лаконику (Ксенофонт, *Греч. история* IV.8.8; Диодор, XIV.84.3–6). Что касается гипотетически реконструируемой магистратуры спартанских гармостов в перизкских городах, то мы уже указывали на крайнюю слабость нашей источниковой базы по этой проблеме²⁸.

Для определения статуса перизкского сословия нужно учитывать такую форму связи местных интересов с более общими, как сельские религиозные праздники. Культовое объединение спартиатской и перизкских общин имело место, очевидно, в празднике Артемиды Кариатидской (Павсаний, III.10.7), в амиклейских церемониях (Ксенофонт, *Греч. история* IV.5.11–12; *Агесилай* 3.7) и ряде других²⁹. Здесь вновь проявляется некоторая аналогия между перизкскими городами и сельскими демами Аттики³⁰.

Показательны также и факты, связанные с погребальным культом базилеев. Геродот пишет, что когда умирает царь лакедемонян, кроме спартиатов на погребении обязаны присутствовать и перизки со всего Лакедемона (VI.58). Илоты тоже присутствовали

на похоронах, но в ином качестве – как рабочая сила и как плакальщики. Перизки же вместе со спартиатами составляли собственно похоронную процессию. По отношению к перизкам Геродот употребляет выражение «обязаны приходить». По отношению к илотам термин ἀναγκαστοί не употребляется – присутствие рабочей силы и плакальщиков предполагалось само собой. Геродот говорит об *определённом числе* перизков (ἀριθμῷ τῶν περιόικων). Очевидно, это представители всех (или каких-то определённых) перизкских городов. Перизки обязаны составлять процессию именно как члены коллектива лакедемонян. Не случайно Геродот употребляет словосочетание «басилеи лакедемонян» – цари, как потомки богов, являются жрецами и представителями перед богами всех лакедемонян, а не одних только спартиатов (ср.: Ксенофонт, *Лакед. полития* 15.2). Это же доказывает и тот факт, что темен царям нарезался из лучших перизкских земель (Там же, 15.3).

4.3. Военные функции и статус

Присутствие перизков в лакедемонском войске хорошо известно, но чтобы определить, в какой мере это свидетельствует об их принадлежности к гражданскому коллективу, необходимо рассмотреть их место, во-первых, в функциональной, а во-вторых – в тактико-строевой организации лакедемонского войска³¹.

Прежде всего необходимо выяснить, в каком качестве выступали перизки в войске. Их обязанностью, как свидетельствуют все наши источники, было поставлять гоплитские контингенты. По крайней мере, для последней четверти VI в. использование перизков в этом качестве фиксирует археология: найдены бронзовые фигурки и надгробные стелы с изображением гоплитов с перизкской территории³². Древние авторы, говоря о лакедемонских гоплитах, почти всегда подразумевают, что в их составе были как спартиаты, так и перизки. Иногда указывается соотношение тех и других. Согласно данным Геродота спартанское войско полного набора включало 5 тыс. гоплитов спартиатов и столько же перизков (IV.28–29). Е. Кавеньяк, проведя анализ данных, содержащихся

у Геродота, Фукидида и Ксенофонта, пришел к выводу, что с сокращением численности спартиатов численность периеков в войске возрастала, уже во времена Фукидида она несколько превышала численность спартиатов, а во времена Ксенофонта на 6 спартиатов приходилось 10 периеков³³.

Ксенофонт в рассказе об одной стычке с фиванцами во время похода Агесилая в Беотию в 378 г. перечисляет погибших со стороны лакедемонян. Один из них, периек Евдик, как и два спартиата и несколько фиванских изгнанников, был «из конников» (*Греч. история* V.4.39). На основании этого свидетельства можно предположить, что в Спарте моры всадников, как и гоплитов, формировались из числа как спартиатов, так и периеков.

Афинский стратег Кефисодот в своей речи в народном собрании в 369/368 г. утверждает, что матросами в спартанском флоте могут быть или илоты, или наемники, лакедемоняне же – либо триерархами, либо эписбатами (Ксенофонт, *Греч. история* VII.1.12). Очевидно, в этой части вооруженных сил периеки выполняли одинаковые со спартиатами функции. Фукидид фиксирует тот факт, что периеки могли назначаться командирами значительных флотских подразделений. Так, в 412 г. командиром одной спартанской эскадры был периек Диниад (VIII.22.1)³⁴.

Из других функций периекских городов укажем на охрану побережья, границ и горных проходов. Функция охраны побережья зафиксирована для периеков, населяющих остров Киферу (Фукидид, IV.53.2, 3; Ксенофонт, *Греч. история* IV.8.8; Диодор, XIV.84.3–6). Неясно, из кого состоял гарнизон на острове, упоминаемый уже Фукидидом, но, во всяком случае, он должен был пользоваться поддержкой со стороны периеков, так как охранял побережье прежде всего от пиратских набегов.

Обстоятельный обзор фортов на периекской территории содержится в книге П. Картледжа. Мы, однако, не можем вполне разделить тезис автора о том, что их основной функцией было отделение илотов от Арголиды и Аркадии, надзор за илотами в Вардунии, на Тенарском и Малейском полуостровах³⁵. Вероятно, главной их задачей была все же охрана земельной собственности полиса от вражеских набегов и грабежей.

Рассмотрим место периеков в тактико-строевой организации спартанского войска. Прямых сведений об этом в источниках нет. В свое время данная проблема дискутировалась между И. Кромайе-ром, К. Белохом и Е. Кавеньяком на страницах журнала «Klio» за 1902, 1906 и 1912 гг. Мы вслед за последним автором полагаем, что источники, и в первую очередь – Ксенофонт, прекрасно знакомый с военной организацией лакедемонян, вполне определенно говорят о единой тактической структуре для спартиатов и периеков³⁶.

В «Лакедемонской политике» Ксенофонт говорит о разделении войска на шесть мор, конных и тяжеловооруженных. Далее он сообщает, что каждая из этих гражданских мор имела одного полемарха, четырех лохагов, восьмерых пентекостеров [то есть «пятидесятников»; в «Анабасисе» (III.4.21) и у Фукидида (V.66) зафиксировано несколько иное название этой командной должности – «пентеконтер»], шестнадцать эномотархов. Те, кто был записан в состав этих мор, в соответствии с приказанием организовывались в эномотии, иногда в две (?), иногда в три, иногда в шесть (Ксенофонт, *Лакед. политика* 11.4).

Место очень темное. Объяснение Е. Кавеньяка кажется интересным, хотя и не решает всех вопросов, поставленных здесь Ксенофонтом перед исследователями: количество эномотий в море зависит от того, какой набор – сокращенный или полный; при полном наборе в море, исходя из количества эномотархов, должно быть 16 эномотий, при половинном наборе – 8. Когда же Ксенофонт говорит о 6, 3 и т. д. эномотиях, он имеет в виду спартиатские подразделения. Остальные эномотии, считает Кавеньяк, – 10 при полном и 5 при сокращенном наборе – формировались из периеков. Такое соотношение, указывает исследователь, достаточно хорошо согласуется с данными Ксенофонта о численности спартиатов в войске лакедемонян в битвах при Коринфе в 394 г., Левктрах в 371 г., а также в других, более мелких столкновениях³⁷.

Еще одно доказательство единой тактической организации спартиатов и периеков находим в «Панафинейской речи» Исократы (XII.180). Автор указывает, что периеки находились в строю вместе со спартиатами, даже в первом ряду.

Объединение спартиатов и перизков в структуре войска вытекает из тактических особенностей фаланги. Сила фаланги в ее единстве, крепкой спаянности. Лакедемоняне, в отличие от афинян и сиракузцев, довели до конца это единство, преодолев генетический и территориальный принципы организации войска. Спартиаты и перизки группировались, как пишет Е. Кавеньяк, «не по месту происхождения, но по возрастам и по относительной пропорциональности возрастных классов... соответственно необходимости гомогенности фаланги»³⁸.

Из этого правила, казалось бы, есть исключение – отряд скиритов. Скиритида – горная область на севере Лаконики. Скириты образовывали лох, занимавший особое место в лакедемонском войске. Так, во время похода впереди идут скириты и разведывательный отряд всадников (Ксенофонт, LP, 8.6). В ночное время скириты несут охрану лагеря (Там же, 12.3). О скиритах говорит и Фукидид, когда описывает построение лакедемонян перед битвой при Мантинее в 418 г. Согласно этому свидетельству скириты всегда занимали левое крыло спартанской фаланги (V.67.1). Обладавшие легким вооружением и особой подвижностью, они, очевидно, использовались не в составе фаланги, а в качестве прикрытия левого крыла, обыкновенно являвшегося более слабым. Необходимо отметить, что особое место этого лоха в строю, обусловленное его тактико-функциональным назначением, было традиционным. Не случайно Фукидид употребляет здесь наречие «всегда». Однако это исключение, скорее, подтверждает правило, ибо скириты, как указывалось в параграфе 4.2, по своему статусу отличались, вероятно, от перизков. Скириты находились на положении, близком статусу младших подчиненных союзников.

Формула, которую применяют наши источники для обозначения механизма сбора контингентов в поход, проста и почти всегда одинакова: «эфоры/лакедемоняне объявили сбор в поход». Ксенофонт рассказывает несколько подробнее: прежде всего эфоры объявляют, какие возрастные классы подлежат призыву. Те, кто входят в эти классы, должны явиться в войско (*Лакед. полития* 11.2). Что касается военного сбора среди перизков, то самый существенный вопрос

здесь заключается в том, каким принципом руководствовались эфотры, определяя районы, откуда должны были призываться перизки в том или ином случае. Без сомнения, в экстренных ситуациях призывались ближайшие соседи Спарты [как в 425 г. (Фукидид, IV.8.1), в 383 г. (Ксенофонт, *Греч. история* V.2.23) или в 370 г. (Там же, VI.5.24)].

Возникает вопрос: в какой мере участие перизков в тактико-строевой и функциональной организации лакедемонского войска может служить критерием их гражданской принадлежности? Ясно, что само по себе участие в войске в качестве гоплитов безусловным критерием быть не может. Хорошо известно, что начиная с Пелопоннесской войны спартиаты широко использовали илотов (неодамодов) в качестве тяжеловооруженных. В Афинах иногда в этом качестве использовались метеки. Важен характер участия в войске той или иной социальной категории. Необходимо сказать, что использование негражданского населения в качестве гоплитов характерно для исключительных моментов в жизни полиса. Весьма показателен в этом отношении рассказ Фукидида об отправлении 700 илотов-гоплитов во главе с Брасидом в Халкидику в 424 г. Для спартиатов это было предлогом для удаления большого числа склонных к завышенной самооценке илотов (а значит, имеющих большие претензии и потому опасных для государства в сложных внешнеполитических условиях) (IV.80.2). Кроме того, служба илотов в качестве гоплитов, как правило, предполагала последующее изменение их статуса (возможно, переход в категорию неодамодов). Вся совокупность вышеизложенных фактов приводит к следующему выводу: имманентным признаком спартанского войска является его формирование как из спартиатов, так и из перизков — на всех уровнях тактико-строевой и в основных моментах функциональной организации. Характер участия перизков и спартиатов в ополчении одинаков в своей изначальной основе. Поскольку отсутствует профессиональная армия, полис не может защищать свою собственность на землю иначе как силами самого же гражданского коллектива. Показателен в этом отношении сам термин, применяемый античными авторами для обозначения гражданского ополчения, — *παλινθηαί*. В этом смысле фаланга, являющаяся «естествен-

ной тактической формой для гражданской общины»³⁹, адекватна самому гражданскому коллективу. Участие в фаланге спартиата и перизка в качестве гоплита является для каждого из них реализацией основной функции члена гражданского коллектива по защите земельной собственности Лакедемона. Весьма показателен тот факт, что на щитах в спартанском войске была нарисована не сигма, а лямбда (Фотий, *Лексикон*, s. v. $\Lambda\mu\beta\delta\alpha$; Евстафий, *Комментарий к Илиаде* 293.39; Евполид, фр. 359 Коск; Феопомп Комик, фр. 91 Коск).

4.4. Экономические функции и статус

Для решения вопроса о месте перизков в экономической структуре спартанского полиса необходимо прежде всего рассмотреть их отношение к земле. Основу всей социально-экономической системы классической Спарты заложила серия преобразований, известных под условным названием «реформы Ликурга». Эти преобразования базировались на перераспределении земельного фонда Лаконики. Плутарх пишет о том, что перизки получили 30 000 клеров (Плутарх, *Ликург* 8); по ретре Лисандра 243 г. перизкская хора должна была содержать 15 000 клеров (Плутарх, *Агесилай* 8)⁴⁰. В самом общем отношении и перизкское, и спартиатское землевладение было объединено и опосредовано верховной собственностью полиса. Полис же являлся и гарантом землевладения тех и других⁴¹. Так, например, в 428 г. войско лакедемонян вернулось домой, поскольку, как сообщает Фукидид, афинская эскадра грабила перизкские земли (III.16.2). Весной 393 г. эскадра Фарнабаза и Конона, совершая набеги на лаконское побережье, не оставалась здесь долго, ибо командиры опасались спартанского войска (Ксенофонт, *Греч. история* IV.8.7).

Объединение перизкской и спартиатской земельной собственности проявляется также и в том, что темены спартанским царям выделялись на лучших перизкских землях (Ксенофонт, *Лакед. политика* 15.3; ср.: Платон, *Законы* V, 738d)⁴². Однако различие между спартиатским и перизкским землевладением было, и весьма существенное. Мы не располагаем данными о величине клеров, но

ясно, что участки у спартиатов были значительно больше, чем у периеков. Кроме того, первые владели землей лучшего качества, чем вторые. Об этом прямо говорит Исократ (XII.178, 179)⁴³. На основе ряда источников можно прийти к выводу, что периекская хора включала в себя прибрежные местности Лаконики и земли, лежащие по Тайгету (Страбон, VIII.5.1; Павсаний, IV.7.2; Плутарх, *Ликург* 8; *Агис* 8). Такое положение дел можно сравнить с общегреческой колонизационной практикой, когда статус первопоселенцев обеспечивал более высокий землевладельческий статус – возможность обладания землей лучшего качества. Эпойки – присоединившиеся колонисты – получали участки на худших землях, и это было связано с их последующим более низким гражданско-правовым положением по сравнению с первоколонистами и их потомками, которые рассматривались как «граждане по преимуществу»⁴⁴.

Размер участка и качество земли были не единственными факторами, отличавшими землевладение двух лакедемонских сословий. Самой главной чертой спартиатской земельной собственности являлось то, что клер обрабатывали илоты. Что касается периеков, то хотя они и могли применять труд рабов⁴⁵ или – как это осторожно допускает Д. Лотце – илотов в ограниченном масштабе⁴⁶, в основе их собственность на землю оставалась, вероятно, трудовой.

Можно утверждать, что в рассматриваемый период периекские хозяйства в своем громадном большинстве были мелкими, основанными на личном труде. Не случайно спартанские военачальники вынуждены были считаться с тем, что для периеков крайне обременительно в течение длительного времени находиться в походе [например, Агесиполиду во время похода против Мантиней в 384 г. (Ксенофонт, *Греч. история* V.2.4)]⁴⁷.

В основе экономического статуса периеков лежала, очевидно, их аграрная деятельность⁴⁸. Однако не вызывает сомнений тот факт, что именно среди периеков были развиты ремесленная деятельность⁴⁹, коммерческая активность [особо важную роль в этом отношении играли Гитий и остров Кифера (Фукидид, IV.53; Лукиан, *Разговоры гетер* 14.2.4; Павсаний, I.27.5; III.23.1); в целом о гаванях Лаконики см.: (Скилак, 46)]⁵⁰, разработка горных пород, минеральных и морских ресурсов⁵¹.

Для определения экономического статуса того или иного сословия важное значение имеет характер потребления производимого хозяйством продукта. Как собственники земли и непосредственные производители перизки присваивают весь произведенный ими продукт, но их членство в коллективе землевладельцев проявляется в существовании определенных обязанностей по отношению к полису, иными словами, в том, что определенная часть произведенного и присвоенного ими продукта потребляется не непосредственно перизкским хозяйством, а, как и в случае со спартиатами, в децентрализованной и централизованной формах полисом в целом⁵². Децентрализованная форма состоит прежде всего в исполнении перизками их воинской функции, то есть в их личном участии в ополчении с собственным гоплитским вооружением. Перизки могли носить оружие, и это одно из существенных политических прав (Ксенофонт, *Греч. история* III.3.7); но, с другой стороны, приобретать гоплитское вооружение на собственные средства – это одна из основных обязанностей представителей данного сословия. Интересно, что по ретре Лисандра 243 г. на земле, поделенной заново, а именно на перизкской хоре, должны были появиться 15 000 клеров, которые предполагалось распределить между перизками, способными носить оружие (Плутарх, *Агис* 8). Ретра, кроме всего прочего, пыталась восстановить древние цензовые нормативы: участие в фидитиях (что невозможно без клера) – для спартиатов; паношния и личное участие в войске (что также невозможно без обладания клером) – для перизков. Вероятно, для эпохи архаики и классики совершенно невозможна ситуация, подобная той, что возникла во времена Клеомена III, когда с целью противостоять «сверкающим щитам» Антигона Досона царь вооружил македонским оружием 2 000 перизков⁵³.

Далее, нормальное функционирование общинного коллектива требует существования общественного фонда, который может быть представлен самыми различными формами. Во всех этих формах перизки принимали участие вместе со спартиатами. Одна из них – жертвенный фонд, пополнявшийся за счет натуральных взносов. Так, Ксенофонт говорит, что от каждого опороса свиньи басилею

для жреческих нужд выделяется поросенок (*Лакед. полития* 15.3). Другой формой общинных средств была казна полиса. Осветим этот вопрос несколько подробнее. В распоряжении ученых находится крайне мало свидетельств о спартанской казне и о налогах, ее пополнявших. Какова была структура лакедемонского финансового ведомства? Кто распоряжался казной? За счет каких поступлений она формировалась? Какие социальные слои являлись налогоплательщиками? Каков характер участия этих слоев в формировании казны? Эти и другие вопросы, связанные с полисными средствами у лакедемонян, имеют слабую надежду получить когда-либо исчерпывающие ответы. Рассмотрим здесь основные данные о спартанской казне, имеющиеся в нашем распоряжении, и попытаемся сделать некоторые общие выводы о характере налоговых обязательств, выполнявшихся перизками⁵⁴.

Геродот сообщает, что в первый и седьмой день каждого месяца для обряда в святилище Артемиды спартанским царям доставляется по отборному животному «на общественный счет» (VI.57). Что здесь подразумевается? Общинная казна или государственное хозяйство с землей, скотом, обслуживающим персоналом? Второе представляется совершенно невероятным. Кроме того, само это выражение имеет многочисленные аналогии у древних авторов; возможно, оно принадлежало языку официальных постановлений и употреблялось для обозначения расходов, идущих из казны полиса [характерные примеры: Фукидид, VI.31.3 (дважды); 31.5; Аристотель, *Политика* 1268a9].

Второе свидетельство Геродота о спартанской казне: новый царь, приходя к власти, объявляет свободными тех спартиатов, которые имели задолженность перед его предшественником или общиной (VI.59). Здесь вновь встречается то же слово, и вновь употребленное Геродотом выражение находит многочисленные аналогии в других источниках, что не оставляет сомнения в необходимости понимать под словом *δημόσιον* именно общинную казну [помимо приведенных в предыдущем абзаце параллелей укажем на аналогичный пример в «Афинской политии» Аристотеля (63.3); в аристотелевском фрагменте (фр. 400, 1544b34); у Андокида (I.73);

примеры употребления данного слова с таким значением в папирусах (BGU. Vol. 1.188.10)].

Ценными свидетельствами о лакедемонской казне являются сообщения Фукидида и Аристотеля. Оба используют такие термины, как *χοινόν*, *χοινὰ χρήματα*, *χοινά*. Фукидид вкладывает в уста Архидама, советующего лакедемонянам не торопиться с объявлением войны, слова о том, что они бедны денежными средствами еще более, чем кораблями, и казна у них пуста, да и платят лакедемоняне неохотно [(I.80.4); ср. слова Перикла (I.141)]. Изложение государственного устройства Лакедемона в «Политике» Аристотеля завершается необычайно ценным свидетельством о плачевном состоянии спартанских финансов. Отрывок этот как будто продолжает речь Архидама; говоря о трудности пополнения спартанской казны, Аристотель употребляет те же слова для обозначения государственных финансов (1271b10–15; аналогии для данной группы слов: Геродот, VII.144; IX.87; Фукидид, VI.6.3, 8.2; VIII.1.2).

И, наконец, у Ксенофонта есть упоминание о наличии в Спарте особого военного финансового ведомства – *ταμειῶν* (*Лакед. политика* 13.11). Этим же словом определяет схолиаст ту казну, о которой говорит Архидам у Фукидида (I.80.4). Это ведомство находится во время похода под общим руководством царя. Согласно Ксенофону, если кто приходил во время военной кампании к царю с просьбой о деньгах, тот посылал его к казначеям (*ταμίαι*), если же кто приносил добычу – к продавцам военной добычи (*λαφυροπώλαι*).

Как уже было отмечено, интересующая нас терминология Геродота производит впечатление заимствований из языка официальных постановлений. Возможно, эти сообщения основываются на знакомстве автора с государственным архивом лакедемонян (ср.: VIII.224). Для словоупотребления Фукидида и Аристотеля характерна более нейтральная терминология применительно к лакедемонским финансам. Благодаря Ксенофону мы знаем, что у спартанцев имелось особое военное финансовое ведомство с должностями казначеев и продавцов военной добычи. Очень трудно сказать что-либо определенное о том, выделялись ли средства на поход каждый раз из общих полисных средств, или же военная казна

всегда сохранялась в качестве особого ведомства. Вопрос осложняется проблемой соотношения казны лакедемонян и казны Пелопоннесского союза, чего здесь мы касаться не будем⁵⁵.

Остановимся на проблеме руководства полисной казной у спартанцев. Свидетельство Геродота об обычае отмены новым царем задолженности спартиатов перед царем и перед общиной (VI.59), а также свидетельство Платона о «царской подати», которую уплачивали лакедемоняне (*Алкивиад I* 123а), позволяют выдвинуть предположение, что цари имели отношение к руководству казной не только в военное, но и в мирное время. С другой стороны, одно любопытное место в «Политике» Аристотеля позволяет, как кажется, предположить, что в руководстве казной участвовали каким-то образом и геронты. Стагирит пишет, что те, кто принимает участие во власти геронтов, оказываются падкими на взятки и «опускающимися до растраты многого из общинных средств на угождения»⁵⁶. Было бы лучше, указывает он, если бы геронты не были «неподотчетны», как это имеет место теперь. Впрочем, эфоры исполняют функции финансовых ревизоров, однако это слишком большой «дар» для эфории (намек на взятки от геронтов?), да и не таким образом должны даваться отчеты (1271a3–8). Термин *κοινά*, употребленный здесь Аристотелем, мы понимаем как сокращенную форму к словосочетанию *κοινὰ χρήματα*, использованному несколькими параграфами ниже при оценке финансовых дел спартанского полиса (1279b11)⁵⁷. В связи с этим и употребленный здесь термин *εἰσβολαί* мы понимаем как «финансовые отчеты»⁵⁸. Такое понимание позволяет допустить, что геронты имели отношение к руководству полисными средствами лакедемонян.

Из статей дохода нас интересуют прежде всего поступления от граждан. Фукидид устами царя Архидама говорит о том, что и казна пуста, и взносы в нее лакедемоняне («мы» в речи Архидама) делают неохотно (I.80.4). Связь между состоянием частных лиц и богатством казны подчеркивается Фукидидом несколько раз (I.80.3, 141).

В современной литературе проблема налоговых поступлений от периеков обычно обсуждается на основе трех свидетельств: Платон, *Алкивиад I* 123а; Страбон, VIII.5.4; Гесихий, s. v. *καλάμη*.

Сократ в платоновском диалоге «Алкивиад I», говоря об исключительном богатстве лакедемонян и (в особенности) царя, отмечает, что «царская подать», уплачиваемая лакедемонянами, оказывается очень большой. Б. Низе⁵⁹ и Г. Бузольт⁶⁰ связывают это свидетельство с тем фактом, что во многих перизкских городах выделялась земля для царей (Ксенофонт, *Лакед. полития* 15.3). По их мнению, она сдавалась в аренду перизкам. Оба автора полагают, что «царский налог» – это арендная плата с этих земель. У. Карштедт, не видя в тексте Платона оснований для такого вывода, привлекает свидетельства Страбона и Гесихия. Согласно Страбону (VIII.5.4) в стародавние времена царь Агис, сын Еврисфена, лишил перизков гражданского равноправия и постановил уплачивать подати Спарте – *συντελεῖν τῇ Σπάρτῃ*. Согласно Гесихию (s. v. *καλάμη*) существовала некая подать, уплачивавшаяся «соседями» и называвшаяся словом *каламе* *καλάμη* (τὸ τέλος φέρειν τοὺς παροίκους). Сравнивая эти данные, Карштедт приходит к выводу, что во всех источниках речь идет об одной и той же подати, которую уплачивали перизки спартанским царям⁶¹. В последующей литературе точка зрения Карштедта не нашла сочувственного отклика⁶². Лишь К. М. Т. Краймс с некоторыми оговорками принимает данную концепцию⁶³.

Дж. Ларсен отмечает, что сообщение Платона о «царском налоге» невозможно истолковать как доказательство наличия особого налога для перизков. Возможно, и спартиаты платили этот налог. Относительно сообщения Страбона он сомневается даже в том, следует ли понимать под словом *συντελεῖν* податные обязательства перизков. Но если даже данный термин обозначает здесь уплату подати, из текста, по мнению Ларсена, не следует выводить доказательств какого-то особого перизкского налога, так как он мог относиться также и к спартиатам⁶⁴.

И все же под словом *συντελεῖν* Страбон понимает, видимо, уплату подати: уже в следующем параграфе он употребляет именно этот термин в рассказе о том, что «до недавнего времени» лакедемоняне оставались свободными по отношению к Риму и, кроме добровольных литургий, не платили никакой другой дани – *ἄλλο συντελοῦντες οὐδέν* (VI.5.5). Возможно, Страбон по привычке упот-

ребляет это слово и применительно к древнейшим лаконским делам, а если это так, оно никак не характеризует перизкские финансовые обязательства, то есть из его употребления здесь не следует с необходимостью, что обязательства эти носили именно даннический характер.

Что касается глоссы Гесихия о «каламе», то она мало что дает применительно к Спарте⁶⁵, поскольку в слове *πάροιχοι* трудно увидеть лакедемонских перизков (ср. у Гесихия глоссу *πάροιχοι*).

Геродот в VI.59, как кажется, фиксирует известную выделенность спартиатских поступлений в казну, но здесь нет уверенности, что речь идет именно о налогах. Одно место в «Политике» Аристотеля (1221b10–15) позволяет сделать более определенные выводы о том, кто платил налоги в спартанскую казну и какой характер носили эти обязательства: «плохо обстоит дело у спартиатов и с государственными финансами: когда государству приходится вести большие войны, его казна оказывается пустой и взносы в нее поступают туго; а так как большая часть земельной собственности сосредоточена в руках спартиатов, то они и не контролируют друг у друга внесение налогов» (пер. Жебелёва – Доватура). Аристотель в качестве налогоплательщиков называет спартиатов⁶⁶. Дж. Ларсен указывает, что текст позволяет говорить о распространении этого налога и на перизков⁶⁷. В самом деле, по тексту получается, что эйсфора уплачивалась с земли. Но клерами владели не только спартиаты. Перизки, жившие вокруг Спарты лакедемоняне, также были собственниками земли (Плутарх, *Ликург* 8; *Агис* 8). Термином «перизки» Стагирит обозначает слои населения в различных областях Эллады, близкие по своему положению спартанским илотам. Ни в «Политике», ни в других произведениях он ни разу не упоминает о перизках-лакедемонянах. Аристотеля можно понять, ибо упоминание о лакедемонских перизках привело бы к необходимости излишних комментариев. Но в 1221b10–15 между строк все же угадываются спартанские перизки. Возможно, наличие финансовых обязательств перед казной у перизков-землевладельцев воспринималось Аристотелем как совершенно нормальное явление.

Итак, можно констатировать с определенностью лишь сам факт наличия каких-то поступлений от перизков в казну. Нельзя опреде-

лить точно, каков был характер этих поступлений и как регулярно они вносились. Остается лишь предполагать, что главный перизкский налог был идентичен спартиатской эйсфоре и представлял собой финансовые обязательства, связанные с собственностью на земельный участок и занимавшие определенное место в ряду обязанностей лакедемонян по отношению к государству.

При определении экономического статуса перизков необходимо учитывать: 1) наличие у них клеров на полисной хоре; 2) их непосредственное участие в производительной и коммерческой деятельности; 3) участие в формировании полисных средств, в том числе их обязанности перед полисной казной. В основной массе перизки, очевидно, принадлежали к классу свободных мелких производителей⁶⁸, из которых при благоприятных условиях мог формироваться слой средних и крупных землевладельцев и предпринимателей. Об этом, вероятно, может свидетельствовать и наличие в перизкской среде «мужей прекрасных и добрых» (Ксенофонт, *Греч. история* V.3.9; Плутарх, *Клеомен* 11)⁶⁹.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте существующие в исторической науке основные теории относительно статуса спартанских перизков. Чем объясняется большая разница в оценках положения этого сословия у разных исследователей?

2. Какие можно привести аргументы «за» и «против» тезиса о гражданском статусе перизков?

3. Что такое перизкские «полисы» и чем характеризовалась их внутренняя жизнь? Сравните их положение с положением аттических демов.

4. В чем заключались особенности статуса скиритов и других подобных групп населения лакедемонского полиса? Можно ли их отнести к разряду перизков? Почему?

5. Охарактеризуйте политические и муниципальные функции и статус представителей перизкского сословия.

6. Назовите формы религиозного объединения спартиатов и перизков.

7. Перечислите военные функции представителей сословия перизков.

8. Какое место занимали перизеки в тактико-строевой организации спартанского войска?

9. Какова была специфика перизекского землепользования и земле-
владения?

10. Охарактеризуйте состояние ремесла и торговли в перизекских по-
лисах Лакедемона.

11. Платили ли перизеки особые налоги в спартанскую казну? Какие
данные имеются в источниках по этой проблеме? Как решается эта
проблема в современной историографии?

5. ИЛОТЫ

Институт спартанской илотии всегда привлекал к себе внимание как исследователей конкретных эллинских реалий, так и ученых, склонных к широким теоретическим обобщениям. Сохранившиеся сведения об особенных, иногда уникальных и часто резко отличных от классического рабства аспектах этого института доставляют пищу и для тех, и для других¹. Необходимо отметить, что широко применяемое востоковедами привлечение илотии как типологического примера и как некой обобщающей категории характеризуется примитивизацией как самого института спартанской илотии, так и вообще лакедемонского общества². Здесь наша задача – определить место этого сословия в социальной структуре лакедемонского общества, рассмотрев его правовой статус, воинские функции, экономическое положение и ряд других аспектов.

5.1. Правовой статус

Этимология слова *Ἴλότες* способна дать первую точку отсчета для определения правового статуса этой социальной категории. Согласно многочисленным сообщениям античных историков и лексикографов данное название произошло от имени города Гелос в южной Лаконике, жители которого были поработены лакедемонянами (Гелланик, FgrHist 4 F 118; Эфор, FgrHist 70 F 117; Феопомп, FgrHist 115 F 13; Павсаний, III.2.7; Гесихий, s. v. *ἐλωτεύειν*; АВ I, 246; Большой Этимологик, s. v. *Ἴλος*). Данная этимология поддерживается и рядом современных авторов³. Однако многие филологи, отвергая древнее объяснение, предлагают возводить это слово либо к аористу *Π ἔϊλον* от *αἰρέω* (К. Мюллер), либо к изначальной форме **e-Felōtes*, связывая ее с аористным инфинитивом *ἄλῶναι*

от ἀλίσχομαι – «быть взятым в плен» (Ф. Сольмсен, Е. Буассак)⁴. Тем не менее эти варианты не дают окончательного решения проблемы, и ряд исследователей считает этимологию слова неясной⁵. Как бы то ни было, любой из предложенных вариантов (как древний, так и современные) подтверждают, что исходным фактором при формировании данного сословия было завоевание⁶. Однако не все исследователи склонны признать справедливость данного тезиса. Так, Эд. Майер выдвинул гипотезу о том, что илоты, этнически тождественные спартиатам, оказались в зависимости от последних в результате более сложных экономических условий, чем завоевание⁷. Эту точку зрения поддержал целый ряд исследователей, в том числе С. Я. Лурье⁸. Наш взгляд на проблему изложен в главе 2.

Вторую исходную точку (после этимологии) для определения илотского правового статуса дают примеры словоупотребления древних авторов при обозначении этой группы населения. Данная проблема очень детально проанализирована Д. Лотце⁹. Проследим основные моменты этого анализа, дополнив его собственными наблюдениями.

Илоты как социальная категория определяются древними через различные «рабские» термины: οἰκέται [Ксенофонт, *Лакед. полития* 7.3; Исократ, XII.78; Плутарх, *Сравн. Клеомена и Гракха* 5.2; Павсаний, III.20.6; ср. свидетельство Мирона, что илоты должны иметь «внешний вид, подобающий рабам» (FgrHist 106 F 2)]; илоты включались в состав ἀνδράποδα (Платон, *Алкивиад* I 122d); очень часто по отношению к ним употребляется термин δοῦλοι и другие образованные от него слова (Антиох, FgrHist 555 F 13; Критий, фр. 37; Ксенофонт, *Греч. история* VII.1.13; *Лакед. полития* 12.4; Эфор, FgrHist 70 F 117; Мирон, FgrHist 106 F 1; поздние авторы: Плутарх, *Ликург* 2.1; Павсаний, III.20. 6; АВ I, 246; Гесихий и Большой этимологик, s. v. ἐῖλωτες). Страбон, комментируя Эфора, пытается определить илотов как «некий тип государственных рабов» (VIII.5.4); Полидевк, также пытаясь дать определение через описание, говорит о положении илотов как о среднем «между свободными и рабами» (3.83).

Интересно проследить словоупотребление Аристотеля. Он, основываясь на практике, существовавшей в различных полисах, заявляет, что лучше всего для государства, когда земледельцы являются «рабами-неодноплеменниками с господами» или «варварами перизками». Д. Лотце, исходя из того, что варварами илоты не были, а перизками, по его мнению, Аристотель именует лишь критских несвободных, приходит к выводу, что для автора «Политики» илоты являются *δοῦλοι*¹⁰. Позволим себе не согласиться до конца с этим тезисом. Анализ словоупотребления Стагирита приводит нас к несколько иному выводу. Во-первых, вопреки утверждению Лотце Аристотель называет перизками не одних только критских несвободных, но и аргосских, и гераклеотских зависимых земледельцев; во-вторых, и в главных, во всех случаях, когда Аристотель прибегает к термину «перизки» без отнесения к определенному месту и во всех случаях эпидемического его употребления, он пользуется им именно как синонимом термина «илоты». Это особенно явно в двух случаях: 1269b3 и 1272b18 (ср. другие употребления термина «перизки» – без адреса: 1329a26; 1330a29; Крит: 1269b3; 1271b30; 1272a1; 1272a18; 1272b18; Аргос: 1303a8; Гераклея: 1327b11). К этому следует добавить, что Геродот, 12 раз упоминающий илотов, ни разу не использует для них «рабскую» терминологию.

В целом в отношении рассмотренной терминологии необходимо заметить, что она сама по себе не может зафиксировать какие-то четкие юридические аспекты статуса илотов. Скорее всего, разные слова фиксируют лишь разные аспекты, на которые авторы обращали внимание¹¹. Однако в нашем распоряжении имеются два случая применения к данной категории «рабских» названий в официальных документах. Это цитированные Фукидидом тексты договоров. В одном из них илоты вместе с афинскими рабами объединяются под именем *δοῦλοι* (IV.118.7), во втором вся совокупность илотов названа словом *δουλεία* (V.23.3)¹². Таким образом, словоупотребление это носило официальный характер, по крайней мере, в межгосударственной сфере. С нашей точки зрения, терминологическое употребление здесь идет путем поглощения общим более частного. Дело в том, что термин *δοῦλοι* может означать как катего-

рию рабов в развитой системе рабства, так и более общую оппозицию состоянию свободы¹³. Под это второе словоупотребление, без сомнения, подпадает и понятие «илоты». Рассматриваемое греческое слово наиболее широко по сравнению с другими словами использовалось для определения состояния несвободы; поэтому неудивительно, что в таком значении оно могло применяться и в официальном языке. Из этого не стоит делать вывод, что договоры фиксируют идентичный правовой статус для афинских рабов и спартанских илотов. Этот термин не дает нам точных координат в правовой системе, он только сигнализирует, в какой плоскости необходимо искать эти координаты. Эта плоскость – отношения свободы/несвободы, не более того. Попытаемся охарактеризовать юридический статус илотов более конкретно, насколько это позволяют имеющиеся данные.

Отсутствие свободы у илотов связано, в частности, с тем, что они не участвуют в «политии»; илотия, как некоторым образом устроенный организм, противопоставлена гражданскому обществу. В 70-х гг. V в. Павсаний обвинялся лакедемонянами в том, что он организовал заговор и привлек к нему илотов, обещав им свободу и политику (Фукидид, I.132.4).

Несвобода илота как личности проявлялась также и в том, что он имел конкретного хозяина – спартиата, чей клер илот обрабатывал. Эфор называет такого хозяина «владеющим» (ἐξων – FgrHist 70 F 117), Мирон – во множественном числе «господами» (ἡγετῆμενοι – FgrHist 106 F 2). И эти слова сами по себе не могут дать четких юридических координат. Согласно упомянутому сообщению Эфора илоты являлись «рабами на некоторых условиях». В частности, владелец не мог освободить их, как не мог и продать «вне границ» (ἐξω τῶν ὅρων). Что касается первого условия, то оно более или менее понятно. Освобождение находилось в исключительной компетенции государственных органов (см.: Фукидид, IV.80.3; Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.28). Сложней поддается интерпретации второе условие. Возможно двоякое его объяснение: 1) илот не мог быть продан вне государственных границ; 2) илот не мог быть продан вообще, то есть хозяин клера не имел возмож-

ности по своей инициативе удалить его с клера. При последнем объяснении под границами подразумеваются границы клера. С одной стороны, торжествует императив крепостного состояния, а с другой – явно ограничиваются владельческие права спартиатов, земледелец же получает определенные гарантии возможности оставаться на земле и заниматься своим хозяйством. Именно к такой интерпретации склоняется Д. Мак-Дауэлл¹⁴. Мы присоединяемся к этому объяснению.

Запрет на продажу зависимых земледельцев связан с другим ограничением владельческих прав спартиатов и одновременно с определенными гарантиями для илотов – с гарантиями присвоения определенной части произведенного ими продукта: спартиату под угрозой проклятия было запрещено требовать в качестве апофоры большую долю урожая, чем то было установлено (Плутарх, *Моралии* 239d – e). На проблеме илотского владения, а также на том, что правовой статус илотов был в значительной степени обусловлен необходимостью индивидуализации труда земледельца в условиях, в которых осуществлялась сельскохозяйственное производство в южном Пелопоннесе, мы остановимся в параграфе 5.3; здесь же важно отметить, что существовали явные правовые отличия в статусе илотов и афинских рабов. Последние юридически были собственностью, принадлежавшей кому-то другому. Всякая вещь, которую раб имел или которой пользовался, являлась собственностью хозяина¹⁵. Илоты находились в ином положении. По своему правовому статусу они, конечно же, не были исключительно субъектами прав спартиатов¹⁶. Отличие их от рабов в аспекте того, что по-английски называется *chattel slavery*, неоднократно обсуждалось в современной историографии¹⁷.

Рассмотрим административно-территориальный статус илотов. В этом аспекте для них фиксируется крепостное состояние в очень жесткой форме. Эфор пишет, что лакедемоняне (то есть полис) определили им места проживания – *катойкии* (FgrHist 70 F 117 = Страбон, VIII.5.4). У Тита Ливия для илотских поселений находим термин *vicus*, а их жителей он называет *castellani* (XXXIV.27.9). Как греческое слово *катойкия*, так и латинские *vicus* и *castellum*

полисемантичны. Они могут означать и деревню, и небольшую крепость, и сельское подворье, и ферму, хутор. Мы не можем с уверенностью сказать, жили ли илоты в деревнях или же были рассредоточены по хуторам на спартиатских клерах. Большинство исследователей все же склоняются ко второму варианту¹⁸.

С точки зрения П. Картледжа илоты жили сконцентрировано в долинах Еврота и Памиса¹⁹. Это, кажется, подтверждает тот факт, что когда в 370/369 г. власти объявили набор илотов в войско с последующим освобождением, тут же записались более 6 000 человек (Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.28–29). Однако такую концентрацию не следует преувеличивать; известно, во всяком случае, что многие илоты жили и на Малейском полуострове (Там же, I.2.18).

Жесткость крепостного состояния заключается не только в том, что изменить местожительство зависимого земледельца не мог даже хозяин клера, но и в том, что представители данного сословия были существенным образом ограничены в праве передвигаться по стране. По крайней мере, одним из оснований для убийства илота участниками криптий была встреча его ночью на дорогах (Аристотель, фр. 611.10 Rose⁽³⁾; ср.: Плутарх, *Ликург* 28.2 слл.).

Мирон сообщает, что господа, если не воспрепятствуют «расцвету» илотов сверх положенных для рабов рамок, подвергаются наказанию (FgrHist 106 F 2 = Афинея, 657d)²⁰. Такое положение дел весьма отлично от обычного права рабовладельца поступать со своим рабом как с вещью.

Подобные обязанности спартиата находятся, вероятно, в комплексе мероприятий, которые осуществляла спартиатская община как коллектив для контроля над илотами как определенным образом устроенным социальным организмом. Многие из этих мер носили чрезвычайный характер (Фукидид, IV.80.3; Диодор, XII.67). Из них выделяется институт криптий²¹, описанный Аристотелем и более подробно Плутархом (Аристотель, фр. 611.10 Rose⁽³⁾; Плутарх, *Ликург* 28); возможно, криптии имеет в виду и Исократ, когда говорит, что лакедемоняне обрekli на казнь без суда больше людей, чем было вызвано в суд в Афинах со времени основания города (XII.66).

Трудно сказать, существовала ли практика криптий в своих наиболее жестких формах еще и в V в. Некоторые сомнения на этот счет возникают в связи с плюсквамперфектом, употребленным здесь Фукидидом: «Ведь всегда у лакедемонян многое [из мероприятий, имеющих отношение к] бдительности в отношении илотов было установлено (*καθειστήκει* – плюсквамперфект, фиксирующий состояние, давно возникшее и существовавшее в прошлом. – А. З.) в высшей степени чрезвычайно» (IV.80.3). Далее автор переходит к описанию акции, совершенной совсем недавно (перед походом Брасида в Халкидику в 424 г.), которую согласно Плутарху нужно рассматривать как экстраординарную форму криптии. В результате этой акции таинственно исчезли 2 000 илотов, которые перед тем получили свободу (Фукидид, IV.80.3–4; Диодор, XII.68; ср.: Плутарх, *Ликург* 28.6)²².

Важно подчеркнуть следующий аспект проблемы: в криптии противостоящими субъектами являются спартиаты как коллектив и илотия в целом как социальный организм, некогда подчиненный силой оружия и обязанный осуществлять жизненные функции в условиях, предложенных спартанским полисом. На это, между прочим, указывает и тот факт, что эфоры, вступая в должность, объявляли войну илотам (Аристотель, фр. 538 Rose⁽³⁾ = Плутарх, *Ликург* 28.7). Этим, с одной стороны, юридически санкционировались и криптии, и формы индивидуального контроля, которые обязаны были осуществлять спартиаты, а с другой стороны, полис оставался в мире с богами, ибо объявление войны позволяло проливать кровь, не опасаясь скверны²³.

На этом последнем моменте необходимо заострить внимание. Илоты, без сомнения, не могли рассматриваться как вполне полноценные субъекты гражданского права. Тем не менее они являлись субъектами права религиозного. Помимо аристотелевского сообщения об объявлении войны эфорами это подтверждают и другие данные. Спартиат, требовавший в качестве апофоры больше, чем это было установлено, подвергался проклятию (Плутарх, *Моралии* 239d – e). Храм Посейдона на Тенаре служил убежищем для провинившихся и искавших спасения илотов, а нарушение права убе-

жища спартиатами являлось святотатством, вызывавшем даже реакцию Дельфийского оракула (Фукидид, I.128.1)²⁴.

Подведем некоторые итоги в связи с правовым статусом илотов. Начнем с утверждений от обратного.

1. Очевидно, что илоты не являлись частновладельческими рабами в точном юридическом смысле этого слова. Многие элементы их правового статуса показывают, что владельческие права спартиата были весьма ограничены как в отношении личности илота, так и в отношении произведенного им продукта. Илотов невозможно рассматривать в качестве «раба как вещи»²⁵.

2. Очевидно, что илоты не являлись «государственными рабами» (δημόσιοι)²⁶. Д. Лотце справедливо отмечает, что этот термин имел совершенно определенный смысл, и даже Страбон, употребляя его по отношению к илотам, делает оговорку – «в некотором роде» (τρόπον τινά – VIII.5.4)²⁷.

3. Не вызывает сомнения, что одним из факторов, определяющих юридический статус илотов, была их крепостная зависимость²⁸.

4. Обращает на себя внимание коллективный характер илотской зависимости. В этом смысле можно было бы согласиться с определением илотии как формы «коллективного рабства» (нем. Kollektivsklaverei)²⁹, однако с необходимыми пояснениями. Прежде всего, их рабство нельзя понимать в специальном, техническом смысле – это было указано выше. Рабами они являлись лишь в том смысле, что не были свободны (в передвижении, в выборе места жительства и форм жизнедеятельности). Но более важен для понимания сути илотии коллективный характер данной формы зависимости. Что мы имеем в виду? Прежде всего, то, что спартиаты осуществляли свое господство над илотами именно как коллектив (δοῦλοι τοῦ κοινού – Фукидид, III.20.6); илотия также представляла собой некий социальный организм, самостоятельно осуществлявший свое воспроизводство и осознававший себя как некую общность (в том числе этническую?). Проистекает это, во-первых, из исторических условий, ибо институт илотии возник в результате завоевания местного населения без последующих крупных его перемещений³⁰, а во-вторых, из природно-хозяйственных условий

южного Пелопоннеса, ибо правовой статус, каким обладали илоты, был наиболее эффективен для осуществления хозяйствования с преобладающей ролью пашенного земледелия (об этом см. параграф 5.3)³¹.

5.2. Военные функции и изменение правового статуса

Спартиаты регулярно привлекали илотов к военной службе. Однако имеющиеся данные оставляют много спорного в таких вопросах, как функциональное военное использование, механизм призыва, численность представителей этого сословия в вооруженных формированиях полиса.

Согласно некоторым неясным сообщениям илоты использовались уже во время II Мессенской войны. Так, Павсаний утверждает, что на место павших спартиатов в отряды были зачислены илоты (IV.16.6)³². Эта акция связывается Павсанием с именем Тиртея. Также по инициативе Тиртея было будто бы осуществлено и другое мероприятие: чтобы ошеломить мессенцев, лакедемоняне перед решительным сражением не останавливали перебежчиков-илотов. Перебежчики рассказывали о совершенной лаконской беззаботности, и мессенцы, перепуганные этим, сражались более слабо (Полиен, I.17). Первые более ясные и надежные свидетельства относятся к началу V в.: известно использование илотов в кампании Клеомена против Аргоса в 494 г. (Геродот, II.80), в Фермопильском сражении (Там же, VIII.25), в Платейской битве (Там же, IX.10, 29.2, 30)³³. О возможном использовании илотов в войске в 460-х и 450-х гг. говорит Т. Фигейра, однако этому нет никаких надежных свидетельств, и автор строит свое предположение исключительно на том основании, что в 420-х гг. было очень много илотов (более 2 000), которые считали себя проявившими доблесть перед лицом врага (Фукидид, IV.80.3–4)³⁴.

Во время Пелопоннесской войны начинается более широкое использование илотов, которое вскоре станет регулярным, а со второй половины войны происходит постепенное увеличение доли

неодамонов в войске по сравнению с долей неосвобожденных илотов³⁵. Но и позже государство прибегало к помощи данного сословия (самые яркие примеры: во время первого похода Эпаминонда в Лаконику в 370/369 г. – Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.28–29; призыв илотов Клеоменом III для борьбы с Антигоном – Плутарх, *Клеомен* 23).

Рассмотрим, в каком качестве использовались илоты в войске³⁶. Вероятно, нормальной практикой в войске Спарты, когда оно представляло собой гражданское ополчение в своих традиционных формах (до 20-х гг. V в.), было исполнение илотами перечисленных ниже функций.

1. Спутники, оруженосцы и слуги при каждом спартиате (Геродот, VII.25 – Фермопилы).

2. Военные рабочие (Геродот, VI.80 – Аргосская кампания Клеомена I; IX.80.1 – Платейская битва; возможно, строители в войске Клеомброта, стоявшем на Истме в 480 г. и строившем стену – IX.10; ср. о постройке укрепления в Декелее: Фукидид, VII.18.4, 19.1–3)³⁷. Военными ремесленниками, о которых упоминает Ксенофонт, были, скорее всего, лица не илотского происхождения (*Лакед. политика* 11.2).

3. Караульные (Геродот, VI.81; ср.: VI.75.2).

4. Возможно, адъютанты при командирах (*ὑπὴρέται* – Ксенофонт, *Греч. история* III.1.27).

5. Возможно, илоты входили в колонну, осуществлявшую подвоз провианта³⁸.

6. Легковооруженные (35 000 илотов в войске Павсания при Платеях были, согласно Геродоту, именно *φίλοι*, они входили в число *μάχιμοι* – II.29.2; 30.1; кроме того, участие илотов непосредственно в рукопашной схватке подтверждается их потерями – IX.85.2)³⁹.

7. Матросы и гребцы во флоте (Ксенофонт, *Греч. история* VII.1.12), хотя в этом качестве со времен Пелопоннесской войны чаще, очевидно, использовались наемники (Фукидид, VIII.45.2; Ксенофонт, *Греч. история* II.1.12; V.1.13)⁴⁰.

Остается неясным, каков был механизм призыва илотов в спартанское войско, пока оно формировалось традиционным для него

образом; неясным остается и то, как распределялись среди них перечисленные выше воинские функции. Возможно, имелась какая-то категория илотов на непосредственной государственной службе (что-то вроде корпуса афинских «скифов»), но во время сбора в поход каждый спартиат, вероятно, приводил с собой определенное число илотов (что-то вроде института ранней римской клиентелы в аспекте воинских обязанностей клиента по отношению к патрону)⁴¹.

Подчеркнем еще раз, что исполнение илотами всех этих функций являлось традиционной практикой в нормальном гражданском войске лакедемонян. Отдельный вопрос представляет собой использование илотов в качестве гошпитов, и связан он с такой крупной проблемой, как закат милиции и начало армии. Поскольку здесь данная проблема обсуждаться не будет, рассмотрим этот вопрос главным образом в связи с возможностью изменения статуса для илота.

Илоты в качестве гошпитов стали применяться, вероятно, в начальный период Пелопоннесской войны. По крайней мере, мы не имеем данных о том, что государство использовало их в этом качестве раньше. Вместе с тем из рассказа Фукидида о таинственном исчезновении 2 000 илотов недвусмысленно явствует, что все они были уверены в том, что уже зарекомендовали себя (*γεγενησθαι*) с самой доблестной стороны перед лицом врага (IV.80.3). Из сообщения Диодора о том же событии не менее явственно следует, что эти илоты уже совершили (*πεποιχηότες*) некое добро для Спарты (XII.67). И хотя здесь не говорится прямо, что и доблесть, проявленная перед лицом врага, и некое добро, оказанное полису, состояли именно в гошпитской службе, сделать такой вывод позволяет то обстоятельство, что наши авторы данную акцию прямо увязывают с другой акцией – отправкой 700 илотов-гошпитов в Халкидику под командой Брасида (Фукидид, IV.80.5; Диодор, XII.67). Поэтому мы не можем согласиться целиком с мнением Л. Г. Печатновой о том, что до Фракийской кампании Брасида (424 г.) существовала лишь идея использования илотов в качестве гошпитов⁴². Семьсот брасидян – это лишь первый зафиксированный в источниках пример интересующей нас практики.

В последующем илоты вместе с неодамодами регулярно появлялись в вооруженных формированиях Спарты, образуя зачастую отряды, предназначенные именно для дальних походов и, вероятно, хорошо отличающиеся самими лакедемонянами от традиционного полисного войска (Фукидид, V.67.1; VII.19.3, 58.3 и др.). В этом, а также в развитии наемничества нашла свое выражение возникавшая тенденция к созданию вооруженных сил, не тождественных гражданскому коллективу, тенденция, которая в Спарте так до конца и не была воплощена в жизнь.

Позднейшие известные нам факты крупных мобилизаций илотов с последующим их использованием в качестве тяжеловооруженных (6 000 человек в 370/369 г. – Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.28–29; 2 000 из 6 000 освобожденных илотов, введенные в войско Клеомена III в 221 г., – Плутарх, *Клеомен* 23) также вызваны военной несостоятельностью лакедемонского гражданского коллектива в новых условиях; но теперь несостоятельность эта проявилась не просто в неосуществимости дальних заграничных походов силами гражданского войска, а в наиболее критической и опасной форме – в невозможности для полиса защищаться сугубо полисными средствами. Таким образом, можно констатировать, что характер использования илотов в войске кардинально отличался от характера участия периеков и спартиатов. В традиционных полисных формированиях две последние группы населения осуществляли свой гражданский долг, защищали свою землю или приобретали новую. Илоты же здесь использовались как военные рабочие, караульные, иногда как легковооруженные, но никогда как гоплиты. Их участие в войске в последнем качестве связано с новым периодом, когда полис был уже не в состоянии осуществлять свою военную политику традиционными методами, когда явственно проявилась тенденция к возникновению вооруженных сил, не тождественных самому гражданскому коллективу.

Неординарность гоPLITских функций илотов находит отражение и в том, что эти функции были связаны с широко распространившимся в последней четверти V в. и в первой половине IV в. процессом изменения их статуса, получения свободы и перехода в иные социальные категории.

Проанализировав четыре античных свидетельства (Фукидид, IV.80.3–4; Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.28–29; Диодор, XII.67; Плутарх, *Клеомен* 23), мы пришли к выводу, что механизм освобождения илотов можно представить в виде такой последовательности: 1) власти полиса считают целесообразным (ἔδοξε – Ксенофонт) проведение данной акции; 2) власти делают объявление (προεἶπον – Фукидид, Ксенофонт; κερύσσω – Диодор) о начале освобождения; 3) когда предполагалось немедленное освобождение, объявлялось необходимое условие (например, внесение назначенной денежной суммы в 222 г. – Плутарх); в любом случае объявлялось о требуемых условиях: либо уже оказанные военные услуги (Фукидид, Диодор), либо будущая гопплитская служба в составе войска (Ксенофонт); 4) илоты сами решали, стоит или нет им претендовать на освобождение и служить в войске (все авторы); 5) производилась запись желающих (Ксенофонт, Диодор); 6) в случае, если речь шла об освобождении за предыдущие воинские заслуги, производилось расследование (вероятно, власти убеждались в соответствии претензий записавшихся илотов их реальным заслугам: κρίνομαι; προκρίναντες – Фукидид; κρίναντες – Диодор); в случае освобождения на условии будущей службы, возможно, происходил отбор по физическим качествам (ср.: Фукидид, VII.19.3); 7) в случае, если речь шла о будущей манумиссии, власти приносили клятвы в том, что те, кто будет «сражаться вместе» (с гражданами?), получают освобождение (τὰ πιστὰ λαμβάνω – Ксенофонт); 8) илоты приобретали оружие и организовывались в отряды (ἔπλα λαμβάνω; εἰς τάξιν τίθεμαι – Ксенофонт); 9) илоты сражались (Ксенофонт); 10) освобождение санкционировалось религиозным актом (Фукидид, IV.80.4)⁴³.

Обычно считается, что нормальной и наиболее распространенной практикой был переход таких илотов в категорию неодамодов. Это, как будто, подтверждается многочисленными данными лексикографии, называющими неодамодов освобожденными илотами (Схолии к Фукидиду, VII.58; Свиды и Гесихий, s. v. νεοδαμώδεις; Полидевк, 3.83)⁴⁴. Однако некоторые свидетельства заставляют думать, что дело обстояло не так просто. Прежде всего, Фукидид

явно отличает неодамодов от других освобожденных илотов (V.34.1, 67.1; VII.19.3, 58.3). Но самое главное – это свидетельство Мирона Приенского о том, что лакедемоняне часто освобождали рабов (ἡλευθέρωσαν δούλους) и одних называли «(вольно)отпущенниками» (ἄφετοι), других «не имеющими хозяина» (ἄδέσποτοι), третьих «эрикерами» (ἐρικτῆρες – «усмиренные»?), четвертых «деспосионавтами» (δеспοσιοναῦται – «матросами-распорядителями», «боцманами»?), которых направляли во флот, а кого-то из числа илотов – «неодамодами» (νεοδαμώδεις) (Мирон у Афиней, 271f = FgrHist 106 F 1).

Разные исследователи по-разному понимают данный пассаж. Д. Мак-Дауэлл, в частности, полагает, что первые четыре термина были просто разговорными словами, официальным же значением обладал только последний. Более того, исследователь склоняется к мысли, что словосочетание «из числа илотов» относится лишь к последним – неодамодам; остальные же происходили из рабов в собственном смысле этого слова⁴⁵. Такое понимание возможно, но маловероятно. Словосочетание ὄντες τῶν εἰλωτῶν наиболее естественно отнести ко всему периоду. Это подчеркивает и указательное местоименное прилагательное ἕτεροι, примененное к неодамодам – «другие из числа илотов». С этой точкой зрения солидаризируются многие ученые⁴⁶.

Вопреки мнению Д. Мак-Дауэлла нам представляется возможным видеть в приведенных приенским историком названиях определенные указания на различный статус у разных категорий освобожденных. Впрочем, в отношении первых четырех категорий мы не имеем для такого утверждения иных оснований, кроме чисто умозрительных рассуждений. Все наши предположения о статусе этих групп освобожденных илотов – кроме неодамодов – носят сугубо гипотетический характер.

Термин ἄφετης происходит из ἀφίημι и означает, вероятно, собственно «отпущенного (на волю)», «(вольно)отпущенника»⁴⁷. Представляется возможным связать эту категорию с теми илотами, которые, согласно Фукидиду, получили свободу в 421 г., после халкидской кампании Брасида, с правом «жить где угодно» (V.31.1). Они провели несколько лет в заграничном походе и, безусловно,

потеряли связь со своим хозяйством. Возможно, их никто дома особенно не ждал, а они не стремились вернуться в семью. Вполне вероятно, что они относились к младшим сыновьям или к другому избыточному населению и имели слабую перспективу возглавить когда-нибудь илотское хозяйство. Теперь они могли сами выбрать место для жительства, а последующую отправку в Лепрей (вероятно, с наделением землей) должны были расценивать как большую жизненную удачу (Фукидид, V.31.1). Фукидид называет их «Брасидовыми воинами» (V.67.1), и это рождает ассоциацию с римскими ветеранами. Аналогия усиливается тем, что государство организует вывод колонии, имея в виду, во-первых, наделить брасидян землей, а во-вторых, обеспечить свое политическое преобладание в конкретной области (данные о колонизации Лепрея брасидянами и неодамодами в 421 г.: Фукидид, V.34.1; о стремлении Спарты укрепиться в южной Элиде и поддержать дружественный Лепрей: Там же, V.31.1–5, 49.1, 5, 50.1)⁴⁸. Кроме того, аналогия с римскими ветеранами оправдывается и тем, что подобная практика создавала для полиса очень удобную возможность в случае необходимости вновь прибегать к помощи обученных, закаленных и облагодетельствованных воинов, как это и случилось в 418 г. в битве при Мантинее, о чем сообщает Фукидид (V.67.1)⁴⁹.

Относительно второй категории – «не имеющие хозяина» – следует предположить, что такие вольноотпущенники оставались на земле и вели хозяйство, не уплачивая апофору никакому конкретному спартиату. Трудно сказать, была ли связана эта форма освобождения с выморочными спартиатскими клерами.

Ничего определенного нельзя сказать о следующем термине – «эриктеры» («усмирненные»?). Кажется, он встречается только в этом фрагменте Мирона [фрагмент сохранился у Афиней (271 f) и у Евстафия в комментарии к «Илиаде» (III.272)].

Слово «деспосионавты» также очень редкое и, вероятно, также встречается только в этом месте. Судя по названию и по ремарке, которую Мирон делает по отношению к деспосионавтам, можно сказать, что это были опытные в морском деле люди, жили они, вероятно, на побережье и происходили из тех илотов, которые зани-

мались морскими промыслами (ср.: Фукидид, IV.26.5–8; Ксенофонт, *Греч. история* VII.1.12).

Более определенные выводы можно сделать относительно социальной категории неодамодов⁵⁰. Уже само название говорит о некотором гражданском качестве данного слоя (ср.: Гесихий, s. v. δαμώδεις – то же, что демоны, или владеющие полными правами у лаконцев)⁵¹. Однако возникает вопрос: в чем состоял критерий, в соответствии с которым освобожденный илот становился или не становился неодамодом? Предположение, выдвинутое Д. Мак-Дауэллом, представляется весьма логичным: критерий состоял в приобщенности неодамодов к спартиатскому военному тренингу. Иными словами, неодамодами становились не все освобожденные илоты, а лишь те из них, кто прошел систему агоге в качестве «совоспитанника» сына спартиата. Это утверждение шотландского исследователя связано с его гипотезой, выдвинутой относительно спартанских мофаков⁵². Суть этой гипотезы состоит в следующем. Мофаки не являлись каким-то особым сословием лакедемонского общества, но представляли собой категорию мальчиков, прошедших через систему агоге, но по происхождению не являвшихся законнорожденными спартиатами. Ребенок попадал в систему агоге, если его приводил какой-либо спартиат в качестве сотоварища, совоспитанника своего законнорожденного сына. На основе сохранившихся сведений можно утверждать, что источники пополнения данной категории были следующие: дети ксенов; незаконнорожденные дети спартиатов⁵³, дети из семей, умаленных в спартиатских правах, подвергшихся атимии (возможно, так называемые гипомейоны); дети илотов. По существу, единственным прямым свидетельством, позволяющим говорить о том, что илоты имели возможность пройти агоге, является определение, которое дает Гесихий слову «мофаки»: «мальчики рабы (δοῦλοι), воспитываемые вместе с сыновьями» (s. v. μόθακες)⁵⁴. Согласно гипотезе Мак-Дауэлла человек, прошедший агоге в качестве мофака, становился неодамодом.

При всей своей привлекательности данная гипотеза оставляет нерешенными многие вопросы, в частности такой: каков был эко-

номический статус неодамонов и каким образом они осуществляли свое вооружение. Но здесь важно отметить, что статус мофака или неодамода был одним из возможных путей приобретения илотом свободы.

Замечено, что практика привлечения илотов и неодамонов в качестве гошпитов в дальних походах с течением времени заменяется использованием в этом качестве только неодамонов. Для объяснения данного явления Л. Г. Печатнова выдвигает предположение, что постепенно возобладала практика освобождения илотов и перевода их в класс неодамонов *до*, а не *после* военного похода⁵⁵. На наш взгляд, однако, более вероятной представляется иная возможность: к началу IV в. неодамоды уже являлись достаточно многочисленным сословием, а дальнейшее массовое привлечение илотов к заграничным кампаниям могло отрицательно сказываться на многих спартиатских хозяйствах.

5.3. Экономические функции и статус

Заняты илоты были, главным образом, в земледелии, причем основу их хозяйственной деятельности составляло производство зерновых. Это не означает, однако, что они не исполняли никаких других хозяйственных функций. Часть илотов, очевидно, занималась скотоводством (Геродот, VI.68–69; ср.: Платон, *Алкивиад* I 122e; Еврипид, фр. 452 Nauck = Страбон, VIII.5.6; Плутарх, *Агис* 9)⁵⁶. Илоты, жившие на побережье, занимались морскими промыслами (ср.: Фукидид, IV.26.5–8). Определенное количество илотов и илотов были задействованы в обслуживании домашнего хозяйства своих господ в Спарте и, вероятно, в усадьбах (Геродот, VI.63.2; 70.2; Критий, фр. 37; Дурид, FgrHist 76 F 69; Полибий, V.35.5; Плутарх, *Агесилай* 36.10; *Алкивиад* 23.7; и др.)⁵⁷.

Одним из критериев, на основании которых Спарту зачисляют в разряд слаборазвитых государств Античности, служит характер эксплуатации илотов, которую определяют часто как «архаическую форму зависимости» по сравнению с классическим рабством. Так, И. М. Дьяконов сближает илотию с патриархальным рабст-

вом⁵⁸. Этот взгляд прослеживается в очень многих работах. Например, в диссертации Л. С. Давыдовой «Эллинистическая Спарта» освобождение за выкуп части илотов Клеоменом III интерпретируется как свидетельство того, что «Спарта активно включается в процесс изживания архаических форм зависимости»⁵⁹. Хидемичи Ота (японский историк, близкий по своим теоретическим взглядам марксизму) определяет илотов как основной тип зависимых крестьян, характерный для некоего «древнеклассического способа производства» (в русском переводе именно так). Рабовладельческое общество, согласно Хидемичи Ота, возникает лишь при наивысшем расцвете этого способа производства (Афины, Рим), когда указанный тип зависимости уступает место другому, более развитому типу – классическому рабству⁶⁰.

Но подобные трактовки помимо того, что они примитивизируют и институт илотики, и само лаконское общество, не учитывают особенностей развития различных экономических регионов. Дело в том, что в полеводстве (а именно оно было хозяйственной основой спартиатского клера) использование рабского труда и других форм непосредственного принуждения оказывается малоэффективным, поскольку специфика полевых сельскохозяйственных работ объективно не дает возможности организации контроля за качеством их выполнения. Наиболее рациональным в полеводстве оказывается другой метод – предоставление производителю определенной хозяйственной самостоятельности и фиксация доли изымаемого продукта, что создает у земледельца заинтересованность в результатах своего труда и тем самым снимает в значительной степени проблему контроля⁶¹. Отсутствие на спартиатских клерах рабов в юридическом смысле этого слова еще не означает крайней отсталости спартиатской экономики.

Положение илотов в системе отношений собственности определялось тем, что они работали на спартиатских клерах и обладали относительной хозяйственной самостоятельностью. Изымаемая доля производимого ими продукта четко фиксировалась (Мирон, FgrHist 106 F 2: спартиаты, передав илотам землю, «установили долю, которую им будут приносить всегда»; ср.: Эфор, FgrHist 70 F 117).

На фиксированный характер апофоры указывает уже Тиртей – «половину всего урожая, сколько приносит земля» (фр. 5.3 Gentili, Prato). На этом Тиртеевом стихе строят свои сообщения Павсаний (IV.14.4) и Элиан (*Пестрые рассказы* VI.1). Однако это существенно отличается от той системы, которая известна нам для классического периода. Плутарх определяет ее в точных цифрах: клер должен приносить спартиатской семье 82 медимна ячменя и соразмерное количество жидких продуктов (*Ликург* 8.7; ср.: 24.2). Оставшийся продукт присваивался производителем и потреблялся внутри хозяйства для воспроизводства рабочей силы и средств производства⁶². В «Установлениях лакедемонян» Плутарха имеется чрезвычайно интересное свидетельство: «Илоты же им возделывали землю, [уплачивая] апофору, изначально установленную. Подвергалось же проклятию, если кто-нибудь сдавал в аренду на больших условиях (ἐπάρατον δ' ἢν πλείονός τινα μισθῶσαι), во-первых, чтобы те, имея прибыль, радостно служили, во-вторых, чтобы эти не домогались большего» (Плутарх, *Моралии* 239e – d).

Для понимания экономического статуса илотов огромное значение имеет их правоспособность на обладание имуществом⁶³. Помимо приведенного выше текста об определенных гарантиях присвоения илотами части произведенного продукта есть и другие данные, подтверждающие это. Полис определял, где илотам жить и работать, так что отдельный спартиат юридически не имел возможности изменить эти условия, поскольку ему было запрещено продавать илотов. В этом условии, вероятно, заключена гарантия возможности для илота заниматься земледелием, самостоятельно ведя хозяйство (см.: Страбон, VIII.5.4).

Илоты обладали собственным домом. Об этом свидетельствует рассказ Диодора об убийстве 2 000 освобожденных илотов, произошедшем «у каждого на дому» (XII.67).

Относительная хозяйственная самостоятельность создавала для отдельных илотских хозяйств условия для накопления. Это, очевидно, подготовило материальную возможность для возникновения в начале Пелопоннесской войны сословия освобожденных илотов, использовавшихся в войске в качестве гоплитов. Действи-

тельно, они должны были приобретать паноплию за свой счет. Условием этого было наличие массы крепких илотских относительно самостоятельных хозяйств⁶⁴.

В современной литературе отношение илотов к земле иногда рассматривается как *производное владение* (нем. *Untereigentum*)⁶⁵ или как *пекулий*. Д. Лотце, используя последнее понятие, все же справедливо замечает, что в строгом юридическом смысле данный термин нельзя употреблять для характеристики отношений собственности, существовавших между спартиатами и илотами⁶⁶.

Илоты, вероятно, являлись субъектами торгового права. Во всяком случае, лакедемонские власти могли вступать с ними в разного рода имущественные сделки (Фукидид, IV.26.5; 7). Для времени Клеомена III (20-е гг. III в.) Плутарх фиксирует обладание относительно значительными денежными суммами для 6 000 илотов, которые оказались способными заплатить за свое освобождение по 5 аттических мин (Плутарх, *Клеомен* 23.1)⁶⁷.

Интересным в этом смысле представляется и рассказ Геродота о том, как илоты, которым было поручено собирать после Платейской битвы добычу, охотно приобретали эгинскую монету и украдкой ее продавали (IX.80). Очевидно, в Лаконике они вполне могли найти применение этой монете — одной из самых надежных эллинских валют.

Контрольные вопросы

1. В чем заключаются особенности использования термина «илотия» в современных востоковедческих штудиях?
2. Какие иные формы зависимости, близкие спартанской илотии, вы можете назвать?
3. Какие существуют варианты решения вопроса о происхождении термина *Ἴλωτες*?
4. Проанализируйте особенности словоупотребления у древних авторов при описании ими положения спартанских илотов.
5. Охарактеризуйте основные элементы правового статуса спартанских илотов.

6. Что такое криптии? В чем состоял социальный, политический и религиозный смысл данного института?

7. В чем заключались военные функции спартанских илотов? Назовите известные случаи крупных мобилизаций илотов.

8. Какие существовали у илотов возможности официального изменения своего статуса? Какие новые статусы они могли получить?

9. Назовите экономические функции илотов.

10. Какие существуют источники для исследования вопроса об апофоре и вопроса о собственности у илотов и какие варианты решения этого вопроса предлагаются в историографии?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема типологии спартанского полиса, места Лакедемона среди других государств Античности не может быть раскрыта полностью и адекватно без всестороннего рассмотрения – кроме всего прочего – тех условий, в которых развивалась экономика этого общества. В древности природные условия накладывали особенно заметную печать на различные виды деятельности людей. Природа южного Пелопоннеса оказалась благосклонной к его обитателям, предоставляя все (или почти все) необходимое для нормального функционирования общества. Достаточно большие по территории Лаконика и Мессения являлись одними из наиболее плодородных областей Эллады. Почвы здесь одинаково пригодны для ячменя и пшеницы, оливковых деревьев, садовых культур и виноградников. При этом именно пашенное земледелие было в Античности доминирующей отраслью сельскохозяйственного производства. Горный рельеф способствовал разведению мелкого рогатого скота, а в Мессении и частично в Лаконике существовала возможность и для выращивания крупного рогатого скота. Не была обделена Лаконика и минеральными ресурсами, в том числе достаточно качественными железными и медными рудами, хорошим строительным и отделочным материалом: известняком, мрамором, отдельные сорта которого не уступали по своим характеристикам пентеликонскому. В древности Тайгет был покрыт редкими для Греции еловыми и пихтовыми лесами. Щедрым было и море у южных берегов Пелопоннеса, богатое не только рыбой, но и некоторыми минеральными продуктами. В условиях, когда тенденция к автаркичной замкнутости полиса не исчерпала еще своего экономического смысла, такие благоприятные возможности делали излишними активные внешнеторговые отношения и широкое развитие отраслей экономики, ориентировавшихся на внешний рынок. Но это не означает, что спартанское ремесло и торговля пребывали в состоянии

полной стагнации. Наши источники дают основание говорить о существовании в рассматриваемый период сложившейся и достаточно развитой лаконской ремесленной школы. Хотя для спартанской экономики не существовало острой необходимости в развитии внешней торговли, анализ источников показывает, что товарно-денежные отношения в Спарте носили отнюдь не эпизодический характер и не были крайне неразвиты, но представляли собой вполне стабильную систему регионального обмена. Все вышесказанное заставляет самым существенным образом смягчить известный тезис, зачисляющий Спарту в разряд экономически отсталых государств Античности. Спарта, так же, как и Афины, была в рассматриваемый период лидером своего региона не только в политическом, но и в экономическом отношении.

Причины многих характерных черт социальной организации Лакедемона необходимо искать также и в исторических условиях, в которых происходило формирование этой структуры. Основопологающими историческими факторами для ранней Спарты являлись: процесс доризации Лаконики, приведший к первичному противопоставлению пришельцев и подчиненного силой оружия местного населения, что положило начало формированию института илоти; областная интеграция под эгидой Спарты, протекавшая несколько особым способом (в частности, без синойкизма) и не повлекшая абсолютной политической интеграции перизкских общин; перманентная территориальная экспансия Лакедемона, ставшая ближайшим аналогом общегреческому колонизационному процессу и окончательно оформившая социальную структуру полиса, усилив многие ее черты, наметившиеся раньше.

В попытках определить сущность социальных отношений в Лакедемоне архаического и классического периодов, определить основные структурные элементы лакедемонского социума мы не склонны преувеличивать типологическую исключительность спартанского общества, подчеркивать наличие каких-то особенных черт, выводящих этот полис из круга «нормальных» греческих обществ. Напротив, при определении сути лакедемонских сословий весьма перспективным может оказаться метод аналогий.

Раскрывая причину корпоративной выделенности, политико-правовой исключительности сословия спартиатов, можно обратиться к аналогии из общеэллинской колонизационной практики. Один из ярких примеров такого рода – сословие гаморов в Сиракузах, которые являлись гражданами по преимуществу по сравнению с эпойками (присоединившимися колонистами) и их потомками. Наделение эпойков участками из неосновного земельного фонда (землей худшего качества, в отдаленных районах и т. п.) и в силу этого политическая неравноправность данной социальной категории – обычное явление эллинской колонизационной практики. Очень похоже обстоит дело с перизкским и спартиатским землеванием. Земли перизков (*περιουχίδες* – «окрестные земли») уступали по качеству землям, относившимся к самому городу Спарте. Последние, очевидно, представляли собой основной фонд спартанского полиса.

Что касается системы суровых предписаний, регламентировавших общественную жизнь спартиата и его быт, создававших военно-эгалитарную направленность спартиатской системы ценностей, то ее следует относить к такому феномену античной цивилизации, как аскеза представителей высшего социального слоя. В качестве аналогичного примера можно назвать комплекс норм в образе жизни сенаторского и всаднического сословий в Риме.

При описании сословия перизков помимо указанных выше примеров из общегреческой колонизационной практики можно использовать и другие аналогии. Было бы интересно провести сравнительный анализ административно-правового статуса перизкских городов и сельских аттических демов. Вероятно, основными отличиями между ними были более унитарный характер Аттики и более высокая степень развития муниципального начала у лакедемонских перизков. Следует добавить, что перизкские города были, видимо, наследниками такого типа местных коллективов, административно-территориальных ячеек, как *da-mo*, известных из табличек линейного письма В из Пилоса.

Определенную аналогию можно провести между перизками и гражданами римских муниципиев (*municipium civium Romanorum*), но лишь в некоторых ограниченных аспектах, а именно в аспекте

военных функций и военного статуса, а также в аспекте самоуправления, которое строилось по образу центральных государственных органов (апеллы, эфоры, герусии в перизкских полисах; комиции, магистраты, сенаты в муниципиях). Но в целом политико-правовая форма в этих двух случаях различалась. Спартиатское гражданство – гражданство по преимуществу – было гораздо более корпоративным и элитарным, чем гражданство римское.

Не самой удачной аналогией, на наш взгляд, является часто используемое сравнение положения перизков и союзников. Источники не дают оснований говорить о Лакедемонии как о симмахии или симполитии. Жители некоторых областей Лаконики (Скиритиды, Кариатиды) по своему статусу, действительно, напоминали младших подчиненных союзников, и даже иногда их так называют древние авторы, но последние при этом проводят различие между ними и лакедемонскими перизками.

В отношении илотов античные тексты представляют нам целый ряд аналогичных примеров: фессалийские пенесты, критские клароты и мноиты, гераклеийские мариандины, аргосские гимне-ты, сикионские коринефоры, сицилийские киллирии – все те, кого Полидевк называет находящимися «между свободными и рабами» (Полидевк, 3.38).

Однако описать понятие по аналогии еще не значит определить его. Для определения той или иной социальной категории необходимо охарактеризовать место, занимаемое данной группой в данной общественной структуре. В этом аспекте по отношению к условиям спартиатов и перизков представляется наиболее существенным вопрос о соотношении спартиатского и лакедемонского гражданства.

Аристотель пишет: «О том, кто имеет участие в законодательной или судебной власти, мы можем утверждать, что он и является гражданином данного государства» (*Политика* III.1.8; пер. Жебелёва и Доватура). Но это определение, указывая признаки гражданства, по существу не раскрывает его. Кроме того, оно не учитывает того лежащего, казалось бы, на поверхности факта, что Античность не знала равного гражданства. Здесь в методологическом отношении важно замечание С. Л. Утченко, который писал: «Справедли-

вость требует отметить, что понятия “гражданин”, “демократия”, “республика” в той интерпретации, которой придает им наша современность, есть результат определенной эволюции и даже определенной “модернизации”... Парадокс полиса состоит в том, что античный полис как таковой не знал ни полного гражданского равенства, ни подлинной демократии»¹. В обобщенном смысле под гражданством в полисе понимается правовая принадлежность лица к гражданскому коллективу, проявляющаяся как двусторонняя связь: гражданин обладает определенной совокупностью прав, которые полис должен защищать, на гражданина наложена определенная совокупность обязанностей, которые он должен выполнять, что выражается в постоянном распространении на гражданина суверенной власти полиса. Экономически гражданство в полисе опосредовано участием лица в общинной собственности на землю². Отсюда участие в использовании земельного фонда полиса является основным правом гражданина этого полиса. Но поскольку это участие не было равным для разных гражданских слоев, постольку гражданство в полисе не могло носить единый и равноправный характер. Основной обязанностью гражданина полиса являлась защита земельной собственности лично и с помощью своего собственного оружия в составе гражданского ополчения. Участие в работе органов политической власти также следует рассматривать как одну из функций гражданина полиса, но политически активным прежде всего являлось высшее сословие, которое обладало «досугом», а потому было причастно к высоким гражданским добродетелям и могло за счет своего личного времени и отчасти за счет своих личных средств выполнять функции по управлению обществом. Связано это было с экономическим положением данного сословия.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники, проанализированные с этих методологических позиций, позволяют говорить о том, что спартиатское гражданство нельзя отождествлять с гражданством лакедемонским. Спартиаты были гражданами по преимуществу, высшим сословием полиса. Но они не исчерпывали собой всего гражданского корпуса³. Неравное гражданство, в любом античном обществе имевшее несколько уровней, в Спарте отличалось

тем, что исключительность высшего сословия, так называемой общины равных, доходила здесь до степени корпоративной выделенности (ср.: Плутарх, *Сравнение Ликурга с Нумой* 2). В этом, собственно говоря, и заключалась причина всех бед, постигших Спарту начиная с IV в.

Периэки с точки зрения правового статуса оказываются гражданским сословием, ограниченным в политических правах. Они являлись обладателями лакедемонского гражданства. В источниках повсеместно наблюдается объединение периэков и спартиатов под одним именем «лакедемоняне». В этом смысле весьма интересен тот факт, что на щитах в спартанском войске была нарисована не сигма, а лямбда (Фотий, *Лексикон* s. v. $\Lambda\mu\beta\delta\alpha$; Евстафий, *Комментарии к Илиаде* 293.39; Евполид, фр. 359 Коск; Феопомп Комик, фр. 91 Коск; впрочем, само появление этой маркировки относится, возможно, к довольно позднему времени). Периэки обладали, вероятно, достаточно четким политико-правовым статусом. Во всяком случае, античные авторы отличают их от скиритов, карийцев и, возможно, свободного населения некоторых других окраинных районов Лаконики, жившего по деревням, местечкам и т. п. и находившегося на положении младшего союзника. Согласно древним авторам периэки жили в «полисах», и в этом, на наш взгляд, следует видеть указание на некоторое муниципальное качество сословия периэков.

Лакедемонское, или, иначе, лаконское гражданство не исчерпывалось только спартиатами и периэками. Об этом, в частности, говорит и указание Элиана на получение мофаками, прошедшими агоге, лаконского гражданства — πολίταις Λακωνική (*Пестрые рассказы* XII.43), и само название такого социального слоя, как неодамоды, и ряд других свидетельств.

В отношении сословия илотов следует принять основные выводы Д. Лотце, однако с одной существенной оговоркой: он считает возможным характеризовать илотию и сходные с ней формы зависимости как вариант «коллективного рабства»⁴. Конечно, не вызывает сомнений, что илоты являлись несвободным населением. Несомненно и то, что их зависимость носила коллективный харак-

тер. Однако необходимо четко понимать, что слова «раб», «рабство» применительно к илотам можно употреблять лишь в самом общем, не терминологическом смысле. Илоты не были рабами в юридическом, техническом значении этого слова, то есть не являлись объектами чей-то собственности. И связано это, вероятно, с характером их хозяйственных функций. Дело в том, что индивидуализация труда являлась наиболее рациональной формой организации производства в полеводстве.

Итак, мы рассмотрели основные структурные элементы социальной организации Лакедемона архаического и классического периодов – сословия спартиатов, перизков и илотов. Сведенный таким образом и рассмотренный под таким углом зрения (в аспекте основных общественных функций, а также правового, военного и экономического статуса) материал, несомненно, представляет большой интерес для исследования проблем социальной стратификации древнего общества, а также типологии греческого полиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

¹ Здесь и далее все даты – до Р. Х., за исключением особо оговоренных.

² См.: *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 213–252.

К главе 1

¹ Ограничимся наиболее характерными примерами из отечественной историографии: *Бергер А. К.* Социальные движения в древней Спарте. М., 1963. С. 15; *Каллистов Д. П.* Спарта // СИЭ. 1971. Т. 13. Стб. 734; *Андреев Ю. В.* Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. [Кн. 2-я] : Расцвет древних обществ / под ред. И. М. Дьяконова. М., 1989. С. 91–92. Впрочем, Ю. В. Андреев в другом месте «отсталость» Спарты принимает с некоторыми оговорками (см.: *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 216).

² См.: *Андреев Ю. В.* К проблеме «Ликургова законодательства» // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 41 слл.; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. Manchester, 1952. P. 305 ff.; *Huxley G. L.* Early Sparta. London, 1962. P. 73; *Forrest W. G. A.* History of Sparta. 950 – 192 BC. London, 1968. P. 57.

³ См.: *Chrimes K. M. T.* Op. cit. P. 307; *Oliva P.* Sparta and her social problems. Prague, 1971. P. 131.

⁴ Ср.: *Шилюк Н. Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск, 1982. С. 42 сл.

⁵ Ср.: *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1976. С. 4.

⁶ Основополагающей работой по физической и исторической географии античной Спарты остается статья: *Bölte F.* Sparta (Geographie) // RE. 1929. Sp. 1265–1373; ее дополняют главы 2-я и 3-я в книге: *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. London, 1979.

⁷ Если данные, содержащиеся у ранних спартанских лириков, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полемона Перизгета, Плутарха, сравнить с данными, полученными в ходе экспедиций Н. И. Вавилова по выявлению

мировых очагов важнейших культурных растений, то окажется, что наши авторы фиксируют для Южного Пелопоннеса более трети зерновых культур, эндемических для Средиземноморского очага. См.: *Вавилов Н. И.* Происхождение и география культурных растений. Л., 1987. С. 121.

⁸ См.: *Морару С. А.* Из истории возделывания полевых культур в древней Греции // Труды Кишиневского сельскохозяйственного института. 1970. Т. 71. С. 135. Ср.: *Колобова К. М., Глускина Л. М.* Очерки истории древней Греции. Л., 1958. С. 8.

⁹ См.: *Chadwick J.* Linear B and related scripts. Berkeley ; L. Angeles, 1987. Ср.: *Казанскене В. П., Казанский Н. Н.* Предметно-понятийный словарь греческого языка (крито-микенский период). Л., 1986. С. 69, 82, 83, 104. См. также: *Молчанов А. А., Герозник В. П., Шарыпкин С. Я.* Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988. С. 46.

¹⁰ Ср.: *Морару С. А.* Указ. соч. С. 137.

¹¹ О сосудах с вином, найденных при раскопках в Менелайоне и предназначенных для экспорта, см.: *Kiechle F.* Laconien und Sparta. München, 1963. S. 9.

¹² См.: *Хвостов М. М.* Хозяйственный переворот в древней Спарте. Казань, 1901. С. 19. Впрочем, не вызывает сомнения большое значение, которое имел шерстяной промысел для Спарты во все времена – здесь всегда оставался в употреблении дорийский хитон, изготовлявшийся из шерсти, а не из льна, как ионийский (ср.: Геродот, V.87; Фукидид, I.6.3–4); см. также: *Кругликова И. Т.* Античная археология. М., 1984. С. 51–52. Ср. примеч. 18 к этой главе.

¹³ См.: *Голубцова Н. И.* К вопросу о внутреннем положении Спарты в начале IV в. до н. э. // Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. 1958. Т. 12. С. 250.

¹⁴ Лаконский способ черепичного покрытия проиллюстрирован в книге: *Кругликова И. Т.* Античная археология. М., 1984. Рис. 37.3 и 8. О лаконской черепице в Аркадии см.: *Маринович Л. П.* Новые исследования в Пелопоннесе // ВДИ. 1969. № 4. С. 219; *Winter N. A.* Defining Regional Styles in Archaic Greek Architectural Terracotta // *Hesperia*. 1990. Vol. 59. P. 13–18. Figs 1, 2. Plate Ia; *Stibbe C. M.* Das andere Sparta. Mainz am Rhein, 1996. S. 123–127.

¹⁵ См.: *Андреев Ю. В.* К проблеме «Ликургова законодательства». С. 43 слл.

¹⁶ См.: *Healy J. F.* Mining and Metallurgy in the Greek and Roman World. London, 1978. P. 57 f.; Минеральные месторождения Европы / В. Э. Петрашек [и др.]. Т. 2 : Юго-Восточная Европа. М., 1984. С. 319–344; *Трейс-*

тер М. Ю. Роль металлов в эпоху великой греческой колонизации // ВДИ. 1988. № 1. С. 18.

¹⁷ О дорогах, связывавших Спарту с рудными районами, см.: *Christien J.* Le territoire Laconien – les jonctions de Sparte et de la perioikis malgre l’encadrement montagneux // Congrès International des Sciences Historiques. Rapports. Stuttgart, 1985. Vol. 1. P. 319–322.

¹⁸ См.: *Хвостов М. М.* Указ. соч. С. 191 сл. (со ссылкой на Г. Блюмнера). Очень кратко совокупность свидетельств состоит в следующем: 1) в Лаконике существовали железные рудники; лаконские железные изделия пользовались известностью в Греции; 2) здесь существовало развитое горшечное производство; 3) особенно развито было изготовление обуви и 4) шерстяных изделий; 5) имелось кожевенное производство (например, лаконская кожа упоминается в эдикте Диоклетиана о ценах).

¹⁹ См.: *Печатнова Л. Г.* Спарта и Персия в конце V в. до н. э. // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 86.

²⁰ См.: *Palmer L. P.* Military Arrangements for the Defence of Pylos // *Minos*. 1956. Vol. 4, № 2. P. 120–145; *Казанскене В. П., Казанский Н. Н.* Указ. соч. С. 125–126.

²¹ Об идентификации городов, упомянутых в «Каталоге», см.: *Simpson P. M. H., Lazenby J. F.* The Catalogue of Ships in Homer’s Iliad. Oxford, 1970.

²² *Андреев Ю. В.* К проблеме «Ликургова законодательства». С. 51.

²³ См.: *Шилук Н. Ф.* Указ. соч. С. 45.

²⁴ Эта свобода от внешних связей, основанная прежде всего на обеспеченности своим хлебом, самими древними воспринималась как несомненное преимущество лакедемонского полиса. Так, согласно Фукидиду дельфийский оракул дал такой угрожающий ответ лакедемонянам по поводу изгнания басилея Плистоанакта: «Лакедемоняне должны вернуть с чужбины потомка полубога Зевесова сына. Иначе им придется пахать землю серебряным лемехом» (5.16.2; пер. Г. А. Стратановского). Другими словами, лакедемонянам придется покупать хлеб из-за рубежа.

²⁵ Об исследовании лаконской дорожной сети, имевшей двойную структуру (политическую – для переброски войск; экономическую – для обозов; последняя связывала Спарту с хозяйственными районами), см.: *Christien J.* Op. cit. P. 319–321; см. также: *Sanders G. D. R., Whitbread I. K.* Central Places and Major Roads in the Peloponnese // *ABSA*. 1990. Vol. 85. P. 348.

²⁶ Отметим попутно, что железная монета – не исключительно спартанская особенность. Такая монета была распространена в некоторых

городах Пелопоннеса еще в IV в. до н. э. Ср.: *Колобова К. М., Глускина Л. М.* Указ. соч. С. 99. В целом о спартанских железных деньгах см.: *Фигейра Т. Дж.* Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии / пер. с англ. А. В. Зайкова // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 5–28.

К главе 2

¹ Разбор античного предания о дорийском переселении и, в частности, вопроса об античной хронологии возвращения Гераклидов см. в работах: *Busolt G.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Gotha, 1893. Bd 1. S. 261; *Casson S.* The Dorian invasion reviewed in the light of some new evidence // *The Antiquaries Journal*. 1921. Vol. 1. P. 199–221; *Heurley W. A.* A prehistoric site in Western Macedonia and the Dorian invasion // *ABSA*. 1926/1927. Vol. 28. P. 158; *Hammond N. G. L.* Prehistoric Epirus and the Dorian Invasion // *ABSA*. 1931/1932. Vol. 32. P. 151; *Skeat T. C.* The Dorians in Archaeology. London, 1934 (рецензию *Р. В. Шмидта* на эту монографию см.: ВДИ. 1937. № 1. С. 157–162); *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München ; Berlin, 1963. S. 37. Anm. 3; *Oliva P.* Sparta a její sociální problémy. Praha, 1971. S. 15–22; *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 BC. London ; Boston ; Henley, 1979. P. 47–101; *Desborough V., Hammond N. G. L.* The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age // *САН*⁽³⁾. 1975. Vol. 2, pt. 2. P. 658–712; *Osborn R.* Greece in the Making, 1200–479. London ; New York, 1996. P. 33–37; *Christien J., Ruzé F.* Sparte. Géographie, mythes et histoire. Paris, 2007. P. 9–21.

² См.: *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Strassburg, 1913. Bd 1, H. 2. S. 76–96.

³ См.: *Desborough V.* The Last Mycenaeans and their Successors: an Archaeological Survey, c. 1200 – c. 1000 BC. Oxford, 1964. P. 230–235; ср.: *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Т. 1 : Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 103. О соотношении археологических периодов с абсолютной хронологией см.: *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969. S. 20–21. Ср.: *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1966. С. 19–21.

⁴ Важнейшими работами по этой теме остаются: *Bouzek J.* Homerisches Griechenland im Lichte der archäologischen Quellen. Praha, 1969. S. 97, 103–105; *Desborough V.* The Last Mycenaeans ... P. 37–38, 231, 258–259; *Milojčić V.*

Die dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Funde // Archäologischer Anzeiger. 1948/1949. Bd 63/64. S. 14. В отечественной литературе проблема рассмотрена в работе: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 15 сл.

⁵ См.: Furtwängler A.: 1) Die Bronzen // Olympia IV. Berlin, 1890; 2) Die Bronzefunde aus Olympia und deren Kunstgeschichtliche Bedeutung // Furtwängler A. Kleine Schriften. München, 1912. Bd 1. S. 420.

⁶ См.: Hammond N. G. L. Prehistoric Epirus ... P. 165.

⁷ См.: Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. Berlin, 1939. Bd 1; 1945. Bd 4. Впрочем, представление о связи геометрического стиля с дорийцами сохраняется и в некоторых более поздних работах; см., например: Chrimes E. M. T. Ancient Sparta. 2^d ed. Manchester, 1952. P. 279.

⁸ См.: Bouzek J. Op. cit. S. 103.

⁹ См.: Ibid; Hammond N. G. L. Prehistoric Epirus ... P. 169–170. См. также: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 15–16; Полякова Г. Ф. Указ. соч. С. 103.

¹⁰ См.: Bouzek J. Op. cit. S. 51.

¹¹ См.: Desborough V. The Last Mycenaeans ... P. 250–257.

¹² См.: Ibid. P. 251.

¹³ Почти неразрешимым представляется вопрос о маршрутах дорийцев. См.: Huxley G. L. Early Sparta. London, 1962. P. 16; Bengtson H. Op. cit. S. 21; Oliva P. Op. cit. P. 17–18.

¹⁴ Постепенность продвижения дорийцев доказывает и знаменитый миф о Гераклидах (Павсаний, VII.5.6). Ср.: Kiechle P. Op. cit. S. 37. Анн. 3.

¹⁵ Ср.: Андреев Ю. В. Архаическая Греция // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 219; Полякова Г. Ф. Указ. соч. С. 102; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 57; Starr Ch. G. History of the Ancient World. 3^d ed. New York ; Oxford, 1983. P. 110; Cartledge P. Op. cit. P. 75–85.

¹⁶ Ср.: Starr Ch. G. The Credibility of Early Spartan History // Historia. 1965. Bd 16. P. 257–272.

¹⁷ Здесь наряду с тремя дорийскими существовали и другие филы. Ср.: Buck R. The Mycenaean Time of Troubles // Historia. 1969. Bd 18. P. 297.

¹⁸ См.: Chrimes K. M. T. Op. cit. P. 280; Kiechle F. Op. cit. S. 106; Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 201.

¹⁹ См.: Фролов Э. Д. Указ. соч. С. 59. Проблема этнического взаимодействия в Лаконике XI–VIII вв. до н. э. в научной литературе обсуждается главным образом как проблема этнического происхождения царских родов. Обзор исследований см. в книге: Oliva P. Op. cit. S. 25–28.

²⁰ Ср.: Wade-Gery H. T. The Dorians // CAH. 1931. Vol. 2. P. 535; Kiechle F. Op. cit. S. 82–92.

²¹ См.: *Desborough V.* The Last Mycenaeans ... P. 80–81; *Андреев Ю. В.*: 1) Раннегреческий полис. С. 18; 2) Архаическая Греция. С. 250.

²² Ср.: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. С. 127, примеч. 56; *Roebuck C. A.* The World of Ancient Times. New York, 1966. P. 198.

²³ К вопросу об ахейском происхождении илотов (в отличие от перизков) см.: *Ehrenberg V.* Spartiaten und Lakedaimonier // *Hermes.* 1924. Bd 59. S. 49–57. Проблема происхождения илотов в целом и вопрос об ахейских элементах в лаконском диалекте в частности рассматривается в книге: *Lotze D.* Metaxy eleutheron kai doulon. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahr. v. Chr. Berlin, 1959. S. 26, 69–78.

²⁴ Степень и характер первоначального подчинения определить чрезвычайно трудно. Возможно, подчинение это носило уже тогда не просто правовой и даннический характер, но и собственно экономический. Ср.: *Lotze D.* Op. cit. S. 69–78; *Cartledge P.* Op. cit. P. 94–97 (подборка источников: р. 348–350); *Андреев Ю. В.*: 1) Архаическая Греция. С. 250; 2) Спарта как тип полиса. С. 201.

²⁵ Ср.: *Hammond N. G. L.* Op. cit. P. 176; *Kiechle F.* Op. cit. S. 55.

²⁶ См.: *Hammond N. G. L.* The Lyscurgean Reform at Sparta // *JHS.* 1950. Vol. 70. P. 63–64.

²⁷ См.: *Starr Ch. G.* The Credibility ... P. 265, not. 24.

²⁸ См.: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. С. 127, примеч. 56.

²⁹ См.: *Alroth B.* Greek Gods and Figurines. Aspects of the Anthropomorphic Dedications. Uppsala, 1989. P. 27.

³⁰ См.: *Buschor F., Massow W. von.* Vom Amyklaion // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.* 1927. Bd 52. S. 38–43; *Alroth B.* Op. cit. P. 27–28.

³¹ См.: *Alroth B.* Op. cit. P. 31.

³² Принадлежность Амикл ахейцам подтверждает и Страбон (VIII.5.4). Впрочем, микенский характер археологической культуры в Амиклах четко зафиксирован только до конца ПЭ III С периода. См.: *Mylonas G.* Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966. P. 229; *Desborough V.* The Last Mycenaeans ... P. 251.

³³ См.: *Busolt G.* Griechische Geschichte. Gotha, 1893. Bd 1. S. 520; *Oliva P.* Op. cit. P. 28; *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. С. 127, примеч. 58.

³⁴ Ср.: *Bengtson H.* Op. cit. S. 113.

³⁵ Ср.: *Oliva P.* Op. cit. P. 95–96 (подробное изложение историографии вопроса о хронологии «Большой ретры» см. в этой же книге: р. 75–76).

³⁶ С точки зрения многих исследователей территориальное деление по «Большой ретре» затрагивает лишь район Спарты (в отличие, например, от территориального деления Аттики). Впрочем, нет никаких серьезных аргументов в пользу такого ограничительного толкования. Ср.: *Oliva P.* Op. cit. P. 77.

³⁷ См.: *Beattie A. J.* An Early Laconian Lex Sacra // CQ. 1951. Vol. 45. P. 46–58. Исследователь выдвигает иную гипотезу: Амиклы лежали на территории этой «обы Аркалов»; позднее эту обу стали называть обой амиклейцев.

³⁸ Обстоятельное источниковедческое (в том числе на основе глосс Гесихия) и историографическое изложение вопроса см.: *Pareti L.* Storia di Sparta Arcaica. Firenze, 1917. Vol. 1. P. 173; *Chrimes K. M. T.* Op. cit. P. 317; *Oliva P.* Op. cit. P. 79–81.

³⁹ Ср.: *Gilbert G.* Studien zur altspartanischen Geschichte. Göttingen, 1872. S. 141. Автор видит в «Большой ретре» свидетельство синойкизма, в результате которого возникло спартанское государство. Мы не находим оснований для такого вывода, ибо невозможно игнорировать основное и главное значение слова «синойкизм».

⁴⁰ См.: LSJ. P. 1851, s. v. *ὑπαρχοῖω*.

⁴¹ Ср.: *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 837. Ср.: LSJ. P. 840, s. v. *ἵσoticia*.

⁴² Ср. с этим свидетельство Павсания о порабощении жителей Эгина во времена царя Архелая и о разрушении Гелоса, вероятно, во время восстания илотов (царь Алкамен) (III.2.5).

⁴³ Обзор источников о Ликурге см. в работе: *Фролов Э. Д.* Указ. соч. С. 128. Ср.: *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. Л., 1965. С. 222, 226, 370 и др. О проблеме хронологии Ликурга см.: *Oliva P.* Op. cit. P. 62, 66–68. Резко отрицательное отношение к любым попыткам датировать Ликурга на основе олимпийского диска содержится в статье: *Starr Ch. G.* The Credibility ... P. 267.

⁴⁴ Многие исследователи со времен Дж. Грота и по сей день очень скептически относятся к традиции, приписывающей передел земли Ликургу. См.: *Grote G.* History of Greece. London, 1846. Vol. 2. P. 520–526; *Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 125; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Stuttgart, 1937. Bd 3. S. 273; *Busolt G.* Op. cit. Bd 1. S. 251, Anm. 51; *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса. С. 203. Даже авторы, принимающие историчность Ликурга, сомневаются в принадлежности этой акции законодателю (см.: *Toepffer J.* Die Gesetzgebung des

Lykurgos // Beiträge zur griechischen Altertumswissenschaft. Berlin, 1897. S. 358). Однако этот скептицизм вынужден игнорировать и другие источники, указывающие на стабильный и очень древний характер спартанского землеустройства (см.: Платон, *Законы* 736с; Исократ, XII.259).

⁴⁵ Ср. также: *Доватур А. И.* Указ. соч. С. 217. Согласно точке зрения У. Карштедта вторая часть этого предложения означает утрату гражданских прав в случае отчуждения земельного надела (см.: *Kahrstedt U.* Op. cit. S. 10–11). См. также: *McDowell D. M.* Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 93–94.

⁴⁶ Ср.: *Oliva P.* Op. cit. P. 33.

⁴⁷ См.: *Neumann K. J.* Die Entstehung des spartanischen Staates in der lykurgischen Verfassung // HZ. 1906. Bd 96. S. 33–34.

⁴⁸ Границу, в пределах которой располагалась спартиатская земельная собственность, обозначает Плутарх (*Агис* 8): от ущелья возле Пеллены к горе Тайгет, Малее и Селласии. Стало быть, перизкские клеры располагались в предгорных, прибрежных и других окраинных районах Лаконики, Кинурии, Фиреатиды, в районах, пограничных с Аркадией, Элидой, Мессенией. Ср.: Гомер, *Одиссея* IV.1; Страбон, VIII.5.1.

⁴⁹ Ср.: *Фролов Э. Д.* Указ. соч. С. 85–86; *Roebuske C.* Op. cit. P. 198.

⁵⁰ Ср.: *Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 9.

⁵¹ См.: *Coldstream J. N.* The Meaning of Regional Styles in the 8th c. B.C. // The Greek Renaissance. Stockholm, 1983. P. 24. Ср. иную точку зрения, в частности относительно Лаконики: *Согомонов А. Ю.* Раннегреческий полис и «героический век»: столкновение двух эпох // ВДИ. 1988. № 1. С. 231–232.

⁵² О неполной политической унификации Лаконики свидетельствует часто встречаемое у наших авторов обозначение перизкских поселений как «полисов» (Геродот, VII.234; Ксенофонт, *Греч. история* VI.5.21 и др.). Эта проблема будет рассмотрена нами в разделе об административно-территориальном статусе перизков. Обсуждение вопроса о неполном поглощении перизкских полисов спартанской политической системой по сравнению с полной интеграцией в Аттике и полной интеграцией Арголиды см.: *Starr Ch. G.* The Credibility ... P. 270.

⁵³ Ранний список спартанских царей реконструируется на основе сообщений Геродота (VI.51, 52; VII.204; VIII.131.2). Проблеме списка посвящена большая исследовательская литература. Из относительно недавних работ см.: *Lazenby J. F.* The Spartan Army. Warminster, 1985. P. 65; *Cartledge P.* Op. cit. P. 341–346; Кембриджская история древнего

мира. Т. 4 : Персия, Греция и западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н. э. / пер. А. В. Зайкова. М., 2011. С. 932, табл. VI.

⁵⁴ Для начального этапа спартанской агрессии территориальные устремления определяются по источникам для двух случаев (Павсаний, III.2.2–3) и предполагаются для трех случаев (Страбон, VIII.5.4; Павсаний, III.7.2 – дважды).

⁵⁵ Обзор спартанской агрессии в Лаконике см.: *Pareti L. Storia di Sparta arcaica. Firenze, 1920. P. 154–230.*

⁵⁶ Вероятно, пролить свет на хронологию завоевания Эгиса может дельфийский оракул (около 750 г. до н. э.): Park and Wormell. Vol. 1. P. 93; Vol. 2, № 539; *Cartledge P. Op. cit. P. 103.*

⁵⁷ Ср.: *Cartledge P. Op. cit. P. 126.*

⁵⁸ Датировка основана на сообщении Геродота, хронологически связывавшего битву при Фиреях и посольство Креза в Спарту, а также на хронике вавилонского царя Набонида. Вероятнее всего, это посольство следует относить к 549/548 г. до н. э. Битву обычно относят к следующему году. См.: Геродот, I.82; Фукидид, V.41.2. Ср.: *Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1937. Bd 3. S. 768–769; Строецкий В. М. Внешняя политика Спарты во 2-й половине VI – начале V в. до н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. С. 10.*

⁵⁹ О начале спора за Фиреатиду см.: Плутарх, *Лаконские изречения* 231e. В целом о ходе борьбы за Кинурию см.: Павсаний, III.2.2, 2.3, 3.5, 7.2, 7.5. Ср.: *Ehrenberg V. Sparta (Geschichte) // RE. 1929. Sp. 1380.*

⁶⁰ Ср. точку зрения Геродота, рассматривающего Фиреатиду как часть Аргolidы (I.82).

⁶¹ См.: Павсаний, II.20.1. Аргосское направление военной активности Спарты также отражено у Павсания: II.36.4–5; III.2.3, 7.2, 7.3. Отрицает историчность сообщений о древнем характере спартано-аргосской вражды Т. Келли: *Kelly Th.: 1) A History of Argos ca. 1100 to 546 BC (DPh). Illinois, 1964 (с общими выводами диссертации можно ознакомиться по реферату, опубликованному в: Dissertation Abstracts. Ann Arbor: University Microfilms International, 1965. Vol. 25, № 2. P. 6555); 2) A History of Argos to 500 BC. Minneapolis, 1976; 3) The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth // American Historical Review. 1970. Vol. 75, № 4. P. 971–1003.*

⁶² Все три царя – Еврипонтиды. Более того, в двух последних случаях Павсаний в качестве субъектов агрессии называет самих царей, возглавлявших войско, а не лакедемонян. Может быть, речь идет о разбой-

ных предприятиях, а не о территориальных претензиях? См. также следующее примечание.

⁶³ См.: *Kelly Th.* The Traditional Enmity between Sparta and Argos. P. 971–1003. Со своей стороны, отметим, что эти ранние конфликты между Аргосом и Спартой как раз и явились одной из сторон процесса областной интеграции под эгидой этих двух дорийских общин. Аргосцам и лакедемонянам еще предстояло провести и закрепить границы, уже Геродотом воспринимавшиеся как изначально данные (ср.: Геродот, I.98).

⁶⁴ См.: *Frödin O., Persson A. W.* Asina: Results of the Swedish Excavations 1929–1930. Stockholm, 1933. P. 437; *Courbin P.* La céramique géométrique de l'Argolid. Paris, 1966. P. 656 (автор относит последнюю найденную здесь керамику к 715–710 гг. до н. э.).

⁶⁵ См.: *Kelly Th.* The Argive Destruction of Asina // *Historia*. 1967. Bd 16. P. 422–431; ср.: *Starr Ch. G.* The Credibility ..., not. 9.

⁶⁶ Ср.: *Полякова Г. Ф.* Указ. соч. С. 124; *Kelly Th.* A History of Argos to 500 BC. P. 63, 65.

⁶⁷ См.: *Kelly Th.* The Traditional Enmity ... P. 976.

⁶⁸ О сражении при Гисиях см. примеч. 62. Особый взгляд на проблему содержится в работе: *Kelly Th.* Did the Argives Defeat the Spartans at Nysiae in 669 B.C.? // *AJP*. 1970. Vol. 91, № 1. P. 31–42.

⁶⁹ Ср.: *Строгецкий В. М.* Возникновение и структура Пелопоннеского союза // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 3–18; *Джефферс Л. Г.* Греция перед персидским вторжением // Кембриджская история древнего мира. Т. 4 : Персия, Греция и западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н. э. С. 420–424. Ср.: *Holladay A. J.* Spartan Austerity // *CQ*. 1977. Vol. 27, № 1. P. 125.

⁷⁰ Точное количество кампаний, в результате которых произошло покорение Мессении, установить трудно. Аристотель в «Политике» говорит о Мессенской войне (V.6.2, р. 1306b40); Страбон рассказывает о частых войнах (VIII.4.10, р. 362), а Диодор сообщает о трех войнах (XV.66). Датировка Мессенских войн представляется весьма сложной проблемой. См.: *Kroymann J.* Sparta und Messenien. Berlin, 1935; *Lenschau Th.* Die Messenischen Kriege // *Philologus*. 1936/1937. Bd 91. S. 289–307; *Klaffenbach G.* Das Jahr der Kapitulation von Ithome und der Ansiedlung der Messenier in Naupaktos // *Historia*. 1950. Bd 1. S. 231–235; *Kiechle F.* Messenische Studien. Kallmünz, 1959; *Brelich A.* Guerri, ageni e culti nella Grecia arcaica. Bonn, 1961. P. 34–39; *Oliva P.* Op. cit. P. 100–112.

⁷¹ См.: *Busolt G.* Griechische Geschichte. Gotha, 1893. Bd 1. S. 229–232, 589; *Kiechle F.* Messenische Studien. S. 131; *Oliva P.* Op. cit. P. 100; *Cartledge P.* Op. cit. P. 113.

⁷² См. предыдущее примечание.

⁷³ Историографию вопроса см.: *Oliva P.* Op. cit. P. 100–119.

⁷⁴ Ср. трактовку различий в положении мессенцев после I Мессенской войны и в положении илотов: *Oliva P.* Op. cit. P. 106 ff.

⁷⁵ Ср.: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 201.

⁷⁶ Ср.: *Андреев Ю. В.* Архаическая Греция. С. 251.

⁷⁷ См. по этому поводу: *Шмидт Р. В.* Спарта, Беотия, Фессалия, Крит // История древней Греции. М., 1936. Ч. 1. С. 211; *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса. С. 201; *Фролов Э. Д.* Указ. соч. С. 144 сл. Неубедительным представляется утверждение, высказанное К. М. Т. Краймсом вслед за Эд. Мейером, которое объясняет непрерывную вражду дорийских государств друг с другом тем, что дорийцы якобы первоначально служили у разных ахейских государств в качестве наемников. См.: *Chrimes K. M. T.* Op. cit. P. 280. Ср.: *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München ; Berlin, 1963. S. 216–217; *Michell H.* Sparta. Cambridge, 1952. P. 206; *Toynbee A. J.* Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 223; *Roebuck C. A.* Op. cit. P. 199.

⁷⁸ См.: *Cartledge P.* Op. cit. Ch. 8. P. 102 ff. Археологический материал ясно показывает, что Спарта, как говорит Ч. Старр, «восторженно реагирует» на все новые веяния, охватившие Грецию в этот период (см.: *Starr Ch. G.* The Credibility ... P. 265, not. 25).

⁷⁹ См.: *Droop J. P.* Droop Cups and the Dating of Laconian Pottery // JHS. 1932. Vol. 52. P. 303–304; *Lane E. A.* Laconian Vase Painting // ABSA. 1933/1934. Vol. 34. P. 99–189; *Pelagatti P.* La ceramica laconica del Museo di Taranto // Annuario. 1955/1956. Vol. 17/18. P. 7–44; *Boardman J.* Artemis Orthia and Chronology // ABSA. 1963. Vol. 58. P. 1–7; *Schaus G.*: 1) The Evidence for Laconians in Cyrenaica in the Archaic Period // Cyrenaica in Antiquity / ed. G. Barker, J. Lloyd, J. Reynolds. Oxford, 1985. P. 595–403; 2) Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cirene, Libya. Final Reports II. The East Greek, Island and Laconian Pottery. Philadelphia, 1985. P. 98–102; *Venit M. S.* Laconian Black Figure in Egypt // AJA. 1985. Vol. 89. P. 391–398.

⁸⁰ Ср. свидетельства о роскоши в Спарте в стихах Алкмана (фр. I Page). Ср. также: *Фролов Э. Д.* Указ. соч. С. 104, 105, 107.

⁸¹ О феномене греческой колонизации см.: *Яйленко В. П.*: 1) Греческая колонизация ... С. 4–60 (здесь дана историография проблемы); 2) Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 62–71, особенно 65–67; *Андреев Ю. В.* Архаическая Греция. С. 229–253; *Фролов Э. Д.* Указ. соч. С. 141–158.

⁸² О завоевании земли: *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Stuttgart, 1937. Bd 3. S. 269; о функциях обороны: *Glotz G.* La cité Greque. Paris, 1928. P. 22. Ср.: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. С. 33.

⁸³ См.: *Courbin P.* Une tombe géométrique d'Argos // BCH. 1957. T. 81. P. 322–386.

⁸⁴ Проблеме «гоплитских реформ» посвящено огромное количество исследований. Укажем лишь некоторые: *Блаватский В. Д.* Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в современной археологии. М., 1965. С. 225–229; *Nilsson N. P.* Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. 1929. Bd 22, H. 2. S. 240–249; *Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with Special Reference to the Poems of Archilochus and Tyrtaeus // ABSA. 1947. Vol. 42. P. 76–138; *Snodgrass A.* The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. Vol. 85. P. 110–122; *Foster P.* Greek Arms and Armour. Newcastle-upon-Tyne, 1978. P. 5; *Krentz P.* The Nature of Hoplite Battle // CA. 1985. Vol. 4, № 1. P. 60–61; *Detienne M.* La phalange: problèmes et controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. Paris, 1985. P. 119–142; *Hoplites. The Classical Greek Battle Experience* / ed. by V. D. Hanson. London ; New York, 1993.

⁸⁵ О военной реорганизации в Спарте см.: *Hammond N. G. L.* The Lycurgean Reform ... P. 50–52; *Michell H.* Op. cit. P. 100, 235–236; *Chrimes K. M. T.* Op. cit. P. 312–319, 361–362, 381–382, 398; *Wade-Gery H. T.* The Spartan Rhetra in Plutarch, Lycurgus VI. C: What is the Rhetra // CQ. 1944. Vol. 38. P. 117–122; *Starr Ch. G.* The Credibility ... P. 270, not. 44; *Roebuck C. A.* Op. cit. P. 199, 201; *Forrest W. G.* A History of Sparta: 950–195 BC. London, 1968. P. 51 ff.; *Toynbee A. J.* Op. cit. P. 258 ff.; *Cartledge P.* Hoplites and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare // JHS. 1977. Vol. 97. P. 27.

⁸⁶ Ср.: *Starr Ch. G.* The Credibility ... P. 266–267.

⁸⁷ Скептическое отношение к преданию о пребывании Терпандра в Спарте высказывает Г. Бузольт (*Busolt G.* Griechische Geschichte. Gotha, 1893. Bd 1. S. 598), но античные источники единодушно признают этот факт. Помимо указанных см.: Паросская хроника, Олимпиада 33; Гелланик у Афиней, XIV, 655d – e; Диодор, VIII.28. См. также: *Доватур А. И.* Указ. соч. С. 218–220; *Зайцев А. И.* Указ. соч. С. 48, примеч. 103; *Chrimes K. M. T.* Op. cit. P. 206, not. 1; *Den Boer W.* Laconian Studies. Amsterdam, 1954. P. 39–40; *Huxley G. L.* Op. cit. P. 49; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. S. 201; *Forrest W. G.*: 1) The Date of Lykurgan Reforms. P. 168 ff.; 2) A History

of Sparta. P. 58; *Starr Ch. G. The Credibility ...* P. 266; *Cartledge P. Sparta and Lakonia*. P. 128.

⁸⁸ Согласно словарю Свида Стесихор родился в 37-ю олимпиаду (632–629 гг.), умер в 56-ю (556–553 гг.). О времени жизни поэта см.: *Казанский Н. Н. Стесихор* // ВДИ. 1985. № 2. С. 218 сл.

⁸⁹ Слова Фукидида о том, что Спарта более всех страдала от внутренних распрей (I.18), ряд исследователей считает возможным понимать так, что происходило это в течение тех 400 лет, когда в Спарте существовали одни и те же законы. Однако мы не находим в тексте достаточных оснований для такого весьма соблазнительного объяснения. Ср.: *Gomme A. W. A Historical Commentary in Thucydides*. Oxford, 1945. Vol. 1. P. 128–131; *Den Boer W.* Op. cit. P. 83–84; *Andrewes A. Eunomia* // CQ. 1938. Vol. 32. P. 93–95; *Starr Ch. G. The Credibility ...* P. 262, not. 20.

⁹⁰ См.: *Busolt G.* Op. cit. Bd 1. S. 609–610, Anm. 1; *Andrewes A. Eunomia ...* P. 100; *Huxley G. L.* Op. cit. P. 55; *Oliva P.* Op. cit. P. 118–119.

⁹¹ См.: *LSJ.* P. 347. Это подтверждает в том числе и расширительное значение (II.2), и метафорическое употребление (II.3) данного слова. Впрочем, не исключено, что спартиаты первоначально сами принимали участие в организации сельскохозяйственного производства на новых участках, наподобие афинских клерухов V в. до н. э. (ср.: Платон, *Евтифрон* 4с). По Исократу (VIII.92) клерухи, как правило, сами обрабатывали свои участки. Но клерухи на Лесбосе сдавали свои наделы в аренду местному населению (Фукидид, III.50.2). Ср.: *Яйленко В. П. Греческая колонизация*. С. 201. Лесбосский вариант, на наш взгляд, гораздо ближе спартиатской практике в Мессении.

⁹² Проблему вхождения в теории и на практике аристократических категорий в демократическую систему на раннем этапе ее развития рассматривают: *Lengauer W. Pojecie romnosci w greckich koncepcjach politycznych: od Homera do kon. V wieku p. n. e.* Warszawa, 1988; *Sinclair R. K. Democracy and participation in Athens*. Cambridge, 1989; *Farrar C. The Origins of Democratic Thinking*. Cambridge, 1988.

⁹³ Мы не склонны солидаризироваться с теми авторами, которые настаивают на демократическом характере спартанских реформ архаического времени (см.: *Зайцев А. И.* Указ. соч. С. 38, 111; *Michell H.* Op. cit. P. 44–46; *Jones A. H. M. Sparta*. Oxford, 1967. P. 170; *Roebuck C. A.* Op. cit. P. 200).

⁹⁴ В Афинах иная интерпретация данной категории аристократической системы ценностей и ее реализация, приложенная к иным задачам, привели к совершенно иным результатам. Ср. примеч. 93.

⁹⁵ См.: Рабинович Е. Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 254–255.

⁹⁶ О спартиатском аскетизме см.: Андреев Ю. В. Архаическая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4; Huxley G. L. Op. cit. P. 73; Starr Ch. G. The Credibility ... P. 266, 271; Roebuck C. A. Op. cit. P. 200–201; Forrest W. G. A History of Sparta. P. 51–53; Toynbee A. J. Op. cit. P. 258 ff.; Finley M. I. Sparta // Finley M. I. The Use and Abuse of History. London, 1975. P. 161, 164; Holladay A. J. Spartan Austerity // CQ. 1977. Vol. 27. P. 125–126; Cartledge P. Sparta and Lakonia. P. 167, 176, 251, 320, 322.

⁹⁷ Краткий историографический обзор развития концепции «переворота VI века» см. в работе: Андреев Ю. В. Архаическая Спарта. С. 73–78.

⁹⁸ Лурье С. Я. О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты // ВДИ. 1939. № 1. С. 100.

К главе 3

¹ Анализ словоупотребления см. в работах: Toynbee A. J. Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 159–160; Westlake H. D. Thucydides on Pausanias and Themistocles – A Written Source? // CQ. 1977. Vol. 27. P. 95–110.

² О спартанском народном собрании см.: Ehrenberg V.: 1) Der Damos in archaischen Sparta // Hermes. 1953. Bd 68, H. 5. S. 305; 2) Der Staat der Griechen. Leipzig, 1957. I. Teil. S. 40; Wade-Gary H. Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 46 ff.; Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 89–95; Butler D. Competence of the Demos in the Spartan Rhetra // Historia. 1962. Bd 11. P. 385–396; Clauss M. Sparta. München, 1983. S. 95.

³ Ср.: Clauss M. Op. cit. S. 96.

⁴ Данная точка зрения является общепринятой. См.: Oliva P. Op. cit. P. 86.

⁵ Об исключительном праве спартиатов занимать высшие должности см.: Clauss M. Op. cit. S. 95.

⁶ Сравнение спартанской герусии с афинским Ареопагом см. в работах: Куторга М. С. Афинская полиция. Ее состав, свойства и всемирно-историческое значение // Куторга М. С. Собр. соч. СПб., 1896. Т. 2. С. 385; Коришунков В. А. Афинский Ареопаг. Аристократический совет в демократическом полисе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 7; De Laix R. A. Probouleusis at Athens: A Study of Political Decision Making. Berkeley etc., 1973. P. 8.

⁷ См. комментарий к этому месту в книге: *MacDowell D. Spartan Law*. Edinburg, 1986. P. 50.

⁸ Вопрос о том, можно ли отождествлять гармоста Менандра, известного из надписи IV в. до н. э. из Кифер, с киферодиком, остается открытым (IG 5(1).987). Ср.: *MacDowell D. Op. cit.* P. 30.

⁹ Вряд ли сообщение Исократ означает, что эфоры могли без суда и следствия рубить головы. Это заявление – риторическое преувеличение, объясняемое характером произведения. Однако, с другой стороны, не вызывает сомнения, что судебная власть эфоров была соединена с чрезвычайными следственными функциями. Ср.: *Bonner P. J., Smith G. Administration of Justice in Sparta* // CP. 1942. Vol. 37. P. 113–129; *MacDowell D. Op. cit.* P. 30–31; *Jones A. H. M. Sparta*. Oxford, 1957. P. 8 (этот автор считает, что Исократ путает перизков с илотами).

¹⁰ См.: *Parke H. W. The Evidence for Harmosts in Laconia* // *Hermathema*. 1931. Vol. 46. P. 31–58; *Bockish G. Harmostai* // *Klio*. 1965. Bd 46. S. 131–137.

¹¹ См.: *Cartledge P. Sparta and Lakonia*. London, 1979. P. 179, 274 f.; *MacDowell D. Op. cit.* P. 29.

¹² Два античных источника риторического характера (речь фиванских послов в Афинах в 396 г. до н. э., переданная Ксенофонтом (*Греч. история* I.5.12) и речь Исократ (IV.111) свидетельствуют, казалось бы, о том, что лакедемоняне в качестве гармостов могли назначать и илотов. Однако в обоих случаях, вероятно, допущено сознательное искажение для усиления впечатления. Ср.: *Schömann G. F., Lipsius J. H. Griechische Altertümer*. 4. Aufl. Berlin, 1897. Bd 1. S. 201. Anm. 5; *Печатнова Л. Г., Алексеева И. А. Организация спартанской державы (гармосты и форо)* // *Античное общество и государство*. Л., 1988. С. 97 сл. Авторы отмечают: «Социальная “ущербность” солдат низшего гарнизонного офицерства... состоявших главным образом из неодамодов или наемников... вполне могла вырасти в глазах современников до размеров гораздо больших. Отсюда, скорее всего, и возникли гармосты-илоты».

¹³ Ср.: *Clauss M. Op. cit.* S. 96–98; *Cartledge P. A new lease of life for Lichas son of Arkesilas?* // *Liverpool Classical Monthly*. 1984. Vol. 9. P. 98–102 (о ненадежности идентификации новых эпиграфических данных о Лихе с нашим Лихом).

¹⁴ Ср.: *Андреев Ю. В. Спартанские «всадники»* // *ВДИ*. 1969. № 4. С. 24–36.

¹⁵ Об этом см. ниже в параграфе 3.3.

¹⁶ См.: *Kahrstedt U. Die spartanische Agrarwirtschaft* // *Hermes*. 1919. Bd 54. S. 289.

¹⁷ Ср.: *Lotze D. Metaxy eleutheron kai doulon. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahr. v. Chr.* Berlin, 1959. S. 37; *MacDowell D. Op. cit.* P. 26.

¹⁸ Ср.: *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1967; *Чолач В. В.* Система возрастных групп в Древней Греции (Спарта, Крит, некоторые малоазийские города) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. С. 18.

¹⁹ Интересно, что в одном фрагменте спартанский историк Сосибий противопоставляет мальчиков «из агоге» (то есть проходящих воспитание в городе Спарте) и мальчиков «от хоры» (Сосибий, *FgrHist.* 595 F 4). Ср.: *Nillson M. P. Griechische Feste.* Leipzig, 1906. S. 393; *Ehrenberg V. Spartiaten und Lakedaemonier // Hermes.* 1924. Bd 59. S. 29.

²⁰ Основная литература: *Ehrenberg V. Obai // RE.* 1937. Sp. 1693–1704; *Giarizzo G. La diarchia Spartana // PP.* 1950. Vol. 13. P. 197; *Wade-Gary H. Op. cit.* P. 69–85; *Kiechle F. Lakonien und Sparta.* München, 1963. S. 119–127; *Oliva P. Op. cit.* P. 78–86; *Cartledge P. Sparta and Lakonia.* P. 107; *MacDowell D. Op. cit.* P. 26 f.

²¹ См.: *Wade-Gary H. Op. cit.* P. 70 f.

²² Некоторые из перечисленных надписей из поздней Спарты относятся к обе Неополитов, которой, очевидно, не существовало в более ранние времена, когда территория города делилась на 4 комы: Лимны, Месоя, Питана и Киносуры (в надписях зафиксирована форма «Кинуры») (Павсаний, III.16.9; ср.: Фукидид, I.10.2). Согласно наиболее распространенной точке зрения в число собственно спартанских ком уже в классическую эпоху входила пятая кома – оба Амиклейцев (Павсаний, III.19.6; ср.: Полибий, V.19.2–3). Впервые это предположение высказано в работе: *Löschke G. Stele aus Amyklä // AM.* 1878. Bd 3. S. 167.

²³ См. различные гипотезы по этому поводу: *Beatie A. J. An Early Laconian Lex sacra // CQ.* 1951. Vol. 45. P. 46–58; *Kiechle F. Op. cit.* S. 15, 119; *Forrest W. G. A History of Sparta 950–192 BC.* London, 1968. P. 42–43.

²⁴ См.: *Beatie A. J. Op. cit.* P. 48.

²⁵ Комментарий к этому месту см.: *MacDowell D. Op. cit.* P. 25, 91. В иной плоскости рассматривает фразу Ф. Уэлбенк, связывая ее с гражданской хорой (πολιτικῇ ὁρῶν) Полибия и задавая вопрос, в чей собственности находилась эта земля – в собственности города или в собственности граждан (*Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius.* Oxford, 1957. Vol. 1. P. 729); ср.: *Cartledge P. Sparta and Lakonia.* P. 166.

²⁶ См.: *Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4. С. 82; *Holladay A. J. Spartan Austerity // CQ.* 1977. Vol. 27. P. 119–120.

²⁷ Ср.: Доватур А. И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. Л., 1965. С. 232.

^{27a} О ксенеласиях см.: Зайков А. В. Спартанские ксенеласии // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 6–25.

²⁸ Различным аспектам спартанской военной организации посвящена довольно обширная литература. Из не самых старых работ назовем книгу, вызвавшую широкий отклик: *Lazenby J. F. Spartan Army*. Warminster, 1985.

²⁹ Ср.: *Detienne M. La cité en son autonomie : Autour d'Hestia* // *Quaderni di storia*. 1985. Vol. 22. P. 61.

³⁰ См. разбор этого места в книге: *Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальные движения в древней Греции в период ее упадка*. СПб., 1869. С. 108, примеч. 1.

³¹ Ср.: *Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. 107, примеч. 2.

³² Ср.: *Lotze D. Op. cit. S. 37.* Проблема спартанской «гинекокрации» обсуждается в следующих работах: *Redfield J. The Women of Sparta* // *Classical Journal*. 1977. Vol. 73. P. 146–161; *Cartledge P. Spartan Wives: Liberation or Licence?* // *CQ*. 1981. Vol. 31. P. 84–105; *Bradford A. S. Gynaikokratoumenoi: did Spartan Women Rule Spartan Men?* // *AW*. 1986. Vol. 14. P. 13–18; *Kunstle B. Family Dynamic and Female Power in Ancient Sparta* // *Helios*. 1986. Vol. 13. P. 31–48. См. также: *Pomeroy S. B. Spartan Women*. Oxford, 2002.

³³ См.: *Kahrstedt U. Op. cit. S. 289; Bölte J. Sparta (Geographie)* // *RE*. 1929. Sp. 1337.

³⁴ См.: *Guiraud P. La propriété foncière en Grèce*. Paris, 1893. P. 20.

³⁵ *Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 116.*

³⁶ См.: *Lotze D. Op. cit. S. 58.* Автор полагает, что необходимость в поместье могла возникнуть лишь в том случае, если клер находился в отдаленных частях страны. Но этому прямо противоречат указанные свидетельства Ксенофонта о домах на левом берегу Еврота близ Спарты и на правом – близ Амикл.

³⁷ См.: *Lotze D. Op. cit. S. 29.* Наличие нескольких илотских хозяйств на клере подтверждает отмеченное еще Пёльманом и вслед за ним Хвостовым сохранение деления земли на участки и в позднюю эпоху, когда земля концентрировалась в немногих руках (*Хвостов М. М. Хозяйственный переворот в древней Спарте* // *Ученые записки Казанского университета*. 1901. Кн. 11. Ноябрь. С. 178).

³⁸ Ср.: *Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. 118; *Lotze D.* Op. cit. S. 30.

³⁹ Ἐπιμέλεια: Дворецкий – «забота», «радение», «попечение»; LSJ – «care bestowed upon (a thing)»; Bensekers – «Sorge». Ὀμιλέω: Дворецкий – «общаться», «заниматься»; LSJ – (в значении III.1 – о социальных отношениях) «hold converse with», «associate with» etc.; Bensekers – «verkehren».

⁴⁰ Ср.: *MacDowell D.* Op. cit. P. 45.

⁴¹ Ср.: *Доватур А. И.* Указ. соч. С. 229.

⁴² Анализ земельных отношений у спартиатов, проведенный В. Г. Васильевским, до сих пор остается ценным (Указ. соч. С. 106, 117–119, 121–122). Из новых работ см.: *Hodkinson S.*: 1) *Land Tenure and Inheritance in Classical Sparta* // CQ. 1986. Vol. 36. P. 378–406; 2) *Inheritance, Marriage and Demography: Perspectives upon the Decline of Classical Sparta* // *Classical Sparta: Techniques behind her Success*. London, 1989. P. 79–121; 3) *Property and Wealth in classical Sparta*. Swansea, 2000.

⁴³ О законе Эпитадея см.: *Печатнова Л. Г.*: 1) Социально-экономическая ситуация в Спарте на рубеже V–IV вв. до н. э. (Закон Эпитадея) // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 32–48; 2) Спартанский полис на рубеже V–IV вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; *Asheri D.* Sulla legge di Epitadeo // *Athenaeum*. 1961. Vol. 39. P. 45–68; *Christien J.* La loi d'Epitadeus // REG. 1974. Vol. 52. P. 197–221; *David E.* Sparta between Empire and Revolution (404–243 B.C.). New York, 1981. P. 66–73; *MacDowell D.* Op. cit. P. 99–110.

⁴⁴ Ср.: *Хвостов М. Л.* Указ. соч. С. 178.

⁴⁵ См.: *Hampf F.* Die lakedaemonischen Periöken // *Hermes*. 1937. Bd 72. S. 8.

⁴⁶ См.: *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. P. 3.

⁴⁷ См.: *Detienne M.* Op. cit. P. 62.

⁴⁸ Ср.: *Figueira T. J.* The Lipari Islanders and their System of Communal Property // CA. 1984. Vol. 3. P. 179–206.

⁴⁹ Ср.: *Bölte F.* Sparta. Sp. 1337.

⁵⁰ На отсутствие реального имущественного равенства в среде спартиатов указывают многие исследователи: *Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. 115–116; *Голубцова Н. И.* К вопросу о внутреннем положении Спарты в начале IV в. до н. э. // Труды Моск. гос. ист.-археограф. ин-та. 1968. Т. 12. С. 249; *Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта. С. 81; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München; Berlin, 1963. S. 210; *Mossé C.* Sparte Archaique // PP. 1973. Vol. 28. P. 17; etc.

⁵¹ Ср.: Рабинович Е. Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 254 сл.

⁵² О социальной семантике в Риме см.: Кнабе С. Г. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986 (очерки 1-й, 2-й и 8-й).

⁵³ У дорийцев лесхой называлась площадь для собраний, общественное здание или место для проведения досуга, клуб. В Спарте было несколько лесх (Кратин, фр. 164; Павсаний, III.14.2; 15.8; Плутарх, *Ликург* 24). Возможно, у каждой обы был свой клуб.

⁵⁴ Это сообщение Плутарха как будто противоречит данным Ксенофонта. Во-первых, последний ничего не говорит о подобной евгенике в том месте «Лакедемонской политики», где он должен был бы сказать о ней (1; 2); во-вторых, согласно одному трудно объяснимому замечанию Ксенофонта получается, что «слабость тела», как и «слабость имущества» не рассматривались в качестве дисквалифицирующего порока для человека, претендующего на статус «равного» (Там же, 10.7).

⁵⁵ Ср.: Roussel P. L'exposition des enfants à Sparte // REA. 1943. Vol. 45. P. 5–17; Clauss M. Op. cit. S. 95.

⁵⁶ Основные источники, позволяющие в общих чертах реконструировать систему агоге: принципы и организация – Ксенофонт, *Лакед. политика* 2–3; Плутарх, *Ликург* 16–25; *Агесилай* 1; *Моралии* 212b, № 50; Гесикий, s. v. ἀμπαίδες; βούα; βουαῦρος; тренировка посредством краж – Ксенофонт, *Лакед. политика* 2.6–8; *Анабасис* IV.6.14; Плутарх, *Ликург* 17.5–6; 18.1; *Моралии* 234a, № 35; Исократ, XII.211–212; инициации у алтаря Артемиды Орфии – Ксенофонт, *Лакед. политика* 2.9; Плутарх, *Ликург* 18.1; Лукиан, *Демонакс* 46; *Икароменипп* 16; Филострат, *Жизнь Аполлония* VI.20; VII.42; Петроний, 105.4–6; гомосексуальные связи – Ксенофонт, *Лакед. политика* 2.13–14; Плутарх, *Ликург* 17.1; 18.8; 25.1; Элиан, *Пестрые рассказы* III.10; эфебы – Ксенофонт, *Лакед. политика* 3; Свида, *Διχαίαρχος*; ирены – Ксенофонт, *Лакед. политика* 2.11; 4.1–7; 11.3; Плутарх, *Ликург* 17.2; 22.2; 25.1; «всадники» – Геродот, VIII.124.3; Фукидид V.72.4; Страбон, X.4.18; Плутарх, *Ликург* 25.6.

Из научных работ, посвященных спартанской системе воспитания, см.: Андреев Ю. В. Спартанские «всадники». С. 24–36; Ганиев Р. М. К вопросу философско-педагогических аспектов мировоззрения периода раннеклассических обществ. Бирск, 1984 (рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 16728); Dickins G. The Growth of the Spartan Policy // JHS. 1912. Vol. 32. P. 19; Diller A. A new source on the Spartan ephebeia // AJP. 1941. Vol. 62. P. 499–501; Tazelaar C. M. Paides kai epheboi:

Some Notes on Spartan Stages of Youth // *Mnemosyne*. 1967. Vol. 20. P. 127–153; *Brelich A.* *Paides e parthenoi*. Roma, 1969. Vol. 1. P. 113–207; *Finley M.* *The Use and Abuse of History*. New York, 1975. P. 163 ff.; *Cartledge P.* *The Politics of Spartan Pederasty* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1981. Vol. 207. P. 17–36; *Hodkinson S.* *Social Order and Conflict of Values in Classical Sparta* // *Chiron*. 1983. Vol. 13. P. 246; *MacDowell D.* *Op. cit.* P. 52–68; *Kennell N. M.* *The Gymnasium of Virtue*. London, 1995.

⁵⁷ См.: *Kennell N. M.* Where was Sparta's Prytaneion? // *AJA*. 1987. Vol. 91. P. 422.

⁵⁸ Проблема спартанской системы возрастных классов исследована в работах: *Андреев Ю. В.* Мужские союзы...; *Marro H.-I.* *Les classes d'âge de la jeunesse spartiate* // *REA*. 1946. Vol. 48. P. 216–230; *Billheimer A.* *Age-classes in Spartan education* // *TAPA*. 1947. Vol. 78. P. 99–104; *MacDowell D.* *Op. cit.* P. 159–167; *Kennell N. M.* *The Gymnasium of Virtue*. P. 28–48.

⁵⁹ См.: *Chrimes K. M. T.* *Op. cit.* P. 245.

⁶⁰ См.: *Kiechle F.* *Lakonien und Sparta*. München, 1963. S. 206.

⁶¹ Ср.: *Detienne M.* *Op. cit.* P. 61 f.

⁶² Участники сисситий соревновались, кроме прочего, в лаконском красноречии. Ср.: *Зайцев А. И.* *Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.* Л., 1985. С. 128 сл.

⁶³ О семантике спартанской одежды см.: *David E.* *Dress in Spartan Society* // *AW*. 1989. Vol. 19. P. 3–13. Ср.: *Bonfante L.* *Nudity as a Costume in Classical Art* // *AJA*. 1989. Vol. 93. P. 551–560.

⁶⁴ Ср.: *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. С. 229.

⁶⁵ См.: *Scalon T. F.* *Virgineum gymnasium. Spartan Females and Early Greek Athletics* // *The Archaeology of the Olympics*. Madison, 1988. P. 185–216.

⁶⁶ См.: *Hodkinson S.* *Inheritance ...* P. 79–121.

⁶⁷ Речь не идет о частых кулачных стычках, бывших обычными среди отрядов молодежи в возрасте от 20 до 30 лет и поощрявшихся в воспитательных целях (Ксенофонт, *Лакед. полития* 4.6).

⁶⁸ Ср.: *MacDowell D.* *Op. cit.* P. 45.

⁶⁹ О том, что Сократ в «Апологии» намекает именно на спартанские законы, указывает Дж. Риддell, приводя аналогию с Фукидидом (I.132): *The Apology of Plato* / ed. J. Riddell. Oxford, 1867. P. 88.

⁷⁰ Ср.: *Зайцев А. И.* *Указ. соч.* С. 112 сл.

⁷¹ Ср.: *Toynbee A. J.* *Op. cit.* P. 161; *Shimron B.* *Ein Wortspied mit homoioi bei Herodot* // *RhM*. 1979. Bd 122. S. 131–133; *MacDowell D.* *Op. cit.* P. 42.

⁷² Об отношениях между культурной моделью и ее автомоделью см.: *Лотман Ю. М.* *Статьи по типологии культуры*. Тарту, 1970. С. 40.

⁷³ См.: *Hodkinson S. Social Order ...* P. 239–281.

⁷⁴ Данная точка зрения представлена в следующих работах: *Michell H. Sparta. Cambridge, 1952. P. 43; Starr Ch. S. Credibility of Early Spartan History // Historia. 1965. Bd 14. P. 367, not. 34; MacDowell D. Op. cit. P. 25 f.*

⁷⁵ См.: *Строзецкий В. М. Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 5 : Античный полис. Л., 1979. С. 43 сл.*

⁷⁶ Ср.: *Clauss M. Op. cit. S. 96.*

⁷⁷ Ср. комментарий к этому месту «Застольных бесед» и к 639f: *Teodorsson S.-T. A Commentary on Plutarch's Table Talks. Göteborg, 1989. Vol. 1. P. 244.*

⁷⁸ См.: *Moretti L.: 1) Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici // Atti della Accad. Naz. dei Lincei, Glasse di Scienze morali, stor. e filol. Ser. 8. Roma, 1959. Vol. 8, fasc. 2. P. 53 ff.; 2) Supplemento al catalogo degli Olympionikai // Klio. 1970. Bd 52. P. 295 ff.; cp.: Hodkinson S. Inheritance ... P. 97.*

⁷⁹ О связи спартанских и фиванских Эгеидов см.: *Bregilia Pulci Doria L. Eforo e le tradizioni sugli Egeidi // Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1989. Vol. 11. P. 9–30.*

⁸⁰ Об аристократии у спартиатов см.: *Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 129; Kiechle F. Op. cit. S. 133–141; Hahn J. Aspects des spartanischen Aussenpolitik im 5. Jahrh. // Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1969. Vol. 17. P. 285–296; Oliva P. Op. cit. P. 118–121; Clauss M. Op. cit. S. 198.*

⁸¹ См.: *Bicknell P. J. Herodotus IX.35.1; Or could Isagoras have become a Spartan? // Acta Classica. 1982. Vol. 25. P. 127–130.*

⁸² См.: *Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 106–108, 111–112.*

⁸³ Вопреки мнению Ф. Зуземиля и А. И. Доватура мы склонны рассматривать этот закон как достаточно древний. Ср.: *Доватур А. И. «Политика» и «Политии» ... С. 371–372.*

⁸⁴ О динамике данного процесса см.: *Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 112–144; Underhill G. B. Sparta // Underhill G. B. Commentary on the Hellenica of Xenophon. Oxford, 1900. P. 334–353; Cavaignac E. La population du Péloponnèse aux Ve et IVe siècle // Klio. 1912. Bd 12. P. 271; Toynbee A. J. Op. cit. P. 297–316; Clauss M. Op. cit. S. 98; Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. London ; Baltimore, 1987. P. 37, 40, 167, 410.*

К главе 4

¹ См.: *Kahrstedt U.* Die spartanische Agrarwirtschaft // *Hermes*. 1915. Bd 54. S. 291.

² См.: *Rudolph H.* Die lykurgische Rhetra und die Begründung des spartanischen Staates // *Festschrift für Bruno Snell*. München, 1956. S. 76.

³ См.: *Ehrenberg V.* Spartiaten und Lakedaimonier // *Hermes*. 1924. Bd 59. S. 51, 56, 59 ff.; *Larsen J. A. O.* Perioiken // *RE*. 1937. Sp. 818.

⁴ См.: *Hampl P.* Die lakedaemonischen Perioeken // *Hermes*. 1937. Bd 72. S. 16 ff.

⁵ Ibid. S. 35, 39.

⁶ *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 55.

⁷ Ibid. P. 62.

⁸ *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. London, 1979. P. 178.

⁹ См.: Ibid.

¹⁰ См.: Ibid. *Oliva P.* Op. cit. P. 55–59.

¹¹ Ср.: *Bölte F.* Sparta (Namen und Ableitungen) // *RE*. 1929. Sp. 1280.

¹² Ср.: *Clauss M.* Sparta. München, 1983. S. 95

¹³ См.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 178.

¹⁴ Ср.: *Larsen J. A. O.* Op. cit. Sp. 816. Лучший каталог лаконских поселений (в том числе перизкских): *Shipley G.* «The other Lakedaimonians»: the dependent perioikic poleis of Laconia and Messenia // *The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Acts of the Copenhagen Polis Centre*. Vol. 4. Copenhagen, 1997. P. 189–281. См. также: *Niese B.* Neue Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Lakedämons. Die lakedämonischen Periöken // *Göttingische Gelehrte Nachrichten*. 1906. S. 101–142; *Bölte F.* Sparta (Geographie) // *RE*. 1929. Sp. 1303 ff.; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1965. S. 114; *Cartledge P.* Op. cit. P. 325–334 (этот перечень цитируется с указанием на археологические публикации); *Wallner B.* Die Perioiken im Staat Lakedaimon. Hamburg, 2008. S. 365–366.

¹⁵ Д. Мак-Дауэлл даже предполагает, что они имели свои законы, не во всем совпадающие со спартанскими. См.: *MacDowell D.* Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 27.

¹⁶ См. документ, конституирующий Аркадский союз в 370 г.: *Tod M. N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Pt. 2 : 403–323 BC. Oxford, 1948. № 132.

¹⁷ О возможном чтении у Свида *λόχος Λακωνικός* (эмендация Кюстера) см.: *Sturz F. G.* Lexicon Xenophonticum. Lipsiae, 1804. Vol. 4. P. 52.

¹⁸ П. Картледж безапелляционно называет жителей этих районов и района Бельминатиды перизками. См.: *Cartledge P. Op. cit.* P. 152. Ср.: *Маринович Л. П.* Спарта времени Агиса III // *Античная Греция. Т. 2 : Кризис полиса. М., 1983. С. 263.*

¹⁹ Ср.: *Roebuck C.* *The World of Ancient Times.* New York, 1966. P. 201 ff.; *Cartledge P. Op. cit.* P. 3; *MacDowell D. Op. cit.* P. 27.

²⁰ Подобным образом интерпретирует данный пассаж и Д. Мак-Дауэлл, указывая, что его нельзя использовать как свидетельство того, что перизки не могли сами руководить своими внутренними делами. См.: *MacDowell D. Op. cit.* P. 28–29.

²¹ Тезис о спартиатах как дорийской знати и перизках как дорийском простонародье защищается в работах: *Hampf F.* *Die lakedaemonischen Perioeken* // *Hermes.* 1937. Bd 72. S. 1–49; *Gshnitzer F.* *Abhängige Orte im griechischen Altertum* // *Zetemata. Monographien zur klassischen Altertumswissenschaft* 17. München, 1958. S. 66 ff., 188.

²² Ср.: *Доватур А. И.* Рабство в Аттике VI–V вв. до н. э. Л., 1980. С. 28.

²³ См.: *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978. С. 66; *Казанскене В. П., Казанский Н. Н.* Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986. С. 92, 127; *Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я.* Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988. С. 41–43.

²⁴ Ср.: *Larsen J. Op. cit.* Sp. 816.

²⁵ Перечень П. Картледжа, ориентированный на археологический материал, фиксирует не все известные нам перизкские полисы. См.: *Cartledge P. Op. cit.* P. 185–193, 325–334.

²⁶ См. параграф 3.1. Ср.: *MacDowell D. Op. cit.* P. 29–30.

²⁷ См.: *Bonner R. J., Smith G.* *Administration of justice in Sparta* // *CP.* 1942. Vol. 37. P. 113–129; иная трактовка: *Cozzoli U.* *Sparta e l'affrancamento degli iloti nel V° nel IV° secolo* // *Sesta miscellanea greca e romana.* Roma, 1978. P. 216; *Cartledge P. Op. cit.* P. 179.

²⁸ Для характеристики распространенности данной гипотезы помимо литературы, приведенной в примечании 10 к главе 3, укажем на работу: *Ellul J.* *Histoire des institutions.* Paris, 1955. T. 1. P. 53.

²⁹ Новейшее всестороннее исследование спартанской религии см. в книге: *Richer N.* *La religion des Spartiates. Croyances et cultes dans l'Antiquité.* Paris, 2012. Другие работы по лаконским культам: *Wide S.* *Lakonische Kulte.* Leipzig, 1893; *Ziehen L.* *Sparta (Kulte)* // *RE.* 1929.

Sp. 1453–1525; *Bölte F.* Zu lakonischen Festen // *RhM.* 1929. Bd 78. S. 124–143; *Wade-Gery H.* A Note on the Origin of the Spartan Gymnopaedia // *CQ.* 1950. Vol. 43. P. 79–81; *Parker P.*: 1) Demeter, Dionysus and the Spartan Pantheon // *Early Greek Cult Practice.* Stockholm, 1988. P. 99–103; 2) Spartan Religio // *Classical Sparta: Techniques behind her Success.* London, 1989. P. 142–172; *Constantinides S.* Lakonian cults. The main sanctuaries of Sparta (800 BC – to the Roman period). A Thesis Submitted to the University of London for the degree of PhD. London, 1988.

³⁰ Ср.: *Sinclair P. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1989. P. 51 ff.

³¹ Под функциональной организацией понимается совокупность внутренних связей между различающимися по вооружению и военному назначению частями войска. Под тактико-строевой организацией – упорядоченность, соподчиненность и взаимодействие всех тактических единиц войска, создающие его целостность и способность к боевым действиям.

³² См.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 179.

³³ См.: *Cavaignac E.* La population du Péloponnèse aux Ve et IVe siècles // *Klio.* 1912. Bd 12. P. 272.

³⁴ Ср.: *MacDowell D.* Op. cit. P. 27 f.

³⁵ См.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 180.

³⁶ См.: *Cavaignac E.* Op. cit. P. 266 f.

³⁷ См.: *Ibid.* P. 269–271.

³⁸ *Ibid.* P. 267.

³⁹ *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1. С. 115.

⁴⁰ В. Г. Васильевский, совершенно отвергая историчность Ликургова наделения перизков землей, пишет: «Зачем было бы нужно вводить насильственным путем изменение поземельных отношений в классе, стоящем вне гражданского общества?» (*Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальные движения в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 125). Однако в том-то и дело, что перизки были частью этого гражданского общества.

⁴¹ Ср.: *Schöman G. F., Lipsius J. H.* Griechische Altertümer. 4. Aufl. Berlin, 1397. Bd 1. S. 220.

⁴² Обзор историографии по данной проблеме см.: *Oliva P.* Op. cit. P. 34.

⁴³ Ср.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 3.

⁴⁴ В Сиракузах сословие гаморов, в отличие от эпойков, по праву перепоселенцев обладало самой качественной землей, и это в числе других обстоятельств обуславливало их более высокий гражданский статус. См.: *Фролов Э. Д.* Гаморы и киллирии // ВДИ. 1982. № 1. С. 30.

⁴⁵ П. Картледж связывает манумиссии IG 5(1) 1228–1232 с перизками, отпущавшими на волю своих рабов. Он же относит по крайней мере часть из 50 000 рабов, захваченных в Лаконике во время рейда Этолийского союза, также к рабам перизков (Плутарх, *Клеомен* 18.3), ибо согласно Полибию этот рейд был направлен и против перизков (IV.34.9). Автор приводит и другие аргументы в пользу наличия у перизков рабов в юридическом смысле этого слова. См.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 179 f.

⁴⁶ См.: *Lotze D.* Metaxy eleutheron kai doulon. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. Berlin, 1959. S. 39.

⁴⁷ Ср.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 180.

⁴⁸ Ср.: *Curtius C. G.* Peloponnesos. Eine historisch-geographische Beschreibung der Halbinsel. Gotha, 1851. Bd 2. S. 271; *Ridley H. T.* The Economic Activities of the Perioikoi // *Mnemosyne*. 1974. Vol. 27. P. 281–292; *Зайков А. В.* К вопросу о статусе лакедемонских перизков. I // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2003. Т. 2. С. 27–41.

⁴⁹ См.: *Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. 126; *Андреев Ю. В.* Архαιческая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4. С. 78; *Зайков А. В.* К вопросу о статусе ... С. 27–41; *Schömann C. F., Lipsius J. H.* Op. cit. Bd 2. S. 165; *Cook P. M.* Spartan History and Archaeology // *CQ*. 1962. Vol. 12. P. 156; *Roebuck C.* Op. cit. P. 201; *Rolley C.* Le problème de l'art laconien // *Ktema*. 1977. Vol. 2. P. 132, 137.

⁵⁰ Обстоятельный обзор лаконских и мессенских гаваней см.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 181 f.

⁵¹ Перечень древних карьеров Лаконики и Мессении с характеристикой качества полезных ископаемых см.: *Ibid.* P. 180–181, а также: *Kokkorou-Alevras and others.* Ancient quarries in Laconia // *BSAS*. 2009. Vol. 16. P. 169–179.

⁵² Ср.: *Ильин Г. Ф.* О так называемой налоговой эксплуатации // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. М., 1986. С. 68–73.

⁵³ См. дискуссию по данной проблеме: *Daubies M.*: 1) Cléomènes III, les hilotes et Sellasie // *Historia*. 1971. Bd 20. P. 665–695; 2) Les combattants laconiens de Sellasie: perieques ou hilotes? // *Le monde grec. Pensée, littérature,*

histoire, documents. Hommages a Claire Preaux. Bruxelles, 1975. P. 383–392; Urban P. Das Heer des Kleomenes bei Sellasie // Chiron. 1973. Bd 3. S. 95–102.

⁵⁴ Ср.: MacDowell D. Op. cit. P. 28.

⁵⁵ О казне Пелопоннесского союза говорится, возможно, у Фукидида в I.141. О налоговой политике Спарты в отношении союзников см.: Соколов Ф. Ф. Дань лакедемонских союзников // ЖМНП. 1897. Март. Отд. 7. С. 95–99; Loomis W. T. The Spartan War Fund. Stuttgart, 1992.

⁵⁶ В переводе Жебелёва – Доватура это звучит как «часто приносят в жертву государственные дела ради угождения». Термин *καταχαρίζεμενοι* несет сильную негативную окраску и часто употребляется именно для обозначения коррупции. См.: LSJ s. v.

⁵⁷ См.: LSJ s. v. *χοινός* II.3. Аналогичное «финансовое» значение этой субстантивированной формы множественного числа среднего рода находим в «Плутосе» Аристофана (569) – «богатеть, обирая казну»; у Демосфена (VIII.23) и особенно часто у Полибия (I.59.6; V.90.5; VI.56.13; X.22.10; XXIV.7.4; 5; XXXI.31.3).

⁵⁸ Выражение «давать отчеты» часто имеет именно финансовый смысл (Лисий, XXIV.26; Аристофан, *Осы* 571; *Всадники* 825 и др.). Ср. употребление этого выражения Аристотелем в других местах (*Политика* 1282a2; *Риторика* 1411a6; b20; *О душе* 407b29).

⁵⁹ См.: Niese B. Op. cit. S. 105.

⁶⁰ См.: Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. München, 1920. Bd 1. S. 665.

⁶¹ См.: Kahrstedt U. Griechische Staatsrecht. Göttingen, 1922. Bd 1. S. 25, 77.

⁶² Дж. Ларсен считает эту концепцию столь же сомнительной, как и концепцию Б. Ниезе: (см.: Larsen J. A. O. Op. cit. S. 281). Ср.: Oliva P. Op. cit. P. 180.

⁶³ См.: Chrimes K. Ancient Sparta. 2nd ed. Manchester, 1952. P. 288.

⁶⁴ См.: Larsen J. A. O. Op. cit. Sp. 821.

⁶⁵ У Гесихия глосса о «каламе» не связана прямо со Спартой. Однако из его же глоссы *καλαμοτύπος* мы узнаем, что так в Лаконике называли птицеловов.

⁶⁶ Ср. слова, вкладываемые Фукидидом в уста царя Архидама о том, что лакедемоняне («мы») неохотно платят в казну (I.80.4).

⁶⁷ См.: Larsen J. A. O. Op. cit. Sp. 821.

⁶⁸ Ср.: Шиллюк Н. Ф.: 1) Социальная структура раннеримского общества // АДСВ: Проблемы социального развития. 1985. С. 15; 2) Законо-

мерности развития рабовладельческого общества. Свердловск, 1982. С. 21 сл.

⁶⁹ С. Я. Лурье полагает, что у Ксенофонта и Диодора в рассказе о захвате в 393 г. Фарнабазом и Кононом острова Киферы речь идет о заключении перемирия именно с аристократами из киферских перизков (Ксенофонт, *Греч. история* IV.8.8; Диодор, XIV.84.3–6). См. примеч. С. Я. Лурье к этому месту у Ксенофонта (Ксенофонт. *Греческая история* / пер. С. Я. Лурье. Л., 1935. С. 97). Ср.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 179.

К главе 5

¹ Важнейшей работой по спартанской илотии и сходным с ней формам зависимости до сих пор остается книга: *Lotze D.* *Metaxy eleutheron kai doulon. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahr. v. Chr.* Berlin, 1959. S. 26–47. Из других работ: *Струве В. В.* Плебеи и илоты // Из истории докапиталистических формаций : сб. ст. к 45-летию научной деятельности Н. Марра. М. ; Л., 1933. С. 364–371; *Сингалевич С.* Гелоты в древней Спарте. Из истории античного крепостничества // Труды Марийского гос. пед. ин-та. Т. 8. С. 127–154; *Казаменова Л.* Из новых работ по истории илотии и сходных с ней форм рабской зависимости // ВДИ. 1961. № 2. С. 138–142; *Шишова И.* Становление рабства в античной Греции : дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1988. С. 76–187; *Oehler J.* Heloten // RE. 1912. Sp. 203–206; *Jeanmaire H.* La Cryptie Lacédémonienne // REG. 1913. Vol. 26. P. 121–150; *Finley M.* Between Slavery and Freedom // *Comparative Studies in Society and History*. 1964. Vol. 6. P. 233–249; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 38–54; *Chambers J.* On Messenian and Laconian Helots in the Fifth Century BC // *Historian*. 1978. Vol. 40. P. 271–285; *Cartledge P.*: 1) Sparta and Lakonia. London, 1979. P. 160–177, 194–195; 2) The Helots: a contemporary review // *The Cambridge World History of Slavery*. Vol. 1 : The Ancient Mediterranean World. Cambridge, 2011. P. 74–90; *Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. Paris, 1984. P. 99–133; *MacDowell D.* Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 31–37; *Talbert P.* The Role of the Helots in the Class Struggle at Sparta // *Historia*. 1989. Bd 38. P. 22–40; *Ducat J.* Les Hilotes. Athenes, 1990; *Luraghi N., Alcock S.* (ed.) Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures. Cambridge (Mass.), 2003.

² См.: *Дьяконов И. М.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4. С. 8–29; *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная исто-

рия. Изд. 2-е. М., 1977. С. 20; *Хидемичи Ота*. Можно ли считать рабами илотов Спарты? // IV коллоквиум историков СССР и Японии. Доклады. М., 1981. С. 112–122; *Илюшечкин В. П.* Сословная и классовая стратификации в добуржуазных обществах // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. М., 1986. С. 57–58.

³ См., например: *Kirsten E., Kraiker W.* Griechischenlandkunde. 2. Aufl. Heidelberg, 1956. S. 193.

⁴ См.: *Solmsen F.* Vordorisches in Lakonien // RhM. 1907. Bd 62. S. 329–338; *Boissaque E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 4 éd. Heidelberg, 1950. s. v. Отметим, что подобный способ этимологизирования существовал уже в древности: Большой этимологик, s. v. εἰλωτες. Ср. этимологию имени «Елена» у Эсхила в «Агамемноне» (680–700).

⁵ См.: *Frisk J.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. S. 462; ср.: *Lotze D.* Op. cit. S. 26; *Ducat J.* Aspects des l'hilotisme // Ancient Society. 1978. Vol. 9. P. 5–13.

⁶ Ср.: *Спрыве В. В.* Указ. соч. С. 365; *Lécrivain C.* Helotae // DS. III, 1. P. 67–71; *Ehrenberg V.* Sparta (Geschichte) // RE. 1929. Sp. 1375.

⁷ См.: *Meyer E.* Die Sklaverei im Altertum // Meyer E. Kleine Schriften. 2. Aufl. Halle, 1924. S. 182.

⁸ См.: *Kahrstedt U.*: 1) Griechisches Staatsrecht. Bd 1: Sparta unter seine Symmachie. Göttingen, 1922. S. 11, 57; 2) Die spartanische Agrarwirtschaft // Hermes. 1954. Bd 54. S. 287 f.; *Лурье С. Я.* История Греции. СПб., 1993. С. 228.

⁹ См.: *Lotze D.* Op. cit. S. 27–28.

¹⁰ См.: Ibid. S. 27 f.

¹¹ Ср.: *Доватур А. И.* Рабство в Аттике VI–V вв. до н. э. Л., 1960. С. 29.

¹² Ср.: *Lotze D.* Op. cit. S. 27 f.

¹³ Ср.: *Доватур А. И.* Указ. соч. С. 28.

¹⁴ См.: *MacDowell D.* Op. cit. P. 35.

¹⁵ Ср.: Ibid. P. 55.

¹⁶ См.: *Lotze D.* Op. cit. S. 32.

¹⁷ Обзор характеристик: *Finley M. I.* A Peculiar institution? // The Times Literary Supplement. 1976. 2 July. P. 813–821.

¹⁸ Решительным образом поддерживает последний взгляд на рассматриваемую проблему Ф. Бёльте, полагая, что концентрация илотов в деревнях была бы очень опасна для спартиатов. См.: *Bölte F.* Sparta (Geographie) // RE. 1929. Sp. 1336. Ср.: *Lotze D.* Op. cit. S. 38; *Cartledge P.* Op. cit. P. 163.

Иной взгляд содержится в работе: *Chrimes K. Ancient Sparta*. 2 ed. Manchester, 1952. P. 38 ff.

¹⁹ См.: *Cartledge P. Op. cit.* P. 3.

²⁰ Ср.: *Kahrstedt U. Griechische Staatsrecht*. Göttingen, 1922. Bd 1. S. 65. Anm. 2; *Lotze D. Op. cit.* S. 44; *Michell H. Sparta*. Cambridge, 1962. P. 82. Автор последней работы отрицает наличие у спартиатов права убивать илотов. Заметим, однако, что Мирон говорит, скорее, не о праве, а об обязанности спартиата.

²¹ О криптии см.: *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde*. München, 1926. H. 2. S. 670; *Jeanmaire H.*: 1) *La cryptie ...* P. 121–150; 2) *Couroi et Courètes*. Lille, 1939. P. 550 sqq.

²² Ср.: *Lotze D. Op. cit.* S. 45.

²³ Ср.: *MacDowell D. Op. cit.* P. 37.

²⁴ См.: *Lotze D. Op. cit.* S. 51; *Roebuck C. The World of Ancient Times*. New York, 1966. P. 201; *MacDowell D. Op. cit.* P. 37.

²⁵ Ср.: *MacDowell D. Op. cit.* P. 31 f.

²⁶ Так трактуется положение илотов в следующих работах: *Ehrenberg V. Spartiaten und Lakedaimonier* // *Hermes*. 1924. Bd 59. S. 40 ff.; 64 f.; *Michell H. Op. cit.* P. 75.

²⁷ *Lotze D. Op. cit.* S. 40. В англоязычной литературе распространен взгляд на илота как на «state-serf». См.: *Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta*. London ; Baltimore, 1987. P. 14, 172; *Talbert P. Op. cit.* P. 22–23.

²⁸ См.: *Kahrstedt U.*: 1) *Die spartanische Agrarwirtschaft ...* S. 285 ff.; 2) *Griechisches Staatsrecht*. Göttingen, 1922. Bd 1. S. 58 ff.

²⁹ См.: *Lotze D. Op. cit.* S. 41; *Clauss M. Sparta*. München, 1983. S. 111; *Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса* // *Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство)*. Л., 1986. С. 84.

³⁰ Ср.: *Струве В. В.* Указ. соч. С. 367; *Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса*. С. 184; *Lotze D. Op. cit.* S. 27, 58–59, 75, 79; *Oliva P. Die unentwickelte Form der Sklaverei im antiken Griechenland* // *Acta antiqua Philippopolitana. Studia historica et philologica*. Sofia, 1963. S. 22 ff.

³¹ Теоретическое обоснование данного утверждения приведено в книге: *Шилук Н. Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества*. Свердловск, 1982. С. 21–36.

³² Ср.: *Lotze D. Op. cit.* S. 42. Anm. 3; *Welwei K.-W. Unfreie im Antiken Kriegsdienst*. Wisbaden, 1974. Bd 1. S. 117–120.

³³ См.: *Welwei K.-W. Op. cit.* S. 120–124; *Cartledge P. Sparta ...* P. 174; *Talbert P. Op. cit.* P. 24.

³⁴ См.: *Figueira T.* Population Pattern in late Archaic and Classical Sparta // ТAPA. 1986. Vol. 116. P. 186.

³⁵ Ср.: *Печатнова Л. Г.* Неодамоды в Спарте // ВДИ. 1987. № 3. С. 23–24; *Talbert P.* Op. cit. P. 26.

³⁶ Ср.: *Lotze D.* Op. cit. S. 53 ff.; *Cartledge P.* Sparta ... P. 356.

³⁷ Ср.: *Pritchett W.* The Greek State at War. California, 1971. Vol. 1. P. 49 ff.

³⁸ Необычайно высокое соотношение илотов и спартиатов в войске Павсания при Платеях (7:1) иногда объясняется именно тем, что илоты входили в состав провиант-колонны и были носильщиками. См.: *Kromayer J., Veith G.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 40.

³⁹ Многие исследователи считают невероятным как само названное Геродотом количество илотов, принявших участие в походе, так и их использование в качестве воинов, имевших какое-то оружие. См.: *Chrimes K.* Op. cit. P. 382.

⁴⁰ Ср.: *Lotze D.* Op. cit. S. 33.

⁴¹ См.: *Ibid.* S. 34.

⁴² См.: *Печатнова Л. Г.* Указ. соч. С. 22.

⁴³ Ср.: *Cozzolli V.* Sparta e l'affrancamento degli iloti nel V° nel IV° secolo // *Sesta miscellanea greca e romana.* Roma, 1978. P. 213–232.

⁴⁴ См. об этом: *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1901. Bd 4. S. 399; *Michell H.* Op. cit. P. 251.

⁴⁵ См.: *MacDowell D.* Op. cit. P. 40.

⁴⁶ Ср.: *Busolt G., Swoboda H.* Op. cit. H. 2. S. 667; *Ehrenberg V.* Neodamodeis // RE. 1935. Sp. 2399; *Oliva P.* Sparta ... P. 171 ff.

⁴⁷ Ср.: ἄφετος. См.: LSJ, s. v.

⁴⁸ Ср.: *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. Oxford, 1945. Vol. 5. P. 27.

⁴⁹ Ср. с римскими «сверхсрочниками», *evocati*, призывавшимися в войско в случае особой опасности. См.: *Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 122.

⁵⁰ Основная литература: *Печатнова Л. Г.* Указ. соч. С. 19–29; *Ehrenberg V.* Op. cit. Sp. 2369–2401; *Willets R. F.* The Neodamodeis // CP. 1954. Vol. 49. P. 27–32; *Oliva P.* Sparta ... P. 166–170; *Alfieri Toniti T.* Il problema dei «neodamodeis» nell'ambito della società spartana // RIL. 1975. Vol. 109. P. 305–316; *Cartledge P.* Sparta ... P. 280 ff.; *MacDowell D.* Op. cit. P. 39–42.

⁵¹ Данная проблема подробно обсуждается в статье Л. Г. Печатновой, указанной выше. Ср.: *Kahrstedt U.* Staatsrecht. Göttingen, 1922. Bd 1. S. 46.

⁵² См.: *MacDowell D.* Op. cit. P. 41, 46–51. Ср.: *Ehrenberg V.* 1) *Mothakes* // RE. 1933. Sp. 382–384; 2) *Mothones* // RE. 1933. Sp. 385–386; *Lotze D.* *Mothakes* // *Historia*. 1962. Bd 11. S. 427–435.

⁵³ Нам представляется, что это были не столько (или не только) дети спартиатов и илотов, сколько те, которые «принимались братьями к своим детям», и, в частности, рожденные в соответствии со знаменитым «Ликурговым» правилом, когда спартиат для того, чтобы иметь здоровых детей, приглашал к своей жене сильного и красивого юношу (Ксенофонт, *Лакед. полития* 1.8–10).

⁵⁴ Ср.: *Cozzoli V.* Op. cit. P. 225–227.

⁵⁵ См.: *Печатнова Л. Г.* Указ. соч. С. 23–24, примеч. 24.

⁵⁶ Ср. также: *Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальные движения в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 118; *Хвостов М. М.* Хозяйственный переворот в древней Спарте. Казань, 1901. С. 19; *Голубцова Н. И.* К вопросу о внутреннем положении Спарты в нач. IV в. до н. э. // *Труды МГПИ*. 1958. Т. 12. С. 250; *Lotze D.* *Metaxy eleutheron kai doulon*. S. 50.

⁵⁷ См.: *Kahrstedt U.*: 1) *Die spartanische Agrarwirtschaft*. S. 289; 2) *Griechische Staatsrecht*. Göttingen, 1922. Bd 1. S. 59; *Lotze D.* *Metaxy eleutheron kai doulon*. S. 36.

⁵⁸ См.: *Дьяконов И. М.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // *ВДИ*. 1973. № 4. С. 20.

⁵⁹ *Давыдова Л. С.* Эллинистическая Спарта : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 13.

⁶⁰ См.: *Хидемичи Ота.* Можно ли считать рабами илотов Спарты? // IV colloquium историков СССР и Японии. Доклады. М., 1981. С. 118–119.

⁶¹ См.: *Шиллюк Н. Ф.* Указ. соч. С. 31–35. Ср.: *Roebuck C.* Op. cit. P. 201.

⁶² Вопрос о том, являлась ли апофора фиксированной долей урожая или фиксированным количеством продуктов, как и вопрос о ее абсолютных размерах, часто обсуждается в научной литературе. Назовем лишь несколько работ: *Kahrstedt U.* *Die spartanische Agrarwirtschaft*. S. 279 ff.; *Lotze D.* *Metaxy eleutheron kai doulon*. S. 30; *MacDowell D.* Op. cit. P. 32–34.

⁶³ Ср.: *Africa T. W.* *Cleomenes III and the Helots* // *California Studies in Classical Antiquity*. 1968. Vol. 1. P. 4; *MacDowell D.* Op. cit. P. 34 f.

⁶⁴ Ср.: *Willets R. F.* Op. cit. P. 28; *Бергеп А.* Социальные движения в древней Спарте. М., 1936. С. 99–100.

⁶⁵ См.: *Neumann K. J.* *Die Entstehung des spartanischen Staates in der likurgischen Verfassung* // *HZ*. 1906. Bd 96. S. 27; *Thomson G.* *Studies*

in Ancient Greek Society. Vol. 1 : The Prehistoric Aegean. 2 ed. London, 1954. P. 316.

⁶⁶ См.: *Lotze D.* Metaxy eleutheron kai doulon. S. 32. Ср.: *Бартошек М.* Указ. соч. С. 241–242. Ср.: *Зайков А. В.* Илоты и их земельные наделы: взгляд на проблему с точки зрения юридической концепции прав на чужие вещи // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 5–13.

⁶⁷ По поводу этой цифры часто высказывается весьма скептическое мнение. См.: *Beloch K.* Griechische Geschichte. Berlin ; Leipzig, 1922. Bd 4, H. 1. S. 715; *MacDowell D.* Op. cit. P. 34.

К заключению

¹ *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977. С. 38, 41.

² Об «анатомии» спартиатской собственности на землю см.: *Hodkinson S.* Property and wealth in Classical Sparta. Swansea, 2000. P. 65–208.

³ Подробнее см.: *Зайков А. В.* Скириты и вопрос о лакедемонском гражданстве // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2007. Т. 4. С. 26–58.

⁴ *Lotze D.* Metaxy eleutheron kai doulon. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahr. v. Chr. Berlin, 1959. S. 26–47.

ССЫЛКИ НА ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

В списке содержится библиографическая информация об античных авторах и их сочинениях, на которые имеются отсылки в учебном пособии. Сначала указывается имя автора в русскоязычном варианте и дается краткая информация о нем. В следующей строке приводится русскоязычное название произведения (курсивом). Далее помещены библиографические ссылки на научное (критическое) издание (издания) данного сочинения на языке оригинала и на издание (в ряде случаев – на несколько изданий) в русском переводе (если таковые имеются).

Алкей – греческий лирический поэт с о. Лесбос; VII–VI вв. до н. э.

Фрагменты

* Alcaeus. Fragmenta // Poetarum Lesbiorum fragmenta / ed. E. Lobel, D. L. Page. Oxford : Clarendon Press, 1955. 337 p. (Репринт: 1968).

* Алкей. Жизнеописание / пер. М. Гаспарова // Эллинические поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М. : Ладомир, 1999. С. 353.

Алкман – греческий лирический поэт, жил и работал в Спарте; VII в. до н. э.

Фрагменты

* Alcman. Fragmenta // Poetae melici Graeci / ed. D. L. Page. Oxford : Clarendon Press, 1962. P. 1–91. (Репринт: 1967).

* Алкман. Парфении и др. произведения / пер. В. Вересаева, Н. Казанского, В. Ярхо // Эллинические поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М. : Ладомир, 1999. С. 307–315.

* Алкман / пер. В. Вересаева, Н. Казанского // Древнегреческая мелика. М. : Книга, 1988. С. 74–90.

* Алкман / пер. В. Вересаева, Г. Церетели // Античная лирика. М. : Худож. лит., 1968. С. 80–85.

Антиох – греческий историк из Сиракуз, логограф; V в. до н. э.

Фрагменты

* Antiochi fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1841. Vol. 1. P. 181–184. (= FgrHist, № 555).

Аристотель (= Стагирит) – греческий философ; 384–322 г. до н. э.

О душе

* Aristotelis De anima / ed. W. D. Ross. Oxford : Clarendon Press, 1956. 110 p.

* Аристотель. О душе / пер. П. С. Попова в перераб. М. И. Иткина // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 371–448.

Политика

* Aristotelis Politica / ed. W. D. Ross. Oxford : Clarendon Press, 1962. 282 p.

* Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелёва // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 375–644.

Риторика

* Aristotelis ars rhetorica / ed. W. D. Ross. Oxford : Clarendon Press, 1959. 191 p. (Репринт: 1964).

* Аристотель. Риторика / пер. Н. Платоновой // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–164.

Фрагменты

* Aristotelis fragmenta. Collegit V. Rose. Leipzig : Teubner, 1886. 459 s.

Экономика

* Aristote. Économique [Aristotelis Oeconomica] / ed. B. A. van Groningen, A. Wartelle. Paris : Les Belles Lettres, 1968. 35 p.

* [Аристотель] Экономика / пер. Г. А. Тароняна // ВДИ. 1969. № 3. С. 215–242.

Аристофан – афинский поэт, самый крупный греческий комедиограф; ок. 445–385 гг. до н. э.

Осы

* Aristophanes. Vespas // Aristophanis Comoediae / ed. F. W. Hall, W. M. Geldart. Oxford : Clarendon Press, 1980. Т. 1. P. 165–225.

* Аристофан. Осы / пер. А. Пиотровского // Аристофан. Комедии. Фрагменты. М. : Ладомир ; Наука, 2000. С. 227–301, примеч. 977–981.

* Аристофан. Осы / пер. Н. Корнилова под ред. В. Ярхо // Аристофан. Комедии. М. : Гослитиздат, 1954. С. 236–347, коммент. 439–445.

Афиней – греческий эрудит из Навкратиса; III в. н. э.

Пир мудрецов

* Athenaeus. The Deipnosophists / ed. and tr. C. B. Gulick. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1927–1941. 7 vols.

* Афиней. Пир мудрецов. В 15 кн. Кн. 1–8 / пер. Н. Т. Голинкевича. М. : Наука, 2003. 656 с.

* Афиней. Пир мудрецов. В 15 кн. Кн. 9–15 / пер. Н. Т. Голинкевича. М. : Наука, 2010. 597 с.

Большой этимологик (*лат.* Etymologicum Magnum, *греч.* Etymologikon Mega, *обычное сокращение* ЕМ) – греческая лексикографическая энциклопедия, составленная в Константинополе анонимным автором около 1150 г. н. э.; самый крупный византийский лексикон, основывающийся на большом количестве более ранних грамматических, лексических и риторических сочинений.

* Etymologicum magnum, seu Magnum grammaticae penu / ed. F. Sylburgius. Leipzig, 1816. 1092 col.

* Etymologicon magnum, seu verius lexicon saepissime vocabulorum origines indagans ex pluribus lexicis scholiastis et grammaticis anonymi cuiusdam opera concinnatum / ed. Th. Gaisford, J. Netherclift. Oxford : Oxford University Press, 1848. lv + 2470 p.

Веллей Патеркул – римский историк; ок. 20 г. до н. э. – ок. 30 г. н. э.

Римская история

* Velleius Paterculus. Historiarum Libri Duo / ed. William S. Watt. Stuttgart : Saur, 1978. 103 p.

* Веллей Патеркул. Римская история / пер. А. Немировского, М. Дашковой // Малые римские историки. М. : Ладомир, 1996. С. 11–96.

Гарпократион – греческий оратор и филолог из Александрии; II в. н. э.

Словарь десяти ораторов

* Haprocration. Lexeis of the Ten Orators / ed. and tr. J. J. Keaney. Amsterdam : Hakert, 1991. xxi + 291 p.

Гелланик – греческий историк из Митилены, логограф; ок. 485–400 гг. до н. э.

Фрагменты

* Hellanici fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1841. Vol. 1. P. 45–69. (= FgrHist, № 4).

Геродот – греческий историк; 485 – ок. 425 гг. до н. э.

История

* Herodoti historiae / ed. C. Hude. Oxford : Clarendon Press, 1990. 2 vols.

* Геродот. История / пер. Ф. Мищенко. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2008. 704 с.

* Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 600 с.

Гесихий – греческий лексикограф и филолог из Александрии; V/VI в. н. э.

Лексикон

* Hesychii Alexandrini lexicon (A–O) / ed. K. Latte. Copenhagen : Munksgaard, 1953–1966. Vols. 1–2.

* Hesychii Alexandrini lexicon (Π–Ω) / ed. P. A. Hansen, I. C. Cunningham. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2005–2009. Vols. 3–4.

Гомер – греческий эпический поэт; VIII в. до н. э.

Илиада

* Homeri Ilias / ed. T. W. Allen. Oxford : Clarendon Press, 1931. Vols. 1–3.

* Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича ; изд. подгот. А. И. Зайцев. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 572 с.

Одиссея

* Homeri Odyssea / ed. P. von der Mühl. Basel : Helbing & Lichtenhahn, 1962. 456 p.

* Гомер. Одиссея / пер. с др.-греч. П. А. Шуйского под ред. А. И. Виноградова. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1948. 424 с.

* Гомер. Одиссея / пер. [с нем.] В. А. Жуковского ; изд. подгот. В. Н. Ярхо. М. : Наука, 2000. 482 с.

Готовится к изданию:

* Гомер. Илиада. Одиссея / пер. П. А. Шуйского. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та.

Диодор – греческий историк из Сиракуз; I в. до н. э.

Историческая библиотека

* Diodori Siculi bibliotheca historica / ed. F. Vogel, K. T. Fischer (post I. Bekker & L. Dindorf). Leipzig : Teubner, 1888–1906. 5 vols. (Репринт: Stuttgart, 1964).

* Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / пер. И. А. Алексеева. СПб., 1774–1775. Ч. 1–6.

Дион Хрисостом – греческий оратор и философ из Вифинии; ок. 40–115 гг. до н. э.

Борисфенитская речь

* Dio Chrysostomus. Borysthenitica oratio (36) // Dionis Prusaensis quem vocant Chrysostomum quae exstant omnia / ed. J. von Arnim. Berlin : Weidmann, 1896. Vol. 2. P. 1–16.

* Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине / пер. М. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. М. : Гослитиздат, 1960. С. 92–97.

Дурид – греческий историк с Самоса; ок. 340–270 гг. до н. э.

Фрагменты

* Duris Samius. Fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1848. Vol. 2. P. 466–488. (= FgrHist, № 76).

Евполид – греческий комедиограф; ок. 445–410 гг. до н. э.

Фрагменты

* Eupolis. Fragmenta // Comicorum Atticorum fragmenta / ed. T. Kock. Leipzig : Teubner, 1880. Vol. 1. P. 258–369.

Еврипид – греческий трагический поэт; ок. 485–406 гг. до н. э.

Фрагменты

* Euripides. Fragmenta // Tragicorum Graecorum fragmenta / ed. A. Nauck. Leipzig : Teubner, 1889. P. 363–1132. (Репринт: Hildesheim : Olms, 1964).

* Незнакомый Еврипид. Трагедии интриги и случая / пер. и примеч. В. Н. Ярхо // ВДИ. 1995. № 3, 4 ; 1996. № 1, 2. (Перевод фрагментов 12 трагедий: «Эгей», «Кресфонт», «Александр», «Фрикс I», «Фрикс II», «Мудрая Меланиппа», «Меланиппа-узница», «Гипсипила», «Антиопа», «Авга», «Алопа», «Алкмеон в Коринфе»).

Евсевий – греческий христианский писатель, историк; ок. 265–340 гг. н. э.

Хроника

* Eusebii Pamphili Chronicon bipartitum Graeco-Armeno-Latinum. Venetiis : typis coenobii PP. Armenorum in insula S. Lazari, 1818. 2 vols.

Евстафий – архиепископ Фессалоникийский, комментатор Гомера; ок. 1110–1198 гг.

Комментарий к «Илиаде» Гомера

* Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes / ed. Marchinus van der Valk. Leyden : Brill, 1971–1987. 4 vols.

Зенобий – греческий паремиограф (автор, составлявший сборники поговорок и пословиц); II в. н. э.

Поговорки

* Zenobii Epitome [Zenobii Proverbia] // Corpus paroemiographorum graecorum / ed. E. Leutsch, F. G. Schneidewin. Hildesheim : Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1839. Vol. 1. P. 1–175. (Репринт: 1965).

Исократ – греческий оратор; 436–338 гг. до н. э.

Речи

* Isocrate. Discours / ed. G. Mathieu, É. Brémond. Paris : Les Belles Lettres, 1929–1962. Vols. 1–4.

* Исократ. Речи. Письма / пер. Ю. В. Андреева, В. Г. Боруховича, М. Н. Ботвинника, Л. М. Глускиной, А. И. Зайцева, Н. Н. Залесского, К. М. Колобовой, Е. А. Миллиор, Т. В. Прушакевич, Э. Д. Фролова, И. А. Шишовой // ВДИ. 1965. № 3 ; 1969. № 2.

Кратин – греческий комедиограф; ок. 520–423 гг. до н. э.

Фрагменты

* Cratinus. Fragmenta // Comicorum Atticorum fragmenta / ed. T. Kock. Leipzig : Teubner, 1880. Vol. 1. P. 11–130.

Критий – греческий писатель и политик; ок. 460–403 гг. до н. э.

Фрагменты

* Critias. Fragmenta // Die Fragmente der Vorsokratiker / ed. H. Diels, W. Kranz. Berlin : Weidmann, 1952. Vol. 2. S. 375–399. (Репринт: Dublin ; Zurich, 1966).

Ксенофонт – греческий историк; ок. 430–355 гг. до н. э.

Агесилай

* Xenophon. Agesilaus // Xenophontis opera omnia / ed. E. C. Marchant. Oxford : Clarendon Press, 1920. Vol. 5. [Без нумерации страниц]. (Репринт: 1969).

* Ксенофонт. Агесилай / пер. В. Г. Боруховича // Ксенофонт. Киропедия. М. : Наука, 1977. С. 218–239.

Анабасис

* Xenophon. Anabasis // Xenophontis opera omnia / ed. E. C. Marchant. Oxford : Clarendon Press, 1904. Vol. 3. [Без нумерации страниц]. (Репринт: 1961).

* Ксенофонт. Анабасис / пер. С. Ошерова // Историки Греции. М. : Худож. лит., 1976. С. 229–390.

Греческая история

* Xenophon. Hellenica // Xenophontis opera omnia / ed. E. C. Marchant. Oxford : Clarendon Press, 1900. Vol. 1. 284 p. (Репринт: 1991).

* Ксенофонт. Греческая история / [пер. С. Я. Лурье]. СПб. : Алетей, 1993. 444 с.

Лакедемонская политика

* Xenophontis. De republica Lacedaemoniorum // Xenophontis opera omnia / ed. E. C. Marchant. Oxford : Clarendon Press, 1920. Vol. 5. [Без нумерации страниц]. (Репринт: 1969).

* Ксенофонт. Лакедемонское государство // Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках / пер. Г. А. Янчевецкого. Киев : Изд. Н. Я. Оглоблина, 1880. Вып. 5 : Мелкие статьи. С. 45–61.

* Ксенофонт. Политика лакедемонян / пер. М. Э. Курилова // Курилов М. Э. Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005. С. 68–83.

[Ксенофонт] (= Псевдо-Ксенофонт = Старый Олигарх) – афинский анонимный автор V в. до н. э., чей трактат в древности ошибочно был приписан к корпусу сочинений Ксенофонта.

Афинская политика

* Xenophon. Atheniensium respublica [spuria] // Xenophontis opera omnia / ed. E. C. Marchant. Oxford : Clarendon Press, 1952. Vol. 5. [Без нумерации страниц].

* [Ксенофонт]. Афинская политика / пер. и примеч. С. И. Радцига // Аристотель. Афинская политика. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 222–235. (Переиздание: Аристотель. Афинская политика. Государственное устройство афинян. М. : Флинта, 2007. С. 201–214, примеч. 226–233).

Лисий – греческий оратор, причислялся к канону десяти ораторов; ок. 445–380 гг. до н. э.

Речи

* Lysias / ed. E. H. Warmington. Cambridge (Mass.) ; London, 1967. 707 p. (The Loeb Classical Library, № 244).

* Лисий. Речи / пер. С. И. Соболевского. М. : Ладомир, 1994. 372 с.

Лукиан – греческий оратор и писатель из Коммагены; ок. 120–190 гг. н. э.

Демонакс

* Lucian. Demonax // Lucian / ed. A. M. Harmon. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1913. Vol. 1. P. 142–172. (Репринт: 1961).

* Лукиан. Жизнеописание Демонакта / пер. Н. П. Баранова // Лукиан. Сочинения. СПб. : Алетейя, 2001. Т. 2. С. 411–420.

Икароменипп

* Lucian. Icaromenippus // Lucian / ed. A. M. Harmon. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1915. Vol. 2. P. 268–322. (Репринт: 1960).

* Лукиан. Икароменипп, или Заоблачный полет / пер. С. С. Лукьянова // Лукиан. Сочинения. СПб. : Алетейя, 2001. Т. 1. С. 332–345.

Разговоры гетер

* Lucian. Dialogi meretricii // Lucian / ed. M. D. Macleod. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1961. Vol. 7. P. 356–466.

* Лукиан. Диалоги гетер / пер. Б. В. Казанского // Лукиан. Сочинения. СПб. : Алетейя, 2001. Т. 1. С. 136–159.

Максим Тирский – греческий оратор и философ; II в. н. э.

Лекции

* Maximus Tyrii philosophumena / ed. H. Hobein. Leipzig : Teubner, 1910. 484 p.

Мирон – греческий историк из Приены (М. Азия); III в. до н. э.

Фрагменты

* Myron Priensis. Fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1841. Vol. 4. P. 460–461. (= FgrHist, № 106).

Павсаний – греческий писатель-перизегет (составитель путеводителей); ок. 115–180 гг. н. э.

Описание Эллады

* Pausanias. Graeciae descriptio / ed. M. H. Rocha-Pereira. Leipzig : Teubner, 1989. 3 vols.

* Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. / пер. С. П. Кондратьева. М. : Ладомир, 1994.

Паросская хроника (= Паросский мрамор, *Marmor Parium*) – мраморная плита с острова Парос, содержащая подробную хронологию греческой истории от Кекропса до 264 г. до н. э.

* Jacoby F. Das Marmor Parium. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1904. 214 S. (= FgrHist, № 239).

* Паросский мрамор / пер. О. П. Цыбенко // Бартонек А. Златообильные Микены. М. : Наука, 1991. С. 317–319. (Представлен перевод лишь утраченной части надписи.)

Петроний – римский писатель, прозаик и поэт; ок. 14–66 гг. до н. э.

Сатирикон

* Petronii Arbitri Satyricon reliquiae / ed. K. Müller. München : Walter de Gruyter, 2003. 195 p.

* Петроний Арбитр / пер. [В. А. Амфитеатрова] под ред. Б. И. Ярхо. М. ; Л. : Госиздат, 1924. 256 с. (Репринт: 1990).

* Петроний. Сатирикон / пер. А. К. Гаврилова (проза), Б. И. Ярхо (стихи), М. Л. Гаспарова (фрагменты) // Римская сатира : Переводы с латинского. М. : Худож. лит., 1989. С. 129–238 и коммент. на с. 465–500.

Пиндар – греческий лирический поэт из Фив; ок. 518–438 гг. до н. э.

Эпиникии

* Pindari carmina cum fragmentis / ed. H. Maechler. Leipzig : Teubner, 1987–1989. 2 vols.

* Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / пер. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1980. 504 с.

Платон – греческий философ; 427–347 гг. до н. э.

Алкивиад I

* Plato. Alcibiades I // Platonis opera / ed. J. Burnet. Oxford : Clarendon Press, 1901. Vol. 2. St. 103–135 [пагинация Анри Этьена]. (Репринт: 1967).

* Платон. Алкивиад I / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. С. 175–222.

Апология Сократа

* Plato. Apologia Socratis // Platonis opera / ed. J. Burnet. Oxford : Clarendon Press, 1900. Vol. 1. St. 17–42 [пагинация Анри Этьена]. (Репринт: 1967).

* Платон. Апология Сократа / пер. М. С. Соловьева // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1968. С. 81–112.

Законы

* Plato. Leges // Platonis opera / ed. J. Burnet. Oxford : Clarendon Press, 1907. Vol. 5, pt. 2. St. 624–969 [пагинация Анри Этьена]. (Репринт: 1967).

* Платон. Законы / пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3, ч. 2. М. : Мысль, 1972. С. 83–478.

Критон

* Plato. Crito // Platonis opera / ed. J. Burnet. Oxford : Clarendon Press, 1900. Vol. 1. St. 17–42 [пагинация Анри Этьена]. (Репринт: 1967).

* Платон. Критон / пер. М. С. Соловьева // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1968. С. 113–130.

Плутарх – греческий философ и биограф; до 50 – после 120 г. н. э.

Агесилай

* Plutarchus. Agesilaus // Plutarch's lives / ed. B. Perri. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1917. Vol. 5. P. 2–112. (Репринт: 1968).

* Плутарх. Агесилай / пер. К. П. Лампсакова // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 2. С. 36–61.

Агис

* Plutarchus. Agis et Cleomenes // Plutarchi vitae parallelae / ed. K. Ziegler. Leipzig : Teubner, 1971. Vol. 3.1. P. 352–415.

* Плутарх. Агид / пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 2. С. 265–275.

Алкивиад

* Plutarchus. Alcibiades // Plutarchi vitae parallelae / ed. K. Ziegler. Leipzig : Teubner, 1964. P. 226–274.

* Плутарх. Алкивиад / пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 243–271.

Застольные беседы

* Plutarchus. Quaestiones convivales (612c–748d) // Plutarchi moralia / ed. C. Hubert. Leipzig : Teubner, 1938. Vol. 4. P. 1–335. (Репринт: 1971).

* Плутарх. Застольные беседы / пер. Я. М. Боровского. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 592 с.

Клеомен

* Plutarchus. Agis et Cleomenes // Plutarchi vitae parallelae / ed. K. Ziegler. Leipzig : Teubner, 1971. Vol. 3.1. P. 352–415.

* Плутарх. Клеомен / пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 2. С. 276–296.

Лаконские изречения

* Plutarchus. Apophthegmata Laconica [Sp.?] (208b – 236e) // Plutarchi moralia / ed. W. Nachstädt. Leipzig : Teubner, 1935. Vol. 2.1. P. 110–165, 167–203. (Репринт: 1971).

* Плутарх. Изречения спартанцев / пер. М. Н. Ботвинника // Плутарх. Застольные беседы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 287–330.

Лаконские установления

* Plutarchus. Instituta Laconica (236f-240b) // Plutarchi moralia / ed. W. Nachstädt. Leipzig : Teubner, 1935. Vol. 2.1. P. 204–215. (Репринт: 1971).

* Плутарх. Древние обычаи спартанцев / пер. М. Н. Ботвинника // Плутарх. Застольные беседы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 331–335.

Ликург

* Plutarchus. Lycurgus // Plutarch's lives / ed. B. Perrin. Cambridge, (Mass.) : Harvard University Press, 1914. Vol. 1. P. 204–302. (Репринт: 1967).

* Плутарх. Ликург / пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 48–69.

Моралии

* Plutarchi moralia. Leipzig : Teubner, 1935–1967. Vols. 1–7.

О музыке

* Plutarchus. De musica (1131b–1147a) // Plutarchi moralia / ed. K. Ziegler. Leipzig : Teubner, 1966. Vol. 6.3. P. 1–37.

* Плутарх. О музыке / пер. Н. Томасова // Античная музыкальная эстетика / вступит. очерк и собр. текстов А. Ф. Лосева. М., 1960. С. 255–293.

Пелопид

* Plutarchus. Pelopidas // Plutarchi vitae parallelae / ed. K. Ziegler. Leipzig : Teubner, 1968. Vol. 2.2. P. 60–105.

* Плутарх. Пелопид / пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 319–339.

Сравнение Агиса и Клеомена и Тиберия и Гая Гракхов

* Plutarchus. Comparatio Agidis et Cleomenis cum Tiberio et Gaio Graccho // Plutarchi vitae parallelae / ed. K. Ziegler. Leipzig : Teubner, 1971. Vol. 3.1. P. 458–463.

* Плутарх. Сопоставление Агиса и Клеомена и Гракхов / пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 2. С. 308–321.

Сравнение Ликурга с Нумой

* Plutarchus. Comparatio Lycurgi et Numae // Plutarch's lives / ed. B. Perrin. Cambridge, (Mass.) : Harvard University Press, 1914. Vol. 1. P. 382–400. (Репринт: 1967).

* Плутарх. Сопоставление Ликурга и Нумы / пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 70–92.

Полемон – греческий писатель-перизгет из Илиона; ок. 220–160 гг. до н. э.

Фрагменты

* Polemo Iliensis // Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1849. Vol. 3. P. 108–148.

* Полемон Перизет. Фрагменты / пер. и коммент. Г. П. Чистякова // ВДИ. 1983. № 3. С. 207–221.

Полибий – греческий историк из Мегалополя; ок. 200–118 гг. до н. э.

Всеобщая история

* Polybii historiae / ed. T. Büttner-Wobst. Leipzig : Teubner, 1893–1905. Vols. 1–4. (Репринт: Stuttgart, 1962–1967).

* Полибий. Всеобщая история в сорока книгах : в 3 т. / пер. Ф. Г. Мищенко под ред. А. Я. Тыжова. СПб. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1994–1995.

Полидевк (= Поллукс) – греческий ритор и лексикограф из Накратиса; вторая пол. II в. н. э.

Ономастикон

* Pollucis onomasticon / ed. E. Bethe. Leipzig : Teubner, 1900–1931. 2 vols. (Репринт: Stuttgart, 1967 + vol. 3).

Полиен – греческий юрист, писатель; работал в Риме; II в. н. э.

Стратегемы

* Polyaei strategematon libri octo / ed. E. Woelfflin, J. Melber. Leipzig : Teubner, 1887. 562 p. (Репринт: Stuttgart, 1970).

* Полиэн. Стратегемы / пер. и коммент. Т. В. Антонова, Л. Д. Бондарь, О. В. Владимирской, А. Б. Егорова, И. В. Косинцевой, М. М. Холода. СПб. : Евразия, 2002. 608 с.

Свида (= Суда) – название самого обширного греческого лексикона; составитель неизвестен; составлен ок. 1000 г. н. э.

Лексикон

* Suidae lexicon / ed. A. Adler. Leipzig : Teubner, 1928–1935. 4 vols. (Репринт: Stuttgart, 1967–1971).

* Suidae lexicon / ed. I. Bekker. Berlin : Reimer, 1854. 1166 p.

Скилак – греческий писатель, логограф из Карианда в Кари; от настоящего труда Скилака сохранились лишь незначительные фрагменты; VI в. до н. э.

Плавание вокруг обитаемой Европы, Азии и Ливии (это сочинение было приписано Скилаку ошибочно; оно создано, скорее всего, уже в IV в. до н. э.).

* *Periplus Scylacis // Geographi Graeci minores* / ed. K. Müller. Paris : Didot, 1855. Vol. 1. P. 15–96. (Репринт: Hildesheim : Olms, 1965).

* [Скилак Кариандский]. Перипл обитаемого моря / пер. Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1. С. 253–266; № 2. С. 260–269.

Стефан Византийский – греческий эрудит; VI в. н. э.

Этника (эпитома)

* *Stephan von Byzanz. Ethnika* / ed. A. Meineke. Berlin : Reimer, 1849. 713 p. (Репринт: Graz : Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1958).

Страбон – греческий географ и историк из Амасиса; ок. 68–26 гг. до н. э.

География

* *Strabonis geographica* / ed. A. Meineke. Leipzig : Teubner, 1877. 3 vols. (Репринт: Graz : Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1969).

* Страбон. География в 17 книгах / пер. Г. А. Стратановского. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1964. 943 с. (Репринт: М.: Ладомир, 1994).

Схолии к Аристофану – позднеантичные и византийские пояснения к комедиям Аристофана.

* *Scholia in Aristophanem* / ed. W. J. W. Koster [et al]. Groningen : Bouma, 1960–2007. 4 vols.

Корпус схолий к Аристофану издан в четырех частях, каждая из которых делится на несколько выпусков.

Pars I. (1A) «Прологомены» к комедиям, ed. W. J. W. Koster (1975); (1B) схолии к «Ахарням», ed. N. G. Wilson (1975); (2) схолии к «Всадникам», ed. D. Mervyn Jones, N. G. Wilson (1969); (3.1) древние схолии к «Облакам», ed. D. Holwerda (1977); (3.2) новые схолии к «Облакам», ed. W. J. W. Koster (1974).

Pars II. (1) схолии к «Осам», ed. W. J. W. Koster (1978); (2) схолии к «Миру», ed. D. Holwerda (1982); (3) схолии к «Птицам», ed. D. Holwerda (1991); (4) схолии к «Лисистрате», ed. J. Hangard (1996).

Pars III. (1a) древние схолии к «Лягушкам», ed. M. Chantry (1999); (1b) новые схолии к «Лягушкам», ed. M. Chantry (2001); (2/3) схолии к «Женщинам на празднике Фесмофорий» и к «Женщинам в народном собрании», ed. R. F. Regtuit (2007); древние схолии к «Плутосу», ed. M. Chantry (1994); (4b) новые схолии к «Плутосу», ed. M. Chantry (1996).

Pars IV. Комментарии Иоанна Цеца: (1) к «Плутосу», ed. L. Massa Positano (1960); (2) к «Облакам», ed. D. Holwerda (1960); (3) к «Лягушкам» и «Птицам», ed. W. J. W. Koster (1962); (4) Указатели (1964).

Схолии к Пиндару – позднеантичные и византийские пояснения к сочинениям Пиндара.

* *Scholia vetera in Pindari carmina* / ed. A. B. Drachmann. Leipzig : Teubner, 1903–1927. 3 vols. (Репринт: Amsterdam : Hakkert, 1966–1969).

Схолии к Фукидиду – позднеантичные и византийские пояснения к Фукидиду.

* *Scholia in Thucydidem ad optimos codices collata* / ed. K. Hude. Leipzig : Teubner, 1927. 434 p. (Репринт: New York : Arno, 1973).

Тимей – греческий историк из Тавромения на Сицилии; ок. 350–250 гг. до н. э.

Фрагменты

* *Timaei fragmenta* // *Fragmenta Historicorum Graecorum* / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1841. Vol. 1. P. 193–233. (= FgrHist, № 566).

Тиртей – греческий поэт из Спарты; VII в. до н. э.

Элегии

* *Tyrtaeus. Testimonia et fragmenta* // *Poetarum elegiacorum testimonia et fragmenta* / ed. B. Gentili, C. Prato. Leipzig : Teubner, 1988. P. 6–39.

* Тиртей. Благозаконие. К согражданам / пер. В. Латышева, Г. Церетели, В. Ярхо // *Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э.* Эпос, элегия, ямбы, мелика. М. : Ладомир, 1999. С. 232–236.

* Тиртей / пер. Г. Церетели, О. Румера, В. Латышева // *Античная лирика*. М. : Худож. лит., 1968. С. 128–131.

Тит Ливий – римский историк; 59 г. до н. э. – 17 г. н. э.

История Рима от основания Города

* *Titi Livi. Ab urbe condita* / ed. R. Conway, C. Walters, A. McDonald, P. Walsh, S. Johnson. Oxford : Clarendon Press, 1914–1999. 6 vols.

* Тит Ливий. История Рима от основания Города : в 3 т. / пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнина. М. : Наука, 1989–1993.

Феопомп – греческий историк с острова Хиос; ок. 376 – после 315 г. до н. э.

Фрагменты

* *Theopompi fragmenta* // *Fragmenta Historicorum Graecorum* / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1841. Vol. 1. P. 278–333. (= FgrHist, № 115).

Феопопп Комик – греческий комический поэт, представитель древней комедии, современник Аристофана; V–IV вв. до н. э.

Фрагменты

* Theopompos. Fragmenta // Comicorum Atticorum fragmenta / ed. T. Kock. Leipzig : Teubner, 1880. Vol. 1. P. 733–756.

* Theopompos. Fragmenta // Fragmenta comicorum graecorum / ed. A. Meineke. Berlin : Reimer, 1840. Vol. 2.2. P. 792–810.

Филодем – греческий поэт, философ-эпикурец из Гадары; после 110 – ок. 35 г. до н. э.

О музыке

* Philodemi. De musica librorum quae extant / ed. I. Kemke. Leipzig : Teubner, 1884. 112 p.

Филострат (Флавий Филострат Старший) – греческий писатель, представитель «второй софистики»; ок. 178–248 гг. до н. э.

Жизнь Аполлония Тианского

* Philostratu ta es ton Tyanea Apollonion // Flavii Philostrati quae supersunt. Philostrati Junioris Imagines. Callistrati Descriptiones / ed. C. L. Kayser. Zürich : Meyer et Zeller, 1844. P. 1–198.

* Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / пер. Е. Г. Рабинович. М. : Наука, 1985. 328 с.

Флегон – греческий историк и парадоксограф (составитель сочинений о чудесных и необычных вещах) из Тралл в Кари; II в. н. э.

Фрагменты

* Phlegontis Tralliani fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1849. Vol. 3. P. 602–624. (= FgrHist, № 257, 257a).

Фотий – византийский богослов, Константинопольский патриарх, один из главных представителей византийского ренессанса IX в.; ок. 820–896 гг. н. э.

Лексикон

* Photiou tou Patriarchou Lexeon synagoge [= Photii Lexicon] e Codice Galeano / ed. R. Porson. Lipsiae : C. H. F. Hartmanni, 1823. 2 vols.

Фукидид – греческий историк; ок. 460–396 гг. до н. э.

История

* Thucydidis Historiae / ed. H. S. Jones, J. E. Powell. Oxford : Clarendon Press, 1942. 2 vols. (Перинт: vol. 1: 1970; vol. 2: 1967).

* Фукидид. История : в 2 т. / пер. Ф. Мищенко в перераб. С. Жебелёва. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915.

* Фукидид. История / пер. Г. А. Стратановского. Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1981. 244 с.

Элиан (Клавдий Элиан) – греческий писатель из Пренесте в Лациуме; ок. 175–235 гг. н. э.

Пестрые рассказы

* Claudii Aeliani Varia historia, epistolae, fragmenta / ed. R. Hercher. Leipzig : Teubner, 1864. P. 1–332. (Репринт: Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1971).

* Элиан. Пестрые рассказы / пер. С. В. Поляковой. М. : Наука, 1964. 186 с. (Репринт: М. : Ладомир, 1995).

Элий Аристид – греческий оратор, представитель «второй софистики»; ок. 117–190 гг. н. э.

Панафинейкая речь

* Aristides. Panathenaikos // Aristides / ed. W. Dindorf. Leipzig : Reimer, 1829. Vol. 1. P. 150–320. (Репринт: Hildesheim : Olms, 1964).

Эсхил – греческий трагический поэт; 525–456 гг. до н. э.

Трагедии; фрагменты

* Aeschyli septem quae supersunt tragoediae: accedunt tetralogiarum ad has fabulas pertinentium fragmenta elegiae, poetae vita, operum catalogus, Suidae et marmoris Parii testimonia / ed. G. Murray. Oxford : Clarendon Press, 1955. 375 p. (Репринт: 1960).

* Die Fragmente der Tragödien des Aischylos / ed. H. J. Mette. Berlin : Akademie-Verlag, 1959. 255 p.

* Эсхил. Трагедии / пер. Вяч. Иванова. М. : Наука, 1989. 590 с.

* Фрагменты несохранившихся трагедий Эсхила / пер. М. Л. Гаспарова // Эсхил. Трагедии. М. : Наука, 1989. С. 268–306, коммент. 551–555.

Эфор – греческий историк из Кимы Эолийской в Малой Азии; ок. 405–330 гг. до н. э.

Фрагменты

* Ephori fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Müller. Paris : Didot, 1841. Vol. 1. P. 234–277. (= FgrHist, № 70).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса / Ю. В. Андреев // Античная Греция. В 2 т. Т. 1 : Становление и развитие полиса. – М. : Наука, 1983. – С. 194–216.

Зайков А. В. К вопросу о статусе лакедемонских периэков. Ч. 1 и 2 / А. В. Зайков // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – Т. 2. – С. 5–16.

Зайков А. В. К вопросу о статусе лакедемонских периэков. Ч. 1 и 2 / А. В. Зайков // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Т. 3. – С. 69–85.

Зайков А. В. Илоты и их земельные наделы: взгляд на проблему с точки зрения юридической концепции прав на чужие вещи / А. В. Зайков // Античная древность и средние века. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Вып. 39. – С. 5–13.

Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики) / Л. Г. Печатнова. – СПб. : Гуманитарная академия, 2001. – 510 с.

Хэммонд Н. Дж. Л. Пелопоннес / Н. Дж. Л. Хэммонд // Расширение греческого мира, VIII–VI вв. до н. э. (Кембриджская история древнего мира. Т. 3, ч. 3) / пер. и коммент. А. В. Зайкова. – М. : Ладомир, 2007. – С. 382–429.

Дополнительная

Андреев Ю. В. Архаическая Спарта. Искусство и политика / Ю. В. Андреев. – СПб. : Нестор-История, 2008. – 342 с.

Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах / Ю. В. Андреев. – СПб. : Алетей, 2004. – 336 с.

Джордан Б. Цари и илоты / Б. Джордан // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Т. 3. – С. 46–68. (На англ. языке, резюме на рус. языке.)

Еремин А. Ю. К типологии поселений спартанских периэков / А. Ю. Еремин // Античная древность и средние века. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – Вып. 32. – С. 29–41.

Еремин А. Ю. Спартанские периэки: социально-терминологический анализ / А. Ю. Еремин // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 71. – С. 179–183.

Зайков А. В. Периэки в структуре спартанского полиса / А. В. Зайков // Античная древность и средние века. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – Вып. 24. – С. 19–29.

Зайков А. В. Территориальная экспансия Лакедемона и становление спартанского полиса / А. В. Зайков // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1991. – Сер. 2, вып. 3. – С. 24–29.

Зайков А. В. Спартанские ксенеласии / А. В. Зайков // Античная древность и средние века. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – Вып. 30. – С. 6–25.

Зайков А. В. Скириты и вопрос о лакедемонском гражданстве / А. В. Зайков // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – Т. 4. – С. 26–58.

Курилов М. Э. Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты / М. Э. Курилов. – Саратов : Научная книга, 2005. – 96 с.

Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности / В. В. Латышев. – СПб. : Алетея, 1997. – С. 89–125. (Раздел II: Спартанское государство).

Линк Ш. Спартанская илютия: характер и происхождение / Ш. Линк // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Т. 3. – С. 36–45. (На англ. языке, резюме на рус. языке.)

Старкова Н. Ю. Притяжение древней Спарты : в 2 ч. / Н. Ю. Старкова. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ГУ, 2002. – 101 с. + 102 с.

Старкова Н. Ю. Изучение проблем спартанской истории в новейшей немецкой историографии / Н. Ю. Старкова // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 7. – С. 99–108.

Старкова Н. Ю. Диодор Сицилийский о Спарте и Пелопоннесском союзе / Н. Ю. Старкова // Вестник Удмуртского университета. – 2010. – Вып. 3. – С. 87–91.

Старкова Н. Ю. Пелопоннесский союз в источниках и историографии / Н. Ю. Старкова. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ГУ, 2010. – 338 с.

Строгецкий В. М. Возникновение и структура Пелопоннесского союза / В. М. Строгецкий // Из истории античного общества. – Горький, 1975. – Вып. 1. – С. 1–18.

Строгецкий В. М. Полис и империя в классической Греции / В. М. Строгецкий. – Н. Новгород : Изд-во НГПИ, 1991. – 244 с.

Строгецкий В. М. Афины и Спарта: борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг. до н. э.) / В. М. Строгецкий. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 291 с.

Веб - ресурсы

<http://www.ancientrome.ru> (русскоязычный сайт по античной истории)

<http://www.csad.ox.ac.uk/Laconia/intro.html> (Laconia Survey Inscriptions)

<http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/home.html> (сайт LacusCurtius)

<http://www.csun.edu/~hcfl004/sparta.html> (сайт Materials for the Study of Ancient Sparta)

<http://antiquitas.ru/> (Словарь Любкера)

<http://www.nottingham.ac.uk/classics/research/projects/sparta.aspx> (Проект Sparta in Comparative Perspective)

<http://www.sparta.markoulakispublications.org.uk/> (ΣPARTA / Journal of Ancient Spartan and Greek History)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения, используемые в библиографических описаниях

сл.	следующая страница
слл.	следующие страницы
стб.	столбец
AD	Anno Domini (лат.) – от Рождества Христова (= н. э., нашей эры; Р. Х.)
Aufl.	Auflage (нем.) – издание (книги)
Anm.	Anmerkung (нем.) – примечание, сноска
B.C.	before Christ (англ.) — до Рождества Христова (= до н. э., до нашей эры; до Р. Х.)
Bd	Band (нем.) – том
ca./с.	circa (лат.) – около
F	Fragment (нем.) – фрагмент (с указанием его номера) в издании «Фрагментов греческих историков» Ф. Якоби (FGrHist)
F., f.	fasciculus (лат.) = fascicle (англ.) = fascicule (фр.) = fascicolo (ит.) – отдельный выпуск (книги, периодического издания)
f.	following page (англ.) = folgende Seite (нем.) – следующая страница
ff.	following pages (англ.) = folgende Seiten (нем.) – следующие страницы
fr.	fragmentum (лат.) – фрагмент
H.	Heft (нем.) – выпуск; (отдельный) номер (журнала); брошюра
ibid.	ibidem (лат.) – там же (в том же сочинении)
id.	idem (лат.) – тот же; он же (об авторе)
Jahrh.	Jahrhundert (нем.) – столетие, век
not.	note (англ.) = note (фр.) – примечание, сноска
Op. cit.	opus citatum / opere citato (лат.) – указанное сочинение / в процитированной работе
P., p.	pagina (лат.) = page (англ.) = page (фр.) – страница
Pl., pl.	plate (англ.) – иллюстрация (как правило, на отдельном листе); вклейка

S.	Seite (нем.) – страница
Sp.	Spalte (нем.) – колонка
sq.	sequens (лат.) – следующая страница
sqq.	sequentia/ sequentes (лат.) – следующие страницы
s. v.	sub verbo или sub voce = «под словом», «под выражением» (это латинское сокращение употребляется при указании на статью в словаре, справочнике, энциклопедии и т. п.)
T.	tomus (лат.) = tome (англ.) = tome (фр.) – том журнала, альманаха; часть большой книги
T.	Teil (нем.) – часть тома, выпуска
Vol.	volumen (лат.) = volume (англ.) = volume (фр.) = volume (ит.) – том, книга

Сокращения названий периодических изданий, словарей, энциклопедий и сводов древних источников

АДСВ	Античная древность и средние века
ВДИ	Вестник древней истории
Дворецкий	Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М., 1958.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗНУ	Записки Новороссийского университета
СИЭ	Советская историческая энциклопедия
AB	Anecdota graeca / ed. I. Bekker. Berlin : Nauck, 1814–1821. 3 vols.
ABSA	Annual of the British School at Athens
AJA	American Journal of Archaeology
AJP	American Journal of Philology
AM	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
AW	The Ancient World
BCH	Bulletin de Correspondance Hellénique
BGU	Berliner griechische Urkunden. Berlin, 1895– .
Benselers	Benselers Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1990.
BSAS	British School at Athens Studies
CA	Classical Antiquity

CAH	Cambridge Ancient History (CAH ⁽²⁾ – второе издание; CAH ⁽³⁾ – третье издание)
CP	Classical Philology
CQ	Classical Quarterly
DS	Daremberg S., Saglio B., Pottier E. Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines. Paris, 1877–1919
FgrHist	Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Weidmann ; Berlin, 1923–1958. 3 vols.
HZ	Historische Zeitschrift
IG	Inscriptiones Graecae
JHS	Journal of Hellenic Studies
LSJ	Liddell H. G., Scott E. Greek-English Lexicon / rev. by S. Jones, R. McKenzie. Oxford, 1982
Parke and Wormell	Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Oxford : Blackwell, 1956. 2 vols. (Vol. 1 : История Дельфийского оракула; vol. 2 : Собрание оракульных ответов)
Peek, GV	Peek W. Griechische Vers-Inschriften. Bd 1 : Grab-Epigramme. Berlin : Akademie-Verlag, 1955
PP	La Parola del Passato
RE	Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. München, 1893– .
REA	Revue des Études Anciennes
REG	Revue des Études Grecques
RhM	Rheinisches Museum für Philologie
RIL	Rendiconti dell' Instituto Lombardo
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum
TAPA	Transactions of the American Philological Association

**Карта южного Пелопоннеса:
Лаконика, Мессения, частично Арготида, Аркадия и Элида**

Пояснение: прямым шрифтом даны древние названия населенных пунктов (*Геронтры*), а курсивом – современные названия (*Хрисафа*).

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Ниже представлен перечень событий, упоминаемых в тексте учебного пособия, а также событий, оказавших большое влияние на спартанскую историю.

796	Реформы Ликурга (по Евсевию)
776	Ликург и Ифит учреждают Олимпийское перемирие (по Аристотелю, Плутарху, Флегону, Павсанию)
754	Начало списка спартанских эфоров
ок. 750	Завоевание спартанцами Эгиса. Предположительное время принятия аргосцами паноплии нового типа (гоплитская реформа) (по Дельфийскому оракулу Parke and Wormell. Vol. 2, № 1)
ок. 740–720	Первая Мессенская война
736	Последний мессенский победитель в Олимпии
ок. 725	Первый каменный храм Артемиды Орфии в Спарте
716	Первый спартанский победитель в Олимпии. Лелантская война
706	Основание Тарента спартанцами
669	Битва при Гисиях, спартанцы терпят поражение от аргосцев
ок. 650	Расцвет Терпандра
ок. 650–620	Вторая Мессенская война
ок. 640	Расцвет Тиртея
632	Основание Кирены
620-е	Расцвет Алкмана
ок. 560	Война Спарты с Тегеей; присоединение Тегеи к спартанскому альянсу
556/555	Хилон – эфор-эпоним в Спарте

ок. 550	Примерное время правления царя Анаксандрида
549/548	Посольство Креза в Спарту
548	Олимпийская победа спартанца Евагора в конных ристаниях
? 546	Битва при Фиреях
544	Олимпийская победа спартанца Евагора в конных ристаниях
540	Олимпийская победа спартанца Евагора в конных ристаниях
511	Поход спартанцев против Афин
510	Второй поход спартанцев против Афин; изгнание Гиппия
ок. 510	Неудача Дориея при Геракле
508	Вторжение Клеомена в Аттику в помощь Исагору
504	Олимпийская победа Демарата в конных ристаниях
499/498	Аристагор в Спарте
494	Кампания Клеомена в Арголиде; битва при Сепее
491	Низложение Демарата
484	Олимпийская победа спартанца Полипейта в конных ристаниях
480	Вторжение Ксеркса в Грецию. Битвы при Артемисии, Фермопилах и Саламине
479	Платейская битва
478	Поход Павсания на Кипр и в Византий
ок. 473–470	Битва при Тегее
464	Землетрясение в Спарте; восстание илотов; осада Ифомы
462	Спартанцы просят Афины о помощи; отсылают отряд Кимона из Мессении
457	Спартанский поход в Дориду. Битва при Танагре
456	Капитуляция мессенцев на Ифоме
451	Пятилетнее перемирие между Спартой и Афинами. Тридцатилетний мир между Спартой и Аргосом
448	Поход спартанцев в Дельфы; вторжение в Аттику. Олимпийская победа спартанца Аркесилая в конных ристаниях
446/445	Спартанское вторжение в Аттику. Тридцатилетний мир между Спартой и Афинами
444	Олимпийская победа спартанца Аркесилая в конных ристаниях

- 440 Олимпийская победа спартамца Поликла в конных ристаниях
- 432 Олимпийская победа спартамца Ликона в конных ристаниях
- 432/431 Собрания пелопоннесских союзников в Спарте
- 431 Начало Пелопоннесской войны. Первое вторжение пелопоннесцев в Аттику
- 430 Вторжение пелопоннесцев в Аттику. Вспышка «чумы» в Афинах. Поход Перикла в Пелопоннес
- 429 Вторжение пелопоннесцев в Аттику
- 428 Кратковременное вторжение пелопоннесцев в Аттику. Афинская эскадра грабит перизкские земли. Олимпийская победа спартамца Александра в конных ристаниях
- 427 Вторжение пелопоннесцев в Аттику
- 425 Вторжение пелопоннесцев в Аттику. Укрепление Пилоса. Захват афинянами острова Сфактерия
- 424 Экспедиция Брасида в Халкидику. Олимпийская победа спартамца Льва в конных ристаниях
- 423 Один год перемирия между Спартой и Афинами
- 422 Гибель Брасида
- 421 Никиев мир. Илоты, участвовавшие в походе Брасида, получают свободу
- 421/420 Союз между Спартой и Беотией
- 420 Олимпийская победа спартамца Лиха в конных ристаниях
- 418 Битва при Мантинее. 50-летний мир между Спартой и Аргосом
- 415 Бегство Алкивиада в Спарту
- 413 Вторжение спартамцев в Аттику и захват Декелеи
- 412/411 Персидско-спартамские переговоры. Командиром одной из спартамских эскадр является перизк Диниад
- 410 Поражение спартамцев при Кизике. Афины отвергают спартамские мирные предложения
- 407 Лисандр – спартамский наварх
- 406 Победа пелопоннесцев при Нотии и поражение при Агинусах. Афины отвергают спартамские мирные предложения
- 405 Лисандр фактически командует флотом. Битва при Эгоспотомах

405–404	Осада Афин
404	Сдача Афин, снос Длинных стен
403	Падение Лисандра
401–399	Война Спарты с Элидой
400	Спарта объявляет войну Тиссаферну
399	Агесилай – царь Спарты. Заговор Кинадона
396	Агесилай в Малой Азии. Колесница Киниски побеждает в Олимпии
395	Начало Коринфской войны
394	Битва при Книде; успехи спартанцев при Немее и Коронее
393	Фарнабаз и Конон совершают набеги на побережье Лаконики и захватывают остров Киферу
392	Колесница Киниски побеждает в Олимпии
396	Колесница Ксенарха побеждает в Олимпии
386	Анталкидов мир
384	Поход Агесиполида против Мантиней
382	Спартанец Фебид захватывает Кадмею
378	Поход Агесилая в Беотию
371	Каллиев мир между Спартой и Афинами. Битва при Левктрах
370/369, зима	Поход фиванцев в Лаконику
ок. 369	Основание Мегалополя
362	Битва при Мантинее
362/361	Всеобщий мир в Греции (исключая Спарту)
332	Восстание Агиса III против Македонии
244–241	Агис IV – царь Спарты
243	Ретра Лисандра
222	В войско Клеомена III включены илоты; Антигон побеждает Клеомена при Селассии и захватывает Спарту
196	Римский полководец Фламинин провозглашает «Свободу Эллады» на Истмийских играх

КСЕНОФОНТ ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ¹

Содержание. **I. Воспитание и образование юношества.** Законодательство Ликурга относительно брака и детей (гл. 1). Воспитание мальчиков до 18-летнего возраста (гл. 2). Воспитание юношей от 18- до 20-летнего возраста (гл. 3). Воспитание юношей от 20 до 30 лет. Образование мужчин от 30 до 60 лет (гл. 4). **II. Устройство жизни граждан.** Общий стол (гл. 5). Общинное устройство в отношении детей, рабов и имущества (гл. 6). Запрещение прибыли (гл. 7). **III. Исполнение добродетелей.** Послушание (гл. 8). Храбрость и презрение к смерти (гл. 9). Добродетели старшего возраста (гл. 10). **IV. Военное дело.** Вооружение и разделение войска. Тактика (гл. 11). Лагерная жизнь (гл. 12). Образ жизни царя в военное время (гл. 13). Падение лакедемонского государства (гл. 14). Отношение царя к городу (гл. 15).

Глава первая ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИКУРГА ОТНОСИТЕЛЬНО БРАКА И ДЕТЕЙ

(1) Размышляя о том, каким образом такой крайне олигархический² город, как Спарта, оказался могущественнейшим и знаменитейшим городом Эллады, я не мог понять, как это случилось, но когда вдумался в образ жизни спартанцев, перестал удивляться. (2) Я только удивляюсь

¹ Публикуется по изданию: Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках / пер. Г. А. Янчевецкого. Киев, 1880. Вып. 5 : Мелкие статьи. С. 45–64. (В данном издании перевод трактата был опубликован под названием «Лакедемонское государство».) Помещенное перед первой главой Содержание принадлежит переводчику. Наши уточнения перевода вынесены в подстрочные примечания.

² В действительности у Ксенофонта Спарта названа не самым олигархическим, а одним из самых малолюдных полисов.

Ликургу и считаю его величайшим мудрецом, потому что именно он дал спартамцам такие законы, повиновение которым доставило им счастье. Но Ликург возвысил свой отечественный город отнюдь не подражанием другим городам; напротив, то, что он думал, противоречило тому, что думала большая часть других городов.

(3) Начну с самого начала – рождения детей. Обыкновенно люди думают, что хорошо воспитывают своих дочерей – будущих матерей, когда дают им как можно меньше хлеба и еще меньше приправ к хлебу; от вина или вовсе удерживают, или дают, разбавив его водой, и в роде того как ремесленники обыкновенно сидят за своей работой, так точно все эллины требуют, чтобы их дочери сидели дома и пряли шерсть. Как же после этого желать, чтобы дитя от воспитанной таким образом женщины обещало что-либо особенное? (4) Между тем Ликург, выходя из той мысли, что удовлетворительное платье могут приготовить и рабыни, а для свободных важнее всего дети, прежде всего постановил, чтобы женский пол занимался развитием тела ничуть не менее мужского. Поэтому он учредил для женщин такие же, как и для мужчин состязания в беге и в крепости мышц, именно основываясь на том, что от здоровых и сильных супругов и дети будут сильные и здоровые. (5) Когда же невеста отправлялась к своему супругу, то Ликург, зная обычную на первых порах неумеренность супругов, и в этом случае поступил не так, как другие. Он постановил правило: «стыдно супругу быть замеченным входящим; стыдно быть замеченным и выходящим». А при таких отношениях супруги непременно сохраняют более взаимной страсти, и дети таких родителей будут исполнены гораздо большей силы, чем дети, рождаемые при взаимном пресыщении. (6) Кроме того, он вывел из обычая брать жену когда кому захочется, и установил, чтобы браки совершались в цветущую пору организма, полагая, что и это важно для хорошего рождения; (7) а на тот случай, когда старый муж имеет молодую жену, Ликург, который видел, что люди такого возраста особенно смотрят за своими женами, поступил и здесь не так, как везде: он постановил, чтобы старый муж для этой цели приглашал в свой дом такого мужчину, который ему нравится своими внешними и внутренними достоинствами. (8) Опять же, на тот случай, когда кто не хочет жить со своей, но желает иметь хороших детей, Ликург и здесь постановил, чтобы такой муж имел детей по согласию с мужем чужой жены, от которой бывают здоровые и хорошие дети. (9) В этом роде он сделал много отступлений, потому что, действительно, как женщины охотно управляют двумя домами, так и мужчины охотно принимают к своим детям других братьев, именно тех,

которые приписываются к роду и сословию³, но не имеют прав на имущество. (10) Пусть же теперь всякий смотрит, доставил ли Ликург Спарте людей, отличающихся ростом и силою, когда ввел обычаи, противоположные обычаям других народов.

Глава вторая ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ ДО 18-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

(1) Рассказав о рождении, я намерен ясно изложить и воспитание детей обоего пола. Обыкновенно те эллины, которые говорят, что хорошо воспитывают своих детей, делают так. Коль скоро дети начнут понимать, что к ним говорят, тотчас приставляют к ним педагогов – своих служителей и прямо посылают к учителям учиться грамоте, музыке и занятиям в палестре. В то же время ноги их изнеживают башмаками⁴, и все тело множеством платья, а что касается пищи, то мерой для них считают их желудок. (2) Ликург, вместо того чтобы каждый отдельно приставлял рабов-педагогов, назначил из среды лиц, избирающихся для высших должностей, одно лицо, называемое педономом, чтобы оно ведало детьми. Этому лицу он предоставил право собирать детей и в случае провинностей строго наказывать, для чего ему даны были биченосцы, которые и наказывали в случае надобности. Вследствие этого у юношей было много стыда и много послушания. (3) Дальше. Вместо того чтобы изнеживать ноги башмаками⁵, он установил, чтобы ноги укреплять не обуваясь, имея в виду, что при таком упражнении детям будет легче ходить по ровному месту, безопаснее по покатоуму и гораздо удобней соскакивать, вскакивать и бежать. (4) Точно так же, во избежание изнеженности, он постановил, чтобы дети целый год привыкали к одному платью, потому что это лучше всего приучает к холоду и к жаре. (5) Относительно пищи он предложил, чтобы мужчина столько имел при себе пищи, чтобы пресыщение никогда не довело его до отяжеления, и, с другой стороны, – чтобы ему не чужда была недостаточность. Он полагал, что при таком воспитании человек, в случае надобности, более может выносить не-

³ Правильнее переводить так: «приобщаются к их роду и влиянию».

⁴ Здесь все же имеются в виду, очевидно, сандалии.

⁵ См. предыдущее примечание.

ядение, а в случае приказаний долее может прожить за одним хлебом, менее станет нуждаться в приправах и охотнее возьмется за всякую пищу. (6) Кроме того, он полагал, что пища, делающая организм более легким, способствует росту тела и избавляет от тучности. А чтобы не слишком мучил голод и чтобы было чем подкрепиться, он дозволил доставать необходимое, но не без труда, а воровать. (7) Но всякий поймет, что придумывание⁶ пищи он допустил отнюдь не потому, что не мог ничего более придумать. Кто намерен воровать, тот должен ночью не спать, днем обманывать, подстерегать, иметь лазутчиков. Таким образом, желая сделать их более изобретательными в пище, он воспитывал их и для войны. (8) Быть может, скажут: зачем же он, одобряя воровство, положил сильное наказание для пойманного? Затем, отвечаю, что люди и в других случаях наказывают, кто не хорошо исполняет то, чему его учат. Наказывают за то, что плохо воруют. (9) Точно так же он признал за славное дело утащить как можно больше сыров из жертвенника Артемиды Орфии, а в то же время другие должны были таковых наказывать плетью. Ликург желал и здесь показать, что там, где требуется скорость, ленивый получает пользы мало, а хлопот много.

(10) На случай отсутствия педонома, чтобы мальчики не оставались без начальника, он установил, чтобы всякий из присутствующих граждан принимал власть, делал известные приказания и за проступки наказывал. Этим он достиг большей стыдливости мальчиков, потому что как мальчики, так и взрослые никого так не стыдятся, как своих начальников. (11) Но чтобы и в отсутствии гражданина мальчики не оставались без начальника, он положил, чтобы в каждом отделении⁷ начальствовал тот, кто бойчее из выступивших из отрочества⁸. Таким образом у них мальчики никогда не остаются без начальника.

(12) Считаю нужным сказать и о любви к мальчикам, так как и это относится к воспитанию. У других эллинов бывает так: у одних, например у беотийцев, взрослый и мальчик живут в самой тесной связи; другие, например элейцы, пользуются красотой за подарки; третьи (афиняне⁹) положительно запрещают общаться с мальчиками. (13) Ликург и здесь поступил иначе: он одобрил, когда кто, сам будучи каким следует

⁶ Здесь имеется в виду «добывание», «придумывание способов добывания».

⁷ У Ксенофонта говорится об *иле* – так в Спарте называли отряд молодежи.

⁸ Речь идет об *иренах* – спартанцах, достигших 20 лет.

⁹ Это – дополнение переводчика; в тексте у Ксенофонта не уточняется, что здесь имеются в виду именно афиняне.

и полюбив душу мальчика, старается сделать из него безукоризненного друга и сообщника; и такое воспитание признавал самым высоким. Но он признал крайне позорным, когда кто выкажет стремление к телу мальчика, и постановил, чтобы в Лакедемоне любители мальчиков относились к последним, как родители к детям, и так же чуждались их любви, как братья чуждаются любви к сестрам.

(14) Я не удивляюсь, что некоторые не верят этому, тем более что во многих государствах нисколько не противодействуют любви к мальчикам. (15) Во всяком случае, воспитание лакедемонян и других эллинов именно такое, как сказано. Которое дает мужей более послушных, более скромных и более твердых, желающий может видеть из следующего.

Глава третья ВОСПИТАНИЕ ЮНОШЕЙ ОТ 18- ДО 20-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

(1) Когда дети вступают в юношеский возраст, то в прочей Элладе их оставляют и педагоги, и учителя; они вне всякой подчиненности и остаются независимы. (2) Ликург и здесь поступил иначе. Зная, что в этом возрасте самой природой дается сильное воображение, крайняя самонадеянность и особенная жажда удовольствий, он наложил на этот возраст возможно большие труды, лишив его всякого досуга. (3) А так как он постановил, что уклонившийся от требований не принимает дальнейшего участия в прекрасном, то этим сделал то, что не только власти, но и частные лица стали стараться, чтобы в городе не было лиц, за небрежность лишенных гражданской чести. (4) Наконец, стараясь всячески внушить юношам стыдливость, он предписал: на пути держать руку в платье, идти молча, по сторонам не оглядываться и смотреть только перед ногами. Таким образом оказалось, что мужской пол превзошел женский даже в скромности. (5) По крайней мере, скорее можно услышать звуки от камня, чем от этих юношей, труднее повернуть их глаза, чем если бы они были у них медные, и их можно признать скромнее теремных девушек. А когда они являются к общему столу (филитии), то нужно довольствоваться только тем, что они ответят на вопрос. Такова была забота Ликурга об юношах.

Глава четвертая
ВОСПИТАНИЕ ОТ 20 ДО 30 ЛЕТ.
ОБРАЗОВАНИЕ МУЖЧИН ОТ 30 ДО 60 ЛЕТ

(1) Заботы Ликурга о мужающих были еще больше, так как он понимал, что все благо города зависит преимущественно от того, если они будут такими, как следует. (2) Имея в виду, что где есть соревнование, там и хоры достойны большего внимания, и гимнастические состязания красивее, он пришел к мысли, что если и мужающих побудить к соревнованию, то и они будут достигать высокой степени добродетели. Как он побудил их, я расскажу.

(3) Из числа тех, которые находятся в цветущем возрасте, эфоры избирают трех человек, называемых *гиппагретами*. Из этих каждый избирает 100 человек, ясно указывая, кому и за что дается преимущество, и кто и за что лишается его. (4) Поэтому не получившие почести становятся враждебны не только к тем, кто им отказывает, но и к тем, которые выбраны вместо них, и таким образом взаимно следят за упущениями против принятых требований. (5) Отсюда выходит то наиболее милое богам и наиболее полезное для гражданской жизни соревнование, в котором выказывается, что должен делать хороший гражданин, и в то же время каждая сторона постоянно старается быть лучше; вот почему, в случае надобности, все силы каждого лица идут на помощь городу.

(6) Но они должны заботиться и о благосостоянии организма. Поэтому, из соревнования же, они везде при встречах вступают в кулачные бои, но при этом всякий присутствующий вправе разнять бьющихся, а если кто не слушается, то педоном ведет того к эфорам, которые строго наказывают, так как требуют, чтобы гнев никогда не пересиливал чувства повинности законам. (7) Что же касается тех, которые вышли из мужающего возраста и из которых поставляются важнейшие должностные лица, то в противоположность прочим эллинам, которые снимают с этого возраста заботы о крепости тела и требуют только участия в войне, Ликург постановил, что для таких лиц, если им не мешают общественные дела, наиболее приличное занятие — охота, чтобы таким образом и этот возраст мог переносить военные труды ничуть не менее мужающих.

Глава пятая

УСТРОЙСТВО ЖИЗНИ ГРАЖДАН. ОБЩИЙ СТОЛ

(1) Таковы занятия, установленные Ликургом для каждого возраста. Я постараюсь изложить и о том общем столе, который он учредил для граждан. (2) Ликург застал, что спартанцы, подобно прочим эллинам, обедали дома. Зная, что при таком питании бывает очень много уклонений, он сделал его публичным, предполагая, что в таком случае требования будут менее нарушаться. (3) Таким образом он хлеба назначил столько, чтобы не наполняться чрез меру и не чувствовать недостатка. Часто бывают особые поступления от охоты, а богатые люди иногда прибавляют пшеничный хлеб. Но вообще, что касается пищи, стол не остается беден кушаньями и никогда не бывает роскошным. (4) В отношении напитков он удалил напитки не необходимые, которые расслабляют тело и мысли, и дозволил пить только тогда, когда есть жажда, признавая такое питье наиболее безвредным и наиболее приятным. А при таком обеде возможно ли, чтобы кто-нибудь от обжорства или от пьянства повредил себе или разорил свой дом?

(5) В других городах обыкновенно общества составляются из сверстников, отчего в таких обществах менее всего бывает скромности, но Ликург смешал возрасты и заставил юношей воспитываться под влиянием опытности старших. (6) Действительно, у них принято за обедом говорить только о том, кто и какие мог бы оказать услуги городу, и потому у них никогда не бывает дурных речей или дурных поступков, от дерзости или от буйства. (7) Это происходящее вне дома питание ведет еще к следующим хорошим последствиям: так как при возвращении домой им приходится делать разные обходы, то обедающие должны стараться, чтобы не шататься от вина. Они знают, что оставаться там, где обедали, они не будут, и что в сумерках должны держаться так же, как днем, тем более что не выполнившему военной повинности не дозволяется ходить с фонарем. (8) Ликург заметил, что при одинаковой пище одни – и именно трудящиеся – отличаются хорошим цветом кожи, здоровьем тела и крепостью мышц, другие – не трудящиеся – оказываются раздутыми, невзрачными и бессильными. Он и этого не оставил без внимания. Имея в виду, что даже тот, кто сам для себя трудится, отличается готовым на все организмом, Ликург постановил, чтобы в каждой гимнасии старший смотрел, чтобы никто не оказывался рабом пищи. И я думаю, что он и здесь не поступил ошибочно. Действительно, нелегко найти людей, которые

были бы здоровее и сильнее спартанцев, потому что они одинаково развивают и ноги, и руки, и шею.

Глава шестая

ОБЩИННОЕ УСТРОЙСТВО В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ, РАБОВ И ИМУЩЕСТВА

(1) Противоположно другим городам Ликург поступил и в следующем. Повсюду каждый человек распоряжается своими детьми, слугами и имуществом, но Ликург, желая достигнуть, чтобы граждане наслаждались благами, не мешая друг другу, установил, чтобы каждый одинаково распоряжался и своими детьми, и чужими. (2) А когда кто видит перед собой родителей находящихся в его власти детей, то он необходимо будет так распоряжаться, как он желал бы, чтобы распоряжались его детьми. Если мальчик, получив удары, заявляет своему отцу, то считается стыдом не нанести новых ударов сыну. Вот насколько они уверены в невозможности предосудительных требований от своих сыновей. (3) Он установил также, на случай надобности, пользование чужими рабами. Далее он ввел общность охотничьих собак, так что кому нужно, тот кличет их, и кому недосуг самому идти на охоту, тот охотно дает. Такое же обращение и с лошадьми. Больной или нуждающийся в езде или желающий поскорее прибыть куда-либо, если видит лошадь, берет, пользуется ею и опять ставит на прежнее место. (4) Он ввел еще следующий, вовсе не существующий у других, обычай. Если кто запоздает на охоте, и ему понадобится съестное, а своих запасов не окажется, то на этот раз он постановил, чтобы те, кто что имеет готовое, оставляли, и тогда нуждающиеся вскрывают печать [на кладовых], берут что нужно и остальное опять печатают. При такой взаимной помощи даже небогатым людям в случае надобности достается все, что производит страна.

Глава седьмая

ЗАПРЕЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ

(1) Следующие спартанские положения Ликурга тоже не походят на принятые повсюду. В других городах всякий обогащается как только может: одни земледелием, другие корабельным делом, третьи торговлею, четвер-

тые ремеслами. (2) В Спарте Ликург запретил свободным гражданам все, что имеет отношение к прибыли, заставил их думать только о том, что доставляет свободу городу. (3) В самом деле, к чему старания о богатстве там, где соблюдается равенство в пропитании и доставлении припасов, и этим самым устраняются стремления к деньгам ради наслаждений. Нельзя обогащаться даже ради платья, так как они украшают себя не роскошной одеждой, но благосостоянием тела. (4) Не надо собирать денег и ради того, чтобы было что тратить на друзей, потому что он поставил гораздо выше помощь телесными трудами, чем денежными расходами, показал, что первое исходит от души, второе – от богатства. (5) Против обогащения несправедливыми путями он употребил следующее. Он ввел такую монету, десять мин которой, принесенные в дом, не скроются ни от хозяев, ни от рабов, потому что требуют большого места, а для доставления их требуется целая повозка. (6) Золото и серебро тщательно разыскиваются, и если где окажутся, владелец подвергается штрафу. К чему же поможет обогащение там, где приобретение доставляет гораздо больше неприятностей, чем удовольствия.

Глава восьмая ИСПОЛНЕНИЕ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ. ПОСЛУШАНИЕ

(1) Все мы знаем, что в Спарте полное послушание властям и законам. Но я думаю, что Ликург даже не предпринимал бы такого устройства, если бы предварительно не склонил к единомыслию высшее сословие города. (2) Доказательством этого для меня служит следующее обстоятельство. В других городах могущественные люди не желают даже, чтобы думали о них, что они боятся своих начальников, и считают это неблагородным признаком. В Спарте лучшие и высшие люди особенно покоряются начальникам и гордятся своей покорностью, и когда их зовут, они не идут медленно, а бегут, зная, что если они будут вполне повиноваться, то за ними последуют и другие. (3) Так и случилось, и они вместе с Ликургом дали силу надзору эфоров. Послушание они признали величайшим благом для города, для войска и для дома, полагая, что чем более силы будут иметь начальники, тем более они будут в состоянии внушить гражданам послушание. (4) Поэтому эфоры кого хотят, могут наказывать и наказание немедленно привести в исполнение; они вправе даже начальников устранить от должности, посадить в тюрьму и решать воп-

росы о их жизни и смерти. Так как они имеют такую великую власть, то в противоположность другим городам они не предоставляют избранным в должность управлять целый год по своему усмотрению, но, подобно князьям¹⁰ или предстоятелям в гимнастических соревнованиях, они, в случае, если заметят нарушение законов, виновных немедленно подвергают наказанию. (5) У Ликурга есть еще много других прекрасных средств для возбуждения граждан к повиновению законам. Сюда принадлежит, по моему мнению, и то, что он не прежде передал согражданам законы, пока с вельможами не отправился в Дельфы и спросил бога, будет ли для Спарты польза и слава от повиновения данным законам. И когда бог вещал – *безусловная польза*, тогда только он передал, выставив неповиновение богоутвержденным законам делом не только противозаконным, но и противобожественным.

Глава девятая

ХРАБРОСТЬ И ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ

(1) Также достойно удивления, что Ликург достиг того, что для граждан хорошая смерть предпочтительнее позорной жизни. Действительно, при внимательном наблюдении всякий найдет, что такие люди гораздо реже умирают, чем предпочитающие бежать от опасности. (2) Поистине, за мужеством следует более продолжительная жизнь, чем за трусостью, так как мужество не только удобнее и приятнее, но оно легче выполнимо и надежнее. Ясно и то, что добрая слава следует только за мужеством, потому что, можно сказать, все готовы идти за храбрыми. (3) Нельзя пропустить и того, как Ликург и этого достиг. Он для храбрых приготовил явное благополучие, а для трусов явное злополучие. (4) Во всех городах человек, оказавшийся трусом, только имя носит труса, и тем не менее одинаково с храбрыми участвует в собраниях, сидит с ними рядом и по желанию занимается гимнастическими упражнениями; но в Лакедемоне всякому гражданину стыдно сидеть за обедом рядом с трусом или бороться с трусом в палестре. (5) Часто, когда предстоятели распределяют играющих в мяч, трус остается без места; на праздничных хорах его удаляют в непочетные места; на улице он должен уступать с дороги, с места он должен вставать даже перед младшими. Кроме того, он дол-

¹⁰ У Ксенофонта речь идет о тиранах.

жен дочерей воспитывать дома, так что вина в трусости переходит даже на них, и они остаются без мужей; дом свой он должен оставлять без жены, и за это он опять подвергается штрафу. Он не может выходить, намазавшись маслом, и подражать хорошим гражданам, в противном случае подвергается ударам от лучших граждан. (6) При таком бесчестии, наложенном на трусов, я несколько не удивляюсь, что в Спарте скорее предпочитают смерть, чем такую бесчестную и позорную жизнь.

Глава десятая

ДОБРОДЕТЕЛИ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

(1) Я нахожу, что Ликург хорошо устроил и то, что поддерживал мужество до самой старости. Он установил при крайнем пределе жизни выбор геронтов (сенаторов), и этим сделал то, что добродетель блюдется даже в старости. (2) Достойно удивления и то, что он придумал для добрых старых граждан. Предоставив старикам решать уголовные дела, он этим возвысил старость над цветущим возрастом. (3) Естественно, поэтому, является здесь соревнование¹¹. Гимнастические состязания тоже хороши, но это состязания телесные, тогда как состязание геронтов произносит суд о качестве душ¹². Потому насколько душа выше тела, настолько душевные состязания выше и сильнее телесных, и в Спарте он заставил всех сограждан заботиться о добродетели; (4) и как добродетель частных лиц, но упражняющихся в добродетели, выше добродетели не упражняющихся, так и добродетель Спарты по справедливости превосходит добродетель всех городов, потому что она только здесь подлежит всеобщему состязанию. (5) Разве не заслуживает похвалы и то, что в то время как другие города наказывают только за обиды одного другому, он не меньшее наказание положил и за то, если кто явно не старается быть лучше? (6) По его мнению, люди поработавшие ближних, грабители, воры наносят вред только этим одним, но трусы и слабодушные предают целые города. Я нахожу, что крайние наказания в этом случае вполне естественны.

(7) Кроме того, он поставил в безоговорочную необходимость упражняться во всех гражданских добродетелях, именно: для выполняющих

¹¹ Имеется в виду борьба за должность геронта.

¹² Иными словами, в состязании за должность геронта важнее качества души, а не качества тела.

все требования он сделал город для всех одинаково своим, без всякого отношения к слабости тела или имущества; но если кто ленится выполнять требования, тех он не причисляет к одинаковым (равноправным) гражданам. (8) Конечно, эти законы очень древни, но, несмотря на свою древность, они для других и теперь еще новы, так как — что особенно удивительно — все хвалят эти порядки, и ни один город не хочет подражать.

Глава одиннадцатая

ВОЕННОЕ ДЕЛО.

ВООРУЖЕНИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ ВОЙСКА. ТАКТИКА

(1) Все это одинаково применимо в мире и на войне, но если кто желает знать, что он придумал лучше, чем у других, для войска, это можно видеть из следующего. (2) Прежде всего, эфоры объявляют лета, до которых должны выступать на войну как конные и пехотинцы, так и ремесленники, — в силу чего лакедемоняне в походе имеют все то, что у них есть в городе, а какие инструменты вообще могут понадобиться для войска, все это везется или на повозках, или на выючных животных. При таком порядке все, что выходит [из строя], не может остаться не пополненным. (3) Для борьбы в вооружении он придумал красную одежду и медный щит на том основании, что эта одежда имеет наименее общего с женской одеждой и наиболее годится для войны, потому что скоро чистится и не так легко пачкается. Переступившим юношеский возраст дозволил носить длинные волосы, предполагая, что в таком виде они будут казаться выше, благороднее и грознее. (4) Устроив все это, разделил граждан на моры, конные и пехотные. Каждая мора имеет своего полемарха, 4 лохага, 8 пятидесятников и 16 эномотархов. Эти моры, смотря по приказанию, распределяются на эномотии — на 2, на 3 и на 6. (5) А что касается мнения, будто лакедемонское устройство на войне представляет неудобство, то это противоречит действительности. В лакедемонском войске начальники стоят впереди [правого фланга], и каждый строй имеет все, что ему нужно. (6) Это устройство настолько просто, что всякий, кто умеет узнавать, никогда не ошибется: начальники идут впереди, подчиненные следуют за ними. Движения указывают эномотархи, как глашатаи, словами, — в силу чего строй делается то уже, то глубже, что тоже не представляет никакой трудности. (7) Что касается того, чтобы даже в случае, если смешаются ряды, сражаться в том же строе с показавшимся

неприятелем, то это могут понять только те, кто воспитывался под законами Ликурга. (8) Очень легко лакедемоняне делают и то, что считается трудным даже для учившихся военному искусству. Именно, когда они идут крылом, то эномотия следует за эномотией с тылу; а если в это время неприятель покажется с противной стороны, то эномотарху приказывается стоять фронтом, к щиту, пока против них будет неприятель. Но если при таком строе неприятель покажется с тылу, то каждый строй разворачивает свою глубину так, чтобы против неприятелей всегда были храбрейшие.

(9) Если предводитель на левом крыле, то от этого не бывает ущерба, а даже некоторые преимущества, потому что если неприятель старается окружить, то он попадает не на голую, но на вооруженную сторону; а если по какой надобности признается полезным, чтобы предводитель занимал правое крыло, то они поворачивают линию крылом и развертывают глубину, пока предводитель не будет на правом крыле, а тыл не станет левым крылом. (10) Опять же, если неприятель покажется с правой стороны, между тем как они идут крылом, тогда они ничего более не делают, как каждый лох поворачивают как корабль – носом к неприятелю, и тогда лох, который в тылу, становится направо. Наконец, если неприятель бросается на левый фланг, то они и этого не допускают, но отражают или же направляют противостоящие лохи. Тогда уже лох, стоящий в тылу, становится налево.

Глава двенадцатая ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

(1) Я расскажу, как Ликург признал нужным устанавливать лагерь. Так как углы четырехугольника в таких случаях бесполезны, особенно если нет надежной горы, стены, реки, то лагерь ставится в форме круга. Караулы он назначил дневные – одни против лагеря, из гоплитов, обращенные внутрь (эти ставятся не ради неприятелей, а ради союзников), другие конные, которые с возвышенных мест должны следить за неприятелем. (3) На случай ночных выходов из лагеря Ликург установил, чтобы за этим смотрели перед лагерем скириты, – а в настоящее время за этим смотрят, если есть, наемные солдаты. (4) А что они всегда ходят с копьями, то надо знать, что это происходит по той же причине, по которой рабы не допускаются к оружию. Не надо удивляться и тому, что уходящие за предме-

тами необходимости уходят не дальше друг от друга и от войска как настолько, чтобы не причинить взаимных бедствий. (5) Это делается тоже ради безопасности. Лагери переменяются часто, как ввиду нанесения вреда неприятелям, так и ввиду помощи союзникам.

Во все время похода законом требуется от всех лакедемонян заниматься гимнастическими упражнениями. Это вызывает большую уверенность в себе и внушает превосходство над другими. Но место для упражнений и для бега должно быть в пространстве, занимаемом морей, для того чтобы никто не удалялся от своего оружия. (6) После гимнастики полемарх объявляет через глашатая садиться, что составляет своего рода смотр; затем [он дает распоряжение] обедать, и тотчас после этого дозор отпускается. Затем следует товарищеская беседа, вечерняя гимнастика и отдых. (7) После этого глашатай объявляет ужинать, и после пения пана в честь тех богов, жертва которым дала благоприятные указания, ложатся спать при оружии. Неудивительно, что я пишу много; трудно найти что-либо опущенное лакедемонянами в военном деле из того, что требует внимания.

Глава тринадцатая

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЦАРЯ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

(1) Я изложу значение и честь, предоставленные Ликургом царю. Прежде всего, во время похода город кормит царя и живущих с ним полемархов, цель которых постоянно находиться при царе и в случае надобности давать советы. Живут с ним еще три человека из равноправных, которые доставляют все необходимое, чтобы царь с полемархами имел полный досуг заботиться о военных делах.

(2) Но я начну с самого выступления царя в поход. Прежде всего царь и его свита дома приносят жертву Зевсу Предводителю, и если жертва благоприятна, тогда огненосец берет огонь от жертвенника и идет с ним впереди до границы. (3) Здесь уже царь приносит жертвы Зевсу и Афине; и когда жертвы обоим богам будут благоприятны, тогда он переходит границу, причем предшествует непотушенный огонь от этих жертв и сопутствуют разные жертвенные животные. Но к жертвоприношению всегда приступает в сумерках¹³, как бы желая предвосхитить благоволе-

¹³ То есть рано утром, перед рассветом.

ние богов. (4) При жертве присутствуют полемархи, лохаги, пятидесятники, начальники наемных войск, заведующие обозом и, наконец, желающие из начальников войск от городов. (5) Присутствуют также два эфора, которые без приглашения царя не вмешиваются в дела, но в то же время следят за всем и, разумеется, дают чувствовать свое влияние. По окончании жертвы царь созывает всех и объявляет, что нужно делать. Видя все это, можно подумать, что одни только лакедемоняне мастера в военном деле, а прочие эллины – самоучки.

(6) Когда затем царь начинает вести войско, тогда, если неприятеля не видно, перед царем не идет никто, кроме скиритов и разведочного отряда всадников; если же ожидается битва, тогда он берет отряд из первой моры и делает поворот налево, пока сам не станет между двумя морями и двумя полемархами. (7) Тех же, которые принадлежат к общественной палатке и которые должны сзади стоять, устраивает старший между ними. Это – живущие с царем (три человека) равноправные, и с ними жрецы, врачи, флейтисты, ремесленники¹⁴ и добровольные участники. Таким образом, нет недостатка ни в чем необходимом, потому что все предусмотрено. (8) Очень полезное, по моему мнению, средство он придумал и для самого действия оружием. Когда покажется неприятель и будет заклана коза, в это время все наличные флейтисты должны играть на флейтах, а спартанцы¹⁵ – надевать венки и открывать блестящее оружие, (9) причем молодым дозволяется вступать в битву с завитыми волосами, намазавшись мазями и нарядными. На приказания эномотарха откликаются, так как вся эномотия не может слышать эномотарха, находящегося на конце (на правом фланге). За все отвечает полемарх.

(10) Когда наступает время располагаться лагерем, решение этого зависит от царя; он указывает и место. Прием послов дружественных и враждебных тоже его дело. Вообще, за всякими действиями обращаются к царю, и он уже, (11) если кто приходит к нему, например, за судом, отправляет к элланидикам; если за деньгами – к казначеям, если приносят добычу – к распорядителям добычи.

При таком образе действий во время похода царю ничего более не остается, как быть жрецом перед богами и полководцем перед людьми.

¹⁴ В рукописи Ксенофонта здесь несколько странное словосочетание, которое дословно можно перевести как «предводители войска»; большинство переводчиков относят это к флейтистам и понимают так: «флейтисты, которые обычно идут впереди войска»; Янчевецкий прибегает к более радикальному исправлению рукописного текста и переводит это место как «ремесленники».

¹⁵ У Ксенофонта написано «лакедемоняне».

Глава четырнадцатая

ПАДЕНИЕ ЛАКЕДЕМОНСКОГО ГОСУДАРСТВА

(1) Если бы меня спросили, нахожу ли я Ликурговы законы и теперь нетронутыми, на это я, право, не могу ответить с уверенностью. (2) Я знаю, что в прежнее время лакедемоняне предпочитали жить скромно, дома, в союзе с согражданами, чем быть наместниками по городам и развращаться лестью. (3) В прежнее время они боялись показать деньги, а теперь некоторые даже гордятся своими приобретениями. (4) В прежнее время для того и не допускались иностранцы и запрещалось выезжать гражданам, чтобы у них не явилось легкого отношения к своим обязанностям, а теперь, как мне известно, лица, считающиеся первыми в государстве, добиваются того, чтобы их наместничество на чужбине не прекращалось. (5) Тогда они старались быть достойными предводительства, а теперь они гораздо более хлопочут о самой власти, чем о том, чтобы быть достойным ее. (6) Потому-то прежде эллины ходили в Лакедемон и просили их предводительства против обидчиков, а теперь эллины большей частью составляют союзы — для того, чтобы не подпасть под их власть. (7) Впрочем, нечего удивляться этим упрекам; известно, что они не повинуются ни Аполлону, ни законам Ликурга.

Глава пятнадцатая

ОТНОШЕНИЕ ЦАРЯ К ГОРОДУ

(1) Я намерен изложить установленные Ликургом отношения царя к городу, потому что только эта власть доселе остается такою, как была установлена. Прочие порядки, как всякий найдет, или изменены, или изменяются. (2) Царь, как происходящий от бога, во всех общественных случаях приносит жертвы за город и ведет войско туда, куда посылает город. (3) Ему дается почетная часть от приносимых жертв, а в окружающих городах предоставляется на выбор столько земли, чтобы он не нуждался в умеренном и не отличался богатством. (4) Для житья вне города цари имеют общественную палатку и за обедом получают двойную часть — не для того, чтобы ели вдвое, а чтобы имели чем почтить, кого хотят. (5) Каждому царю в палатку дается два товарища, которые называются *пифии*. Кроме того, от каждых родов свиньи царю дается поросенок, чтобы, в случае надобности обратиться к богам за советом, у него не было

недостатка в жертвенных животных. (6) Пруд около дома дает ему воду в изобилии, – важное удобство, понятное тем, кто его не имеет. Перед царем все встают со своих мест, кроме эфоров, которые остаются на эфорских стульях. (7) Ежемесячно эфоры и царь клянутся друг перед другом – эфоры за город, царь за себя. А клятва дается от царя, что он будет царствовать по установленным городским законам, от города – что, при верности царя клятве, царская власть будет ненарушима.

(8) Это – уважение от города, воздаваемое царю при жизни, почти ничем особенным не отличающееся от уважения частных лиц, так как Ликург не хотел внушить ни царям гордости тиранов, ни гражданам зависти к их могуществу. Почести, воздаваемые царям после смерти, по смыслу законов Ликурга, показывают, что лакедемонские цари чтутся не как обыкновенные люди, но как герои.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	4
1. Природно-хозяйственная характеристика спартанского полиса	8
2. Исторические условия формирования спартанского полиса	
2.1. Дорийское переселение и этносоциальные трансформации в Лаконике (XII–VIII вв.)	19
2.2. Областная интеграция и начало формирования социальной структуры Лакедемона	23
2.3. Перманентная территориальная экспансия дорийской общины Лакедемона	28
3. Спартиаты	
3.1. Политические функции и правовой статус	43
3.2. Военные функции и статус	49
3.3. Экономические функции и статус	51
3.4. Сословная семантика и образ жизни	56
4. Перизеки	
4.1. Общие проблемы определения статуса	68
4.2. Политические функции и правовой статус	71
4.3. Военные функции и статус	76
4.4. Экономические функции и статус	81
5. Илоты	
5.1. Правовой статус	91
5.2. Военные функции и изменение правового статуса	99
5.3. Экономические функции и статус	107
Заключение	112
Примечания	119
Ссылки на использованные источники	151
Рекомендуемая литература	167
Список сокращений	170
Приложение 1. Карта южного Пелопоннеса	173
Приложение 2. Хронологическая таблица	174
Приложение 3. Ксенофонт. Лакедемонская полития. Пер. Г. А. Янчевецкого	178

Учебное издание

Зайков Андрей Викторович

**ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕЙ СПАРТЫ:
ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ**

Учебное пособие

Заведующий редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *Е. И. Маркина*
Корректор *Е. И. Маркина*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

План изданий 2013 г. Подписано в печать 27.05.13.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 11,2. Усл. печ. л. 11,39. Тираж 200 экз. Заказ 1084.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

Зайков Андрей Викторович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков Уральского федерального университета, заведующий кафедрой истории государства и права Гуманитарного университета (Екатеринбург). В качестве приглашенного профессора читал лекции в различных университетах и колледжах Европы и Соединенных Штатов Америки. Прошел стажировку по программе «Tempus Tacis» при Флорентийском университете (1997). Читает курсы по истории древней Греции и Рима, истории государства и права зарубежных стран, римскому праву, а также спецкурсы по различным аспектам античной истории (история и культура древней Спарты, судебной организации и правовой истории древнего Рима, Микенской цивилизации и др.). Сотрудничает с издательством «Ладанмир» (Москва) в крупномасштабном проекте по изданию на русском языке многотомной «Кембриджской истории древнего мира». Основные научные интересы: история древней Спарты, история древнегреческого права, суд и право древнего Рима.

azaykov@olympus.ru

<http://hist.ign1.ufru.ru/people2/client/agents.asp&id=38>